

ΠΟΡΟΓ-ΑΚ

АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 25

В ВЫПУСКЕ:

Нереал:

Владислав Кукреш. Жнец	5
Владимир Мальмаков. А-3689256	23
Татьяна Терновская. Таинственный помощник	
Екатерина Белоусова. Свобода от	40
Валерия Василевская. Сердца красавиц	
Алексей Корепанов. Возвращение на звезды	60
Дмитрий Калюжный. День денег для негодяев	
Екатерина Филиппова. Будь милостива к нам	72
Дарья Рубцова. Колодец и ослепительный свет	
Людмила Рогочая. Диалектическая связь	89
Сергей Мякин. Прозрение	100
Юлия Давыдова. Лев и Матвей	103
Юлий Шанс. Птица	123
Анастасия Ребкавец. Изгой	
Владимир Торин. Странная мамба	134
Леанна Росси. Детали двух походов	150
Поэзия:	
Николай Проценко. Ритмы	80
Валерий Сорокин. Слияние	
Реал-нереал:	
Анна Проценко. Гендерная проблема	86
* * *	
Авторы о себе	157

Украина Кропивницкий (Кировоград) 2017

Учредитель-издатель-редактор АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ

http://www.korepanow.narod.ru/

«ПОРОГ-АК». Выпуск 25. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58P от 17.01.2008 года. E-mail: porog-anturage@yandex.ru
Телефон: (0522) 36-23-43

Почтовый адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий, а/я 5-50.

ΠΟΡΟΓ-25 5

НЕРЕАЛ

Владислав Кукреш ЖНЕЦ

Здание на Рогожской Заставе строило само себя, но толпы москвичей об этом даже не подозревали. Каждый спешил по своим делам, и никого не посещала мысль хотя бы раз задрать голову и несколько секунд понаблюдать за возведением небоскреба. А точнее – за грубой имитацией привычной технологии строительства.

Высоко в небе днем и ночью работали строительные краны, таскавшие бетонные блоки, арматуру и всевозможные инструменты. Однако, несмотря на бурную деятельность – с каждым днем здание подрастало на несколько метров, – люди на стройке отсутствовали.

В кабинах кранов сидели вырезанные из фанеры человеческие фигуры. Похожие плоские обманки населяли всю возводимую часть здания. У одного фанерного человека высоко поднята ладонь, словно он указывает подчиненным, где необходимо сосредоточить усилия. Другой, уткнув руки в бока, смотрит в вечном перекуре за горизонт. Третий силуэт будто тащит тележку с кирпичами. Всего таких фигур было семнадцать.

За последние две недели Константин Самарин изучил псевдостроителей очень хорошо – всех до единого. Никто из них даже пальцем не пошевелил, пока этаж за этажом новый небоскреб возносился над Москвой. Более того, в определенное время фанерные крановщики поднимали фанерных же рабочих на новый уровень, где те продолжали бессмысленную вахту.

Может, впрочем – и не совсем бессмысленную. Стоило обывателю на какую-то долю секунды взглянуть на здание с земли, и плоский народец тут же вводил его в заблуждение, создавая впечатление самой обычной московской стройки. Большинство, как уже говорилось, ее вообще не замечало.

Возведение таинственного небоскреба Константин наблюдал из окна своей квартиры на шестнадцатом этаже. Начала стройки он не помнил, несмотря даже на то, что вечерами имел регулярную привычку стоять на балконе, обозревая панораму столицы.

Прозрел молодой человек лишь с выходом фанерных строителей на двадцатый этаж. Ранее, подобно всему человечеству, он пребывал в полном неведении о том, что происходило на самом деле.

Таинственная стройка заинтриговала Константина. Еще бы. К привычному трехэтажному торговому центру «Альтаир» надстраивали что-то невероятное – безобразную безвкусицу, нетипичную для крупных столичных проектов. Серый прямоугольник с редкими вытянутыми окнами, формой напоминавшими бойницы, просто не мог получить разрешение на строительство так близко к центру. Однако кто-то его все же выдал. Мрачный облик возводимого сооружения больше соответствовал тюрьме, чем офисному или жилому зданию.

Константин направил в Москомстройинвест обращение, попросив раскрыть застройщика и детали строительства. О том, что на объекте работают люди из фанеры, он предусмотрительно умолчал.

Письменный ответ пришел на удивление быстро и сбил молодого человека с толку:

«...в указанном месте расположен торговый комплекс «Альтаир», строительство которого завершено два года назад. В настоящий момент никакие иные строительные работы на объекте не ведутся».

Отписка из мэрии вынудила Константина выйти на улицу. В день получения бесполезного ответа он почти час приставал ко всем подряд с просьбой прокомментировать деятельность над крышей «Альтаира».

Вопросы Константина вызывали удивленные взгляды, и многие ускоряли шаг в надежде избежать общества назойливого приставалы. Те же прохожие, кто, вняв настойчивым просьбам, задирали лица – смотрели совсем не туда, куда следовало. Будто некая сила, выворачивая им шеи, мешала проследить за указующим пальцем.

Только один мужчина признал, что временами различает поблизости запах строительного битума и слышит удары отбойного молотка...

В какой-то момент, перебегая от одного москвича к другому, Константин поймал краем глаза легкое движение под ногами и машинально перескочил через смутно осознанное препятствие – неширокий желоб, по которому неторопливо текли темные воды.

Когда молодой человек на мгновение оторвал от непривычного объекта взгляд – тот начал таять, утрачивая форму. А затем сквозь него проступила знакомая каменная плитка пешеходной зоны.

Константин не дал миражу исчезнуть. Сообразив, что теряет что-то важное, он сосредоточил внимание на нестойком видении, и отчаянная попытка мысленно воскресить форму желоба дала результат: всего секунду назад едва различимый, полупрозрач-

ΠΟΡΟΓ-25 7

ный объект обрел объем, четкость. И он больше не был чем-то уникальным, совсем наоборот – стал частью системы.

Паутина схожих желобов, а еще лучше сказать – каналов, густой сетью обступала здание на Рогожской Заставе. Чем дальше от «Альтаира», тем каналы выглядели шире, через некоторые кто-то перекинул мосты из досок – чтобы защитить людей от незапланированного купания.

Проследив за направлением темного потока, Константин затряс головой, словно не поверил увиденному: у самого основания торгового комплекса крупные каналы распадались на множество мелких, напоминая паутину. Как извилистые корни, взрезали они стены торгового комплекса и несли темную жидкость дальше – вверх, нарушая законы физики!

Новострой больше не создавал впечатления скучной серой коробки: по всему его периметру змеями ползли нити извращенной кровеносной системы. Теперь здание походило на сердце коробкообразной формы, ожидавшее мига пробуждения.

Поразительно, но никто из деловитых москвичей или гостей столицы не видел кругом ничего необычного! Люди спокойно разговаривали друг с другом, покупали что-то у торговцев с улицы, просто шагали куда глаза глядят, погруженные в размышления. Но при этом, пусть даже никто из них специально не смотрел под ноги – ни одна туфля, босоножка или сапог не ударяла в темные воды. Хозяева обуви с легкостью перешагивали через вездесущие каналы, словно запрограммированные.

Особо глубокое потрясение Константин испытал, когда увидел жнеца: трехметровое существо в изодранном плаще выступило из-за угла здания. Лицо, если оно было, скрывал широкий капюшон, переходивший в мешкообразное одеяние, которое доставало до самой земли. Руки также прятала ткань. А вот по походке Константин предположил, что у существа нет ног, по крайней мере – в человеческом понимании. Оно как бы плыло над поверхностью, причем – с таким скрежетом по асфальту, будто под нижними пластами одеяния работали бесчисленные металлические штыри.

Никто из наполнявших площадь беззаботных людей даже бровью не повел в сторону высокого незнакомца, от которого веяло угрозой. При этом неким шестым чувством Константин осознал, что не должен привлекать внимания существа, и только в этом шанс на спасение. С невозмутимым видом он пошел в сторону ближайшего входа в метро.

Не бросать беглых взглядов на существо в капюшоне и тем более не смотреть себе под ноги, ловко перешагивая желоба с темной водой, – задача не из легких, особенно когда получил

представление, что они существуют. Трехметровый гигант словно почуял что-то необычное в поведении Константина, перешел с проезжей части в пешеходную зону и загромыхал, взяв курс на сближение.

Молодой человек вспотел. Его тело умоляло бежать от обдающего космическим ужасом представителя другого мира, но вместо этого Константин шел ему навстречу. Напряженный и в то же время внешне беззаботный, он делал вид, будто изучает вывеску одного из магазинчиков – чуть левее плеча зловещего исполина.

Существо не дошло до него около двадцати метров, переключив внимание на цели в тени газетного киоска. Его заинтересовала мило беседовавшая молодая пара.

Не успел Константин сделать и двух шагов, как из прорезей мешковатого одеяния выскользнули вполне человеческие руки с двумя серпами. Еще шаг – одно из сельхозорудий глубоко вошло беззаботному юноше в спину и подняло его высоко в воздух. Еще два – второй серп стал кромсать орущую жертву.

Юношу безжалостно потрошили, кровь с внутренностями водопадом наполняли дно ближайшего канала, но бегущим по своим делам людям на все это было плевать. Более того, перед тем как оставить эту страшную сцену за спиной, Константин отследил реакцию девушки, с которой всего за несколько секунд до трагедии беседовал несчастный.

Кокетливое веселье словно ветром сдуло с миловидного лица. Со скучающей миной девушка прошла мимо Константина, совершенно позабыв о юноше, с которым, вполне возможно, ее связывали романтические отношения и планы на будущее.

* * *

Жнецами укрытых тканью существ Константин назвал сам. О том, кто они и с какой целью потрошат на улицах Москвы людей, он не имел никакого понятия. Но так как у всего должно быть имя – окрестил их жнецами. За умение, наверное, ловко орудовать серпом. Да и в целом «процедура» больше походила на сбор урожая, чем на бессмысленное убийство.

После жутких событий у недостроенного здания Константин делал все возможное, чтобы лишний раз не выходить на улицу. Однажды увидев жнеца за работой, он стал встречать этих тварей повсюду: на остановках, в торговых центрах и даже в метро. Убивали они не каждый день, но ужасом обливали с ног до головы всегда. А раз так, то делать вид, что их не существует и не привлекать к себе внимания было весьма непросто.

Видимые только Константину каналы наполняла кровь убитых. За те несколько вылазок на улицу до того, как окончательно «залечь на дно», он узнал, что питают они не только стройку на Рогожской Заставе, но и ряд других зданий Москвы – настолько высоких, что крыш не разглядеть.

В конце концов, чтобы не привлекать лишнего внимания, молодой человек перестал бродить вблизи подозрительных небоскребов и организовал смотровую площадку дома. Здесь он безвылазно провел месяц, заказывая еду и оплачивая счета через интернет.

Мобильник и телефон в прихожей все это время молчали, как могильные плиты. Друзей у него было немного, а единственные близкие родственники – отец с матерью – погибли в автокатастрофе много лет назад. Получив в наследство несколько квартир в Москве, Константин избавил себя от приобретения высшего или среднего специального образования. К чему оно, если можно без особого труда жить счастливо, получая хорошие деньги от сдачи жилья?

Около десяти лет он вел жизнь богатого затворника, так что вынужденная изоляция особых неудобств не доставила. В свободное время Константин часами читал книги по истории, рисовал углем и временами выходил на балкон, чтобы понаблюдать за стройкой и жнецами.

Благодаря армейскому биноклю, купленному через «Яндекс. Маркет», Константин сделал ряд интересных открытий. Так он предположил, что одежда трехметровых существ сшита из плохо обработанной человеческой кожи, а еще выяснил, куда исчезают тела убитых. Жнецы взваливали мертвецов на плечи и, вонзая членистые конечности в специальные углубления, ловкими пауками поднимали груз по стенам незаконченного здания в квадратные проемы, которые невидимые строители ставили через каждые двадцать этажей.

Высота «Альтаира» достигла ста пятидесяти метров, когда Константина вычислили.

Обычно он прилагал значительные усилия, чтобы не афишировать свой интерес к недостроенной башне или каналам с кровью. Ошибок, подобных написанию письма в мэрию, Константин уже не совершал, а слежку с балкона вел при полностью выключенном свете. До поры до времени.

Однажды, во время очередной вылазки на балкон, его взгляд случайно скользнул по крыше соседнего жилого дома. От увиденного душа молодого человека ушла в пятки, а рука запоздало вспомнила про выключатель.

Целую секунду глаза Константина привыкали к новому освещению, а когда зрение пришло в норму, то на противоположной крыше никого уже не было. Может, померещилось?

Нет. Он точно видел фигуру жнеца. Его балкон изучали столь же пристально, как сам Константин наблюдал за подозрительной стройкой.

В прихожей подал голос стационарный телефон. Последний раз он трезвонил месяца два назад: какой-то банк хотел осчастливить хозяина квартиры кредитом. Неужели ему снова вздумали всучить что-то совершенно ненужное? Нашли время...

Быстрым шагом Константин прошел к телефону, раздраженно поднес трубку к уху и сказал:

- Алло!

Поздним февральским утром он разлепил глаза. Холод пронизывал до костей. Константин не понимал, ни куда пропала из его руки телефонная трубка, ни кто его накрыл одеялом.

Солнечные лучи самым необычным образом лежали на стене спальни, создавая ощущение нереальности происходящего. Обои, люстра, кровать – все было на своих местах, просто Константин не привык по утрам видеть февральское солнце дома. Крыло здания с его квартирой в это время суток пребывало в тени – никаких солнечных зайчиков на обоях.

Он приподнялся на локте, чтобы выглянуть на улицу, и оторопел. Знакомой расцветки шторы висели на месте, а вот вместо окон с оконной рамой возник вытянутый вертикально прямоугольник, через который, собственно, в его жилище и проникали солнечные лучи.

Чуть не упав с кровати, Константин ступил на пол, подошел на нетвердых ногах к дыре наружу и с высоты доброй сотни метров обозрел панораму Москвы, а также, достаточно близко, – крышу дома, в котором жил последние годы, свой балкон, окна кухни и спальни.

В глазах у Константина все поплыло, он зажмурил их и спустя несколько секунд распахнул – никаких изменений.

Когда пришло понимание, что его неким образом забросило в недостроенное здание, молодого человека охватила паника.

וווע הו

Похитители, кем бы они ни были, ничего не говорили Константину о своих намерениях – просто держали взаперти: дверь прихожей выводила в никуда, а точнее – в бетонную стену. Реальный выход из квартиры был только один – через окно-бойницу в спальне, но заключенный еще не дошел до такой степени отчаяния, чтобы пойти на самоубийство.

Полиция не помогла. А ведь он позвонил куда следует сразу, как только осознал, что его похитили. Сообщил адрес, паспортные данные и намекнул, что его держат против воли «в пристройке» на крыше «Альтаира». Думал, что опергруппа, когда прибудет на место, не сможет не заметить, что над третьим этажом торгового комплекса нелегально возведены и возводятся многие десятки метров жилья. Но не тут-то было.

Поначалу бойница показала Константину очень обнадеживающую картину: к дверям «Альтаира» подъехали три полицейские машины, и порожденные ими маленькие человечки в форме один за другим вошли в двери торгового комплекса. Только двух сотрудников полиции оставили снаружи.

Долгие минуты, если не часы, ничего не происходило. А потом опера быстренько вышли из дверей «Альтаира», сели в автомобили и уехали.

На следующий день Константин снова вызвал блюстителей правопорядка. В этот раз он кричал, высунувшись из бойницы, размахивал горящей простыней, сбрасывал со стометровой высоты к ногам полицейских различные предметы: рулон туалетной бумаги, яйца из холодильника. Окончательно отчаявшись, пленник разбил бутылку соевого соуса о лобовое стекло патрульного автомобиля. Ноль внимания!

Закончив бессмысленную операцию в торговом комплексе, полицейские всем составом двинули к дому, в котором раньше жил Константин. В его квартире они пробыли почти час. Дважды выходили на балкон и, разумеется, не слышали и не видели мужчину, подававшего им знаки из соседнего здания.

В какой-то момент Константина осенила идея набрать номер своего домашнего телефона.

- Да? спустя бесконечные десять секунд ожидания сказал грубоватый мужской голос.
 - С кем имею честь? спросил Константин.
- Оперуполномоченный Конев Александр Иванович. А вы кто, простите?
- Я хозяин жилья, которое вы обыскиваете. Константин Семенович Самарин.
 - И с какой целью вы звоните, Константин Семенович?
- С той же самой, с какой уже дважды звонил в вашу диспетчерскую! Меня похитили!
 - И держат на крыше «Альтаира», так?
 - Именно!
- Мы были там два раза. Ничего интересного. Крыша как крыша.
 - Ho...

– Константин Семенович, уж не знаю, зачем вы затеяли эту дурацкую игру, но смешно, похоже, только вам одному. Мы не знаем, каким образом вам удается скрывать место, откуда вы звоните. Тем не менее, факт остается фактом: вы – телефонный террорист, который отвлекает внимание работников полиции и спецслужб на всякую ерунду. Вместо того, чтобы расследовать реальные преступления, мы преследуем фантома – то есть вас.

- Черт возьми, неужели вы не видите?!
- Не видим что?
- Над тремя этажами торгового центра еще пятьдесят! Меня заперли на одном из них!
 - Вы сами от своих шуток не устали?
 - Какие шутки? Вы гляньте в окно, всмотритесь как следует!
- Уже всматриваюсь. Знаете, что вижу? Несколько лет лишения свободы. Если придете с повинной, то получите «условно».
 - Да я могу доказать, что говорю правду!
 - Интересно, как?
- Выйдите на балкон, начните показывать руками различные фигуры, а я их буду называть! Это убедит вас в том, что я заперт в здании напротив и все вижу.
- Это убедит меня лишь в том, что вся ваша квартира нашпигована видеокамерами.
 - Да чтоб вас!..
- Послушайте, перестаньте ломать комедию, Константин Семенович. Даже если предположить, что вас похитили и где-то держат против воли, то какой идиот оставит в комнате с похищенным телефон?..

Константин глубоко вздохнул и прервал разговор. Больше в полицию он не звонил. Забыл молодой человек и о сотовом, тем более, что кто-то основательно подчистил все контакты. Ну или же ему подбросили совершенно другой мобильник, внешне похожий на старый. Вкупе с отсутствием интернета, Константина полностью отрезали от внешнего мира.

Впрочем, не скажешь, что все проведенное взаперти время он страдал. Никто его не пытал, не читал безумных лекций: тюремщиков Константин так и не увидел. Если не считать, разумеется, жнецов, которые, громыхая стальными конечностями, иногда пробегали по внешней стене с мертвецами на плечах. Они его больше не пугали. Просто обдавали потусторонним холодом.

Чем больше Константин наблюдал за жнецами, тем глубже понимал. Он обнаружил в их перемещениях определенную последовательность.

Вне зависимости от времени года, с шести утра до шести вечера жнецы носили по стенам небоскреба трупы, причем – не

чаще двух раз в час. Далее вплоть до полуночи они поднимали их каждые пятнадцать минут. А вот с часу до двух ночи – затаскивали не меньше пяти мертвецов в минуту: от грохота металлических ног здание сотрясали судороги, как при землетрясении.

Затем до шести утра наступала благодатная тишина. Не было ни жнецов, ни их страшной ноши, ни грохота стройки где-то высоко в поднебесье – здание словно засыпало вместе со всеми его обитателями, строителями и стражами.

Позабыв Константина, этот мир жил по своим строгим непонятным законам.

Впрочем, временами о нем вспоминали: еду он получал через регулярно наполняемый холодильник и не менее трех раз в сутки. Происходило это с интервалом в несколько часов. Привычный «Индезит» въезжал в стену и на манер лифта уползал вверх, а его место занимала аналогичная модель холодильника с обновленным содержимым.

* * *

Годы в каменном мешке не сломили Константина. Чего не скажешь о других обитателях проклятого небоскреба. Никого из них вживую, конечно, пленник не видел, зато слышал. Их рвущие душу крики нередко мешали спать.

Они никогда не выли все вместе – его товарищи по несчастью. Только поодиночке. Ниже или выше бойницы Константина неизвестные палачи приступали к пыткам, и когда воздух взрезал крик очередной жертвы – он звучал часами! Словно с бедолаги кожу живьем сдирали.

Не удивительно, что запертый в темнице, Константин упорно работал над реализацией пусть и спорного, но все же плана спасения. Ключом к свободе должен был стать сотовый, на котором, так уж получалось, всегда хватало денег на звонки.

Каждое утро, едва позавтракав, Константин брал в руки мобильник и приступал к обзвону незнакомых номеров. Все до последней цифры, если не считать, конечно, общего начала (+7 926, +7 920, +7 903 и так далее), он просто-напросто сочинял на ходу.

Часто номер молчал, но иногда ему отвечали, и тогда Константин прилагал все усилия, чтобы случайный собеседник выслушал его до конца. Посредством телефонной рулетки пленник разыскивал сочувствующих, людей, способных не только поверить в его фантастическую историю, но, что более важно – готовых помочь.

В последующие годы Константин вывел ряд правил, чтобы не спугнуть потенциального спасителя: никогда не вываливать проблему в самом начале, первые десять минут беседовать только на нейтральные темы, а также – в обязательном порядке задавать

потенциальному помощнику личные вопросы, чтобы разговорить и расположить к себе.

Конечно, многие все равно сбрасывали вызов, едва заслышав незнакомый голос, а большая часть случайных «друзей по телефону» теряла интерес к беседе задолго до момента, когда Константин думал перейти к самому важному. Процент же не только дослушавших историю, но и поверивших в нее, был настолько мал, что его следовало бы списать на статистическую погрешность.

И уж, тем более, никто из уверовавших в Константинову правду не протягивал руки помощи. Люди обычно жалели похищенного таинственной силой виртуального друга, но и только. Один сообщил, что у него самого проблем хватает, другой посоветовал связать из простыней веревочную лестницу. А третий откровенно признал, что ему страшно влезать в столь опасное дело.

Все нерабочие номера, а также те из них, по которым не имело смысла звонить, Константин заносил в специальную тетрадь, чтобы случайно не набрать их снова.

Наконец он исписал последний лист, и стержень шариковой ручки заскрипел по внутренностям второй, а затем и третьей тетради. Когда вся чистая бумага в квартире вышла, это не привело к резкой остановке кропотливого труда: Константин начал писать на стенах и даже на потолке. Спустя десять лет заточения он покрыл цифрами каждый свободный сантиметр пространства.

И вот ежедневная изнуряющая работа на телефоне дала результат – Константин нашел человека, готового помочь. Что совсем не удивительно. Врач частной стоматологической клиники Людмила Сергеевна Румянцева также временами видела странные вещи в родной Казани, причем некоторые из них до жути напоминали ожившие кошмары самого Константина.

Иногда по дороге домой погруженная в себя девушка замечала то, чего в действительности быть никак не могло – каналы с водой, очень похожей на кровь. Такие видения накатывали не реже раза в неделю и мучили до трех минут. Люда списывала их на издержки профессии: работая стоматологом, она нередко взаимодействовала с чужой кровью. А потому совсем не удивительно, что «темные потоки» навещали ее так часто. К врачам она не ходила, справедливо полагая, что потеряет работу, если ее сочтут сумасшедшей.

Примерно полгода назад видения Люды стали ярче, страшнее, продолжительнее. Так, вблизи Дворца Земледельцев она с минуту наблюдала за возникшим из ниоткуда зданием – настолько неестественно высоким, что вершина его исчезала в облаках.

Дважды девушка видела тех, кого Константин называл жнецами. Несмотря на то, что оба раза закутанные в обрывки человеческой кожи фигуры достаточно быстро растаяли в воздухе, память об их зверствах навсегда лишила ее мирного сна.

До звонка Константина Люда считала, что медленно сходит с ума и, чтобы не провоцировать новые галлюцинации, до предела сократила прогулки на свежем воздухе. Узнав же, что она совсем не одна такая спятившая, девушка слегка воспрянула духом.

План спасения, совершенно безумный и рискованный, узник разработал еще в первые месяцы заточения, но только спустя одиннадцать лет настало время воплотить его в жизнь. Люда его одобрила, сама предложила помощь и выехала в Москву. Ее поезд прибыл в столицу утром последнего дня октября. Побросав вещи в хостеле, последующие часы девушка провела за разведкой окрестностей «Альтаира».

Первые пять дней Люда наблюдала, в основном, то же, что и простые москвичи. Лишь однажды в небе над тремя этажами торгового комплекса она ненадолго увидела похожее на исполинскую тень нечто.

Это видение очень воодушевило Константина.

– Попробуй в следующий раз сосредоточиться на этом образе, – посоветовал он Люде после доклада о результатах вылазки. – Все мысли направь на эту тень. Не думай, что делаешь нечто невозможное. Просто сосредоточь внимание, вглядись в силуэт. А когда здание предстанет перед тобой во всей красе – не отводи от него глаз! По крайней мере – в последующие минуты две... Главное тут не подавать признаков, что ты удивлена или вообще видишь что-то необычное. Если жнецы прознают, что ты в курсе – и тебя загребут...

Следующий день Люда потратила на бессистемные блуждания по улицам вблизи торгового комплекса и ближе к вечеру снова различила над головой неестественный теневой силуэт. Сконцентрировав на нем внимание, она тихо вскрикнула, когда, словно наехав на нее, из ниоткуда выступила громада серого здания с бойницами вместо окон.

Незамедлительно позвонив Константину, девушка рассказала об успехе.

Узник выглянул из бойницы и взмахнул кухонным полотенцем. Человечек в красной куртке помахал в ответ.

– Костя, я тебя отлично вижу! – сказала обладательница этой самой куртки. – Давай провернем все прямо сейчас. Этой ночью. Смотри, ветра нет – даже природа с нами заодно!

– Тише! Ты так в открытую голову не задирай!.. Уверена насчет этой ночи? Может, еще пару дней потренируешь зрение? Здание видишь хорошо?

- Нормально. Я с ума сойду бродить по окрестностям еще двое суток. Тем более, если, как ты говоришь, кругом эти жнецы толпами бродят!
 - Вот так сразу и в бой?
- Слушай, это же не меня заперли на десять лет в темницу. Но, окажись я на твоем месте, то сделала бы все возможное, чтобы сбежать как можно скорее!
- Я не хочу рисковать зря, тем более тобой. Нужно быть на все сто уверенным в успехе...
- С каждым отложенным днем риск будет возрастать! На меня уже с подозрением пялятся не только местные бомжи с попрошайками, но и бомбилы, и уличные торговцы. Если твои жнецы ненамного тупее этих товарищей...
- Хорошо-хорошо, действуем сегодня. Насколько понимаю, в отеле ты все подготовила?
- Да. Осталось только самой туда вернуться и кое-что доработать по мелочи... В каком часу мне нужно быть здесь?
 - Подъезжай часам к трем. В это время у жнецов тихий час.
- Хорошо. Похоже, я одного из них вижу по зданию пополз. Ну и страшный же... Это явный сигнал, что и в самом деле пора уходить. До скорого.

Еще долго после того, как сотовый замолчал, Константин наблюдал за суетливой Москвой, игравшей огнями далеко внизу. Вполне возможно, сегодняшний вечер – последний, когда он видит всю эту осточертевшую красоту...

Ну и пропади она пропадом! Если все пройдет, как положено, то уже завтра они будут далеко от этого места.

* * *

Ночью, в начале четвертого, над бойницей Константина зависла гроздь черных воздушных шариков. На одном из них Люда белым маркером нарисовала смайлик.

Использовав ручку швабры с крючком на конце, узник подцепил леску, отходившую от основания воздушного букета, и втащил шарики в квартиру. При проходе сквозь бойницу один из них лопнул, но это уже не имело значения – посылка была получена. Константин осторожно отвязал листок-инструкцию. Бумажка юркнула в карман рубашки, а отпущенный на свободу букет взмыл к потолку.

Последующие минуты Константин сосредоточенно работал руками, затаскивая в комнату бесчисленные метры лески.

Первое время дело шло достаточно споро, но затем ноша так прибавила в весе, что дыхание пленника стало прерывистым, а на лбу выступил пот.

В тот момент, когда Константин подумал, что у него вскоре откажут руки, в бойнице показался конец альпинистской веревки. Еще один мощный рывок за леску, и ключ на свободу упал к его ногам.

Из последних сил Константин обмотал веревкой батарею, затянул крепкий узел и только после этого позволил себе сползти на пол, где просидел минут десять, восстанавливая дыхание.

Конечно, он с радостью мог просидеть и полчаса, и даже час, но время поджимало. Следовало уходить, пока жнецы не проснулись – ну или чем там они занимались в ночные часы.

Встав, Константин размял кисти рук и вынул из кармана рубашки «Инструкцию для начинающих альпинистов по скоростному спуску методом Дюльфера». Вроде бы ничего невозможного: «Пропускаем веревку через промежность, обводим правое бедро, протягиваем через грудь за левое плечо, чтобы, опустив через спину, вложить свисающий к земле конец в правую руку». Для облегчения задачи под описательной частью автор инструкции поместил рисунок.

Накинув на себя веревку способом, который рекомендовала Людина бумажка, Константин выглянул в морозную осеннюю ночь и, не теряя времени, начал самый опасный спуск в своей жизни.

Поначалу осторожно, но с каждым преодоленным метром все увереннее сползал он к земле, и ночной холод нисколько не беспокоил начинающего альпиниста. Там, внизу, его ждала Люда с набором теплых вещей. Там, внизу, он снова почувствует жизнь.

Благодаря полному отсутствию ветра и осадков спуск прошел без осложнений. Беглеца не болтало из стороны в сторону, глаза не залеплял мокрый снег. Что может быть лучше? Даже обычно шумное шоссе Энтузиастов, подступавшее к «Альтаиру» вплотную, почти не беспокоило слух.

Только когда ноги Константина впервые за последние одиннадцать лет шаркнули по асфальту, он осознал, насколько неестественна обступившая его тишина. Она так потрясла его, что на какое-то время он забыл о боли в натруженных мышцах.

У самых ног беглеца лежал туристический рюкзак и стоял карманный баллон с гелием. Проулок между стеной «Альтаира» и пристроенной почти вплотную к нему многоуровневой автостоянкой хорошим освещением не баловал, так что ничего другого Константин не видел. Разве что – небольшую кучу мусора на границе восприятия.

При более внимательном рассмотрении «мусор» напомнил человеческое тело...

Не успел он упасть перед Людой на колени, как тени за границей света ожили – целый отряд жнецов терпеливо поджидал его во мраке. Константина зашатало, как от удара камнем по голове, а затем он безвольно сполз на землю. Бегством ситуацию не выправить – все было кончено. Он это видел тысячи раз: от жнецов еще никто не уходил.

Полностью обессилевший Константин смотрел на рассыпанные по асфальту женские волосы и слушал, как, громыхая металлом по асфальту, на него наползает смерть.

Он с сожалением подумал, что никогда не увидит лица храброй, но незадачливой спасительницы. А затем, когда тяжелая металлическая конечность одного из жнецов – намеренно или по чистой случайности – расплющила в кашу его правую ступню, Константин потерял сознание. Боль унесла его в лучший мир, наполненный блаженным небытием, пусть, к сожалению, – совсем ненадолго.

* * *

Он ошибся. Судьба все-таки подарила ему шанс увидеть лицо Люды – красивое, слегка округлое, искаженное гримасой невыносимой муки.

Крючьями их обнаженные тела подвесили к потолку.

Пребывая в горизонтальном положении, Константин не мог оценить полученных увечий, но, судя по болевым импульсам, знал, что выглядит не лучше Люды. Кожу девушки прошивали металлические крючья, а тело покрывала сеточка крови: иногда – спекшейся, иногда – еще достаточно бодро стекавшей на грязный пол...

Пленников разделял широкий стол-лаборатория, усеянный зловещего вида щипцами, пилами, колбами с жидкостями и несколькими зажженными мензурками, изливавшими слабое синее пламя. Света оно давало мало, но вполне достаточно, чтобы понять – Люда в сознании.

Прямо за девушкой Константин приметил едва выступавший из мрака силуэт бетонной трубы диаметром несколько метров.

- Где мы? едва слышно спросил он.
- В здании. В том самом, в твоем, ее голос дрожал от боли и страха, но способности здраво мыслить Люда, похоже, не утратила. Я пришла в себя, когда они тащили нас по стене... Костя, твои ноги...
- Да, одна из тварей повредила мне ступню: пальцами пошевелить не могу ничего не чувствую...

– Нет, Костя, они ампутировали... полностью лишили тебя ног! Константин сделал несколько попыток проверить это утверждение, но лишь разбередил раны: кровь хлынула с удвоенной энергией, а боль накатила такая, что мужчина едва не потерял сознание. Когда он безвольно обвис, перестав выгибать в конвульсиях спину, то увидел в глазах Люды слезы.

- Прости меня. Не стоило тебе сюда приезжать, - сказал Константин, и так как Люда ничего не ответила, беспомощно добавил: - Прости.

Он так и не сказал ей, что все будет хорошо. Зачем омрачать ложью последние минуты?

Внутреннее чувство подсказывало Константину, что жнецы знали о его планах с самого начала. Иначе как объяснить засаду в три часа ночи? Более того, тюремщики сами могли подстроить «побег», подбросив Константину в темницу сотовый с оплатой телефонных разговоров на много лет вперед. Зачем? Как версия: чтобы заманивать в ловушку других людей, способных ощущать их мир. Таких, как Люда.

Они так и не успели сказать друг другу последнее «прощай»: из бетонной трубы за спиной девушки повеяло сырым затхлым воздухом, и раздалась, пусть и в значительном отдалении, знакомая поступь жнеца. Судя по тому, как быстро звук обретал силу, тварь спешила как могла. За какую-то минуту едва различимое постукивание переросло в усиленную эхом серию пушечных выстрелов.

В страхе Люда зажмурила глаза. Ее трясло, а Константин наблюдал, как из трубы вылезает жнец: металлические лапы одна за другой ударили в пол, и на невыносимо долгие секунды закутанное в человеческую кожу существо замерло, оценивая обстановку.

Так и не открывшая глаз Люда слабо всхлипнула, и звук этот словно привел жнеца в чувство. Обогнув девушку, он подплыл к столу-лаборатории. Из разрезов в плаще – примерно на уровне груди – выглянули десятки тонких членистых манипуляторов, а также совершенно человеческие руки, очень бледные и худые.

Жнец не стал медлить. Схватив сразу несколько разбросанных в беспорядке ножей, он обратил зловещий капюшон к Люде, которая к тому времени все же раскрыла глаза.

Ее последний взгляд Константин запомнил на всю жизнь. Она больше не плакала, не дрожала. Лицо выражало полное спокойствие. Только когда огромный тесак разрезал ее от горла до живота, а грудную клетку вскрыли безжалостные манипуляторы, Люда утратила самообладание.

Она кричала, когда жнец выворачивал ей ребра. Кричала и тогда, когда он вырывал у нее из груди сердце. А потом почти смолкла. Лишь едва слышно хрипела, размазывая по подбородку кровь, когда стальные ноги жнеца развернули его к Константину.

Мясник даже не отбросил Людино сердце: не теряя времени даром, он вонзил нож мужчине в живот.

Странно: когда монстр рассекал Константину кожу – боль отсутствовала. Она навестила его, когда мучитель стал выгибать ему ребра...

А затем жнец сильно удивил Константина. Вместо того, чтобы вырвать «пациенту» сердце, он ловко пристроил в его грудь еще одно – всего минуту назад питавшее Люду.

То, что происходило дальше, Константин уже не воспринимал и не понимал. Иногда его страдающий мозг милосердно отправлял сознание в небытие, а иногда мужчина беспомощно наблюдал, как в его распоротую грудную клетку засовывают различные трубочки, кости и дополнительные органы. Манипуляторы, встроенные в тело жнеца-хирурга, кромсали Константина, протыкали, жгли распоротую плоть и зашивали. И так – десять часов подряд.

Последнее, что увидел Константин, когда цепи, на которых его подвесили, позволили изменить угол обзора – собственный таз; и ноги, и гениталии отсутствовали. Страшные раны выглядели так, словно их прижигали, чтобы «пациент» не истек кровью.

Когда жнец уверенно содрал обугленную корку и насадил жертву на четыре огромных штыря, прикрепив к нижней части туловища человека сложную систему из восьми паукообразных конечностей, – вопль Константина достиг пика и захлебнулся. На свое счастье, он потерял сознание.

* * *

Из зеркала на Константина смотрела мерзкая демоническая рожа. Ни один образ чудовища Франкенштейна, созданный мировым кино, не вызывал в душе его столько отвращения, сколько этот новый облик.

Неужели последние несколько месяцев, скрывая безобразное лицо под капюшоном плаща из человеческой кожи, он убивал ни в чем неповинных людей? Для чего, кстати? Теперь он этого не помнил – кошмар таял так же стремительно, как утренний туман под лучами крепнущего солнца.

Наверное, он убивал, чтобы строить из плоти человеческой новый мир или же достраивать параллельно существующий. Да, что-то вроде этого...

Языка Константин не чувствовал. Возможно, его вырвали или отрезали. Проверить состояние этого органа он не мог – рот

исчез: губы сшили грубо, но прочно. На их месте краснел отвратительный шрам, похожий на силуэт многоножки.

Бледная кожа облепляет кости черепа. Под выпученными, как при базедовой болезни, глазами залегают темные круги. От висков отходят к канистре на спине два тонких шланга. Через них в мозг поступает топливо... Теперь его будет сложнее добывать, особенно с учетом, что всего полчаса назад он, Константин, убил и обезглавил двух жнецов.

Отныне он преступник номер один. Больше никакой четырехчасовой заправки в конце рабочего дня. В казармах его ждет смерть. Чтобы жить дальше, нужно отлавливать других жнецов и убивать, так как никто по доброй воле не станет сливать содержимое нательного ранца. Договориться со жнецом невозможно не только по причине запаянного рта, а еще и потому, что он не умеет мыслить и по-настоящему живет, лишь выполняя однажды заложенную программу.

Так же бездумно существовал и Константин – до тех пор, пока некое внутреннее качество, поначалу вытолкнувшее его из вселенной людей, выдавило, в конце концов, и из мира жнецов. Возможно, он настолько асоциален, что ему нет места нигде.

А может, все дело в Люде?

Константин перевел взгляд на отраженную зеркалом худосочную грудь. За выпиравшими ребрами бились в унисон два сердца: первое принадлежало ему с рождения, второе пересадили от покойной подруги. С недавних пор одно из них нестерпимо ныло, особенно – в моменты, когда Константин потрошил незнакомых людей на улицах Москвы. Наверняка, именно оно принадлежало Люде, так как его «изначальный мотор» никогда не воспринимал гибель людей с такой мукой. Именно болевые импульсы, скорее всего, и пробудили Константина, взорвав сознание рядового жнеца яркими воспоминания, чувствами, мыслями...

Есть повод поздравить себя: он снова хозяин своей судьбы. Не человек и даже не жнец. Его ожидает третий путь.

Константин накинул на плечи плащ из людской кожи, подхватил с пола серп, и восемь ног молниеносно перебросили просветленного хозяина к бойнице-выходу. Настало время покинуть эту комнатушку, волею случая ставшую ему временным убежищем.

Скрытая капюшоном голова выглянула наружу – никого.

Подвижные металлические ноги вывели беглого жнеца на внешнюю стену теперь уже достроенного здания и понесли вверх – на ту высоту, где небоскреб с Рогожской Заставы, подобно сотням других схожих строений, поддерживает незримую для людей хрустальную сферу. Сродни скорлупе, прячущей ядро ореха, накрывает она планету и внешне представляет собой множество

исполинских, соединенных друг с другом обитаемых труб, через пустоты между которыми беспечное человечество регулярно запускает ракеты в космос.

Именно сюда поднимают жнецы выпотрошенные и обескровленные тела, складируя трупы в специальных хранилищах. Именно отсюда Константин начнет таскать их и возвращать на землю, чтобы тайно хоронить в болотах и мешать врагу выполнять свою миссию – какой бы она ни была.

А еще он продолжит убивать жнецов.

И пусть сам Константин считает, что мстит за смерть Люды и свою загубленную жизнь, но на самом деле он будет выполнять почетную миссию вселенского регулятора. Подобно тому, как жнецы выравнивают численность человечества и мешают ему бесконтрольным размножением уничтожать планету, Константин вместе с другими прозревшими продолжит непростую работу по регулировке популяции жнецов. Он не даст им ни малейшего шанса поставить людей на грань вымирания.

Владимир Мальмаков А-3689256

Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею.
Псалом 90

А-3689256 был обеспокоен – подопечная погрузилась в депрессию и, кажется, была готова к крайностям. Девушка Настя сидела на скамейке в парковой аллее, сбросив с ног летние туфли и обхватив руками колени, и курила, время от времени пытаясь набрать номер на мобильнике. Абонент не отвечал или был вне зоны доступа.

А-3689256, невидимый и невесомый, расположился прямо над ней на ветке большой акации, откуда ему были видны ее худенькие плечи, аккуратно расчесанные темные волосы, стянутые в короткий хвостик на затылке, голые коленки и рука с дымящейся сигаретой. Он знал, что абонент – великовозрастный балбес Мишка Комаров не ответит, потому что девушку Настю бросил, хотя еще неделю назад клялся ей в вечной любви.

Не одобрял A-3689256 все эти новшества – мобильные телефоны, автомобили, несущиеся с огромной скоростью, так что приходилось иногда очень напрягаться, чтобы опекаемую случайно не сбили на переходе. То ли дело кареты с лошадьми – там оберегать подопечных было гораздо проще. Но то время давно ушло, и сейчас нужно было делать все с удвоенной, а то и с утроенной скоростью, но ничего не поделаешь – служба.

И еще А-3689256 знал, что все его усилия учитываются и засчитываются, и когда-нибудь принесут заслуженную награду – перевод в другую категорию по иерархии. Тогда он будет зваться не просто безликим А-3689256, а носить имя и руководить тысячами, а то и десятками тысяч таких же, как он сейчас, безымянных сущностей.

Он знал и другое – если допустить повреждение опекаемого, или не дай Сущий – его гибель, то можно опуститься в иерархии очень низко, откуда подниматься придется не одну сотню лет. Было и такое за долгую его практику, особенно в годы многочисленных войн, которые почему-то очень любили вести человеческие существа.

A-3689256 со своей ветки видел с десяток таких же, как он, безымянных, которые лениво кружили в воздухе над деревьями или пересекали парк, следуя за своими подопечными. Еще он видел,

как в некотором удалении от него, на противоположной стороне аллеи, знакомая, очень симпатичная, но несчастная сущность С-7655442 сидела, пригорюнясь, на ветке развесистого вяза, под которым ее подопечный спал пьяный на скамейке.

Людей в парке было немного, и это радовало A-3689256. Он очень не любил столпотворения. Хорошо, что его подопечная не ходила на футбол, но неоднократно он вынужден был следовать за ней на концерты каких-то, как люди говорят, поп-звезд, проходящих на стадионе. Ничего глупее A-3689256 не видел, разве что пару тысяч лет назад, когда в Древнем Риме ему приходилось сопровождать своего подопечного на гладиаторские бои.

Тысячи подопечных на земле таращатся на одного человека, кривляющегося на сцене, а в это время такие же тысячи невидимых сущностей в воздухе от нечего делать выписывают фигуры высшего пилотажа, рискуя столкнуться, болтают, собравшись в группки или по парам, а то и просто спят, повиснув неподвижно. В этих случаях A-3689256 тоже предпочитал спать.

Однако сейчас было не время вдаваться в воспоминания – девушка Настя, кажется, приняла какое-то решение, потому что, бросив недокуренную сигарету, надела туфли и решительно направилась к выходу из парка. А там поблизости была река и мост через нее, и A-3689256 знал, что с этого моста не раз прыгали желающие покончить со своей никчемной жизнью.

Нужно было принимать срочные меры, и он, недолго думая, сунул два пальца в рот и свистнул, привлекая внимание сущности С-7655442. Она подняла голову, и тогда он призывно помахал ей. Тотчас распустились белоснежные крылья за ее спиной, три-четыре взмаха – и она опустилась рядом с ним на ветку. Он залюбовался ее прекрасным улыбающимся лицом в ореоле золотистых волос, но тут же встряхнулся – нельзя было терять время.

- Мне нужна твоя помощь, A-3689256 кивнул в сторону удаляющейся девушки Насти.
- С-7655442 оглянулась на своего подопечного тот продолжал безмятежно дрыхнуть на скамейке.
- Он будет спать еще пару часов, ты же знаешь, произнес A-3689256. Я отвлеку тебя ненадолго.
 - Нужно прямое вмешательство?
 - Да, сейчас такой случай прямая угроза жизни.
 - Хорошо, я всегда рада тебе помочь.
 - Тогда летим!

* * *

Настя вышла из парка и пошагала к мосту. Где-то вдалеке слышались сигналы машин, голоса детей в парке, но на пешеходном

мосту, который поднимался над рекой метров на десять, было тихо и пустынно. Слезы душили ее – Мишка не отвечал, да к тому же она вспомнила, как подружка говорила, что пару раз видела его с ненавистной Иркой Вишняковой, и это было обиднее всего.

«Вот и хорошо, - подумала Настя. - Никто не помешает».

Она оглянулась – вокруг не было ни души, – перелезла через перила и встала на узкий край бетонного перекрытия моста. Взглянула вниз на быстрое течение, и у нее закружилась голова – до темной воды оказалось так далеко. Она посмотрела на низкое пасмурное небо. Оттуда начал накрапывать дождь.

Настя поежилась, закрыла глаза. Надо было решаться.

- Смотри, тетя стоит, - услышала она вдруг детский голос.

Настя обернулась и увидела мальчика и девочку лет десяти, не больше. Как они подошли, она не слышала. Обычные дети, в джинсах, футболочках и кроссовках. У девочки были длинные золотистые волосы, падающие на плечи и красиво оттеняющие ее бледное лицо, что делало ее похожей на фарфоровую куколку. Мальчик же был смуглый, с черными глазами-маслинками и коротко подстриженными темными волосами. Он взглянул на девочку и сказал:

- Видишь, тетя не боится.

С этими словами он легко вскочил на перила и некоторое время постоял так, чуть покачиваясь на широко расставленных ногах. Потом обернулся, посмотрел на девочку и торжествующе воскликнул:

- И я тоже не боюсь!

Девочка скрестила руки на груди и сказала насмешливо:

- Ну-ну... А что ты еще можешь?
- Эй, мальчик, наконец выдавила из себя Настя, все это время оторопело смотревшая на них, ну-ка, слезь с перил, ты же упадешь.

Он и не подумал слушаться.

 – А я еще и вот так могу, – мальчик наклонился и принял стойку на руках.

Как и прежде чуть покачиваясь, он стоял на руках, балансируя ногами, и переводил взгляд с Насти на девочку.

Настя медленно, не спуская с него глаз, перелезла через перила обратно. Девочка стояла в той же позе, продолжая насмешливо улыбаться.

- Мальчик, Настя сделала шаг к нему, пожалуйста, слезь с перил.
 - Нет, сказал он. Смотрите, что я еще могу.

И он прошел на руках по перилам на несколько метров в одну сторону, а потом в другую. Девочка, не меняя ироничного выражения лица, несколько раз хлопнула в ладоши.

– Ладно, – сказала она, – ты доказал, можешь слезать.

И тогда мальчик легко спрыгнул с перил и встал рядом с девочкой.

- Вы из цирка, что ли? спросила Настя, сдерживая нервную дрожь. Где ваши родители?
- Нет, мы не из цирка, очень серьезно ответила девочка. –
 Просто гуляем здесь, а живем совсем рядом.
- Сейчас дождь нас намочит, сказал мальчик, поднимая лицо к небу, а потом перевел взгляд черных глаз-маслинок на Настю. Нам всем надо быстрее домой. Так же, тетя?

Настя, глядя ему прямо в глаза и испытывая странное чувство, что она откуда-то знает этого мальчика, медленно проговорила:

- Я не тетя... Я Настя... А тебя как зовут?
- Меня зовут... мальчик запнулся. Меня зовут...

Он задумался, и словно тень набежала на его лицо. Но он встряхнулся и взглянул на девочку:

- А какая разница, как нас зовут, правда?

Девочка тоже будто задумалась на секунду, а потом улыбка все-таки осветила ее кукольное лицо:

- Конечно, какая разница!

Настя полезла было в карман за сигаретами, но раздумала – дождь усиливался, к тому же курить при этих детях ей почему-то показалось неудобным.

– Да, нам всем надо домой, – сказала она.

Настя еще несколько раз оглянулась, уходя. Две маленькие фигурки стояли на мосту, а потом дождь пошел еще сильнее и скрыл их за сплошной пеленой. Настя побежала, но все равно промокла. Тогда она сняла туфли и не спеша пошла по лужам босиком, подставляя лицо под прохладные струи.

A-3689256, невидимый и неслышимый, парил над Настей. Дождь без малейшей задержки проникал сквозь него и его крылья. Он улыбался.

С-7655442 сопровождала своего подопечного. Он проспался на скамейке в парке и теперь, пошатываясь, шел домой. Она была печальна, как всегда, но когда вспоминала, что сделала сегодня вместе с A-3689256, ее лицо тоже освещала улыбка.

Татьяна Терновская ТАИНСТВЕННЫЙ ПОМОЩНИК

Жаркое летнее солнце быстро растопило кубики льда в стакане с коктейлем, так что он перестал быть освежающим. Тоскливо отодвинув напиток к противоположному краю стола, Дэн Смит заказал еще один, прекрасно понимая, что и самый холодный коктейль не облегчит его страданий. Экран монитора, перед которым сидел Дэн, медленно погас.

Влип. В данный момент Смит прекрасно осознавал всю тяжесть своего положения. Дедлайн наступит ровно через два месяца, а работа не сделана даже наполовину. Хуже того, Дэн уже начал тратить аванс. Сказать, что у него проблемы, значит, не сказать ничего. Проклятый доктор! Это он не дает делу двигаться.

Смит снова коснулся клавиатуры и поморщился. Нет, так просто от доктора не избавишься. Нужно действовать радикально.

Тем временем столик по соседству оккупировали две шумные девицы. Дэн раздраженно посмотрел на них, и до его ушей донесся обрывок разговора.

- Представляешь, Александра Адлера убили! воскликнула шатенка, убирая телефон в сумочку.
- Что? Не может быть! ее подруга оторвалась от изучения меню.
 - «Александра Адлера убили», повторил Дэн про себя.
 - Интересно, как она это сделала? с завистью прошептал он.

Две недели назад

На остановке из автобуса вышел неприметный парень и направился в сторону придорожного мотеля. При его заработке он мог бы позволить себе и что-то лучше, но в дорогих гостиницах были камеры видеонаблюдения, и сотрудники внимательнее относились к проверке документов, а лишнее внимание парню было ни к чему. Кроме того, эта халупа располагалась близко к месту завтрашней встречи с заказчицей. Да, так было удобнее всего.

Мотель представлял собой вытянутое двухэтажное серое здание с немытыми квадратными окнами, небольшой парковкой и парой неухоженных клумб. Внутренняя отделка была ненамного лучше внешнего вида. На полу первого этажа лежала безвкусная плитка, покрытая паутиной мелких трещин, с грязных желтых стен местами облупилась краска, ковер в холле давно полинял, а в воздухе стоял удушливый смрад, словно здесь недавно травили тараканов. Впрочем, на самих насекомых это явно не подей-

ствовало, и они спокойно сновали по зданию. Ни один человек не стал бы останавливаться здесь, будь у него выбор. Но парень совершенно не заботился о комфорте, ему нужна была только крыша над головой и тишина.

Подойдя к стойке регистрации, он вежливо поздоровался с портье. Пожилой полный мужчина в мятой гавайской рубашке, с золотой цепочкой на шее, которому, очевидно, и принадлежал мотель, придирчиво осмотрел возможного постояльца. На вид парню было около двадцати пяти, одет просто: кеды, старые черные джинсы, футболка, толстовка. Плюс солнцезащитные очки и небольшой рюкзак за плечами. Студент или безработный, приехавший в поисках лучшей доли.

- Хотите снять номер? спросил портье, даже не поздоровавшись.
- Да, одиночный. С окнами во двор. На три дня. Пожалуйста,
 сказал молодой человек, одарив собеседника белоснежной улыбкой.

Портье кивнул. Свободных номеров было много, и его не волновало, кому их сдавать. Главное – чтобы постоялец вовремя платил по счетам. С последним не возникло проблем. Парень заплатил вперед новенькими купюрами и даже оставил на чай.

- Вот ваш ключ, мистер Хэмиш Браун.
- Спасибо, снова улыбнулся парень и ушел.

Портье с подозрением проводил взглядом вежливого парня, но уже через секунду забыл о нем, вернувшись к просмотру футбольного матча.

Закрыв за собой дверь в номер, парень бросил рюкзак на кровать.

«Хорошо бы выспаться перед завтрашней встречей с клиенткой», – подумал он, зевая.

Даже несмотря на необычность его работы, большая часть жизни представляла собой скучную рутину. Утомительные переезды, одинаковые вокзалы, уродливые мотели и занудные клиенты, которых приходилось выслушивать. Но у его нынешнего положения были плюсы, и они перевешивали. Стараясь не думать о плохом, парень отправился в душ, чтобы снять усталость и привести себя в приличный вид.

– Хэмиш. Ну и имечко, – улыбнулся парень, подставляя лицо под струи холодной воды. – Впрочем, все благозвучные имена я уже использовал, остались только такие. А может, стоило сказать правду: «Привет, меня зовут Фокс, и я наемный убийца»? Нет, это звучит как реплика из плохого боевика. Главное – умение быть незаметным.

Фокс мог часто и подолгу говорить вслух сам с собой. Рассуждать, шутить, порой спорить. Других собеседников не было. Конечно, работа предполагала одиночество, но даже будь у Фокса возможность, он не стал бы заводить друзей. Общение с людьми навевало на него тоску. Все вокруг казались ему одинаково скучными. Своих заказчиков Фокс в какой-то мере презирал за их неспособность самостоятельно справляться со своими проблемами и особенно за любовь к жалобам и нытью. Его так утомляли их ностальгические истории, наполненные самолюбованием, бесконечная рефлексия и нежелание пачкать руки.

– Если вы все такие умные, такие знатоки, то почему бы самим не сделать грязную работу?

Но нет, на это заказчики были неспособны, зато любили диктовать условия. Смерть объекта должна быть достойной или, наоборот, мучительной. Ты должен использовать яд, или холодное оружие, или бейсбольную биту. Один даже попросил застрелить объект из лука.

– А может, это я буду решать, как избавляться от ваших проблем, раз уж вы сами не в состоянии этого сделать?!

Впрочем, Фоксу было безразлично, каким способом устранять объект. Он жил по принципу: выполнил и забыл. Главной проблемой было скрывать свою настоящую личность и исчезать, когда работа уже закончена. Фокса измотала бесконечная череда новых образов, имен, сим-карт, городов, мотелей. Его реальность напоминала мозаику, картину, состоящую из сотен маленьких жизней, которые заканчивались, не успев начаться, и он уже стал забывать, какая из них настоящая.

– Возможно, меня на самом деле зовут Хэмиш Браун, и я приехал в свой родной город? Нет, нельзя поддаваться унынию, так можно и с ума сойти.

Фокс долго стоял под душем, он любил воду. Ему казалось, что она смывает все воспоминания, все раны с его души, и он снова превращается в чистый лист. Если бы человек был блокнотом, можно было бы вырвать страницы с неудачными стихами, сделать из них кораблик и пустить вниз по реке. С наслаждением смотреть, как самые греховные, ненавистные фрагменты твоего прошлого навсегда уносит вода. А потом продолжить марать оставшиеся листы, повторяя этот цикл до бесконечности. К сожалению, это была лишь красивая фантазия.

Выйдя из ванной комнаты, Фокс достал из рюкзака бутылочку виски, чтобы отметить своеобразный юбилей. Ровно семь лет назад он получил свой первый заказ. Как водится, Фокс отлично помнил тот день. Тогда у него еще были инициалы, особые приметы и постоянное место жительства. Впрочем, последнее он

как раз собирался сменить. Как и многие до него, Фокс решил: чтобы изменить жизнь, нужно переехать. Лучше всего в большой город, где много возможностей.

Разумеется, никто не рождается наемным убийцей, просто в определенный момент приходится сделать выбор, как распорядиться талантом, дарованным Богом. В случае Фокса работа сама его нашла. Это случилось на обычном вокзале. В таких местах вырванные из привычной обстановки люди обыкновенно более разговорчивы. Почему-то для многих гораздо проще излить душу незнакомцу, с которым ты больше никогда не увидишься, чем откровенничать с близким человеком. И действительно, в зале ожидания к нему подсел неприметный старик, которому явно хотелось выговориться. Не то чтобы Фокса интересовала исповедь случайного попутчика, просто ему надоели собственные мысли, и он не был против небольшой беседы. Вначале старик завел разговор о погоде, но видя, что Фокс его слушает, уже через минуту перешел к жалобам на жизнь. Он говорил, говорил, говорил...

И вот в конце своего казавшегося бесконечным монолога старик и предложил Фоксу за деньги убить одного охотника. Трудно представить себе нечто более безумное. Сказать такое совершенно незнакомому человеку посреди многолюдного вокзала! Но еще большим сумасшествием было бы согласиться. Ведь никто не мог ручаться как за адекватность самого старика, так и за потенциальную возможность выполнения задания. Но для Фокса это безумное предложение вдруг стало настоящим озарением. Вот она, идеальная возможность применить, наконец, свои способности! Перед его мысленным взором нарисовались сотни перспектив, сложившись в ступени к небесам.

Фокс тут же согласился взяться за работу, тем более старик обещал раскрыть все слабые места объекта. Как и следовало ожидать, на поверку дело оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале. Убийство получилось жестоким и незрелищным, не доставив самому исполнителю никакого удовольствия. Однако заказчик остался доволен и щедро заплатил Фоксу за его труды. Это стало отличным началом карьеры. Ведь сколько еще таких же, как старик! Им всем нужна помощь, и только он, Фокс, может ее оказать.

Разумеется, за эти семь лет Фокс столкнулся с множеством трудностей. В начале карьеры попадались непростые объекты и неадекватные заказчики. Так, один тип в последний момент передумал и позвонил Фоксу, когда тот уже был готов перерезать горло хорошенькой актрисе. Но со временем Фокс научился разбираться в заказчиках, и все пошло как по маслу. Работа была поставлена на конвейер. Правда, одна проблема сменилась

другой. Будучи новичком в этом деле, Фокс не особенно беспокоился о сохранении инкогнито. Но чем дальше он заходил, тем больше узнавал о мире, в котором вращался. Оказалось, кроме него, существуют и другие незаурядные личности, берущиеся решать чужие проблемы, и дружелюбием они не отличаются, тем более к конкурентам. И Фоксу пришлось озаботиться своей безопасностью. Он стал менять внешность после каждого задания, постоянно переезжать и превратился в человека без имени.

Сладкий табачный дым наполнил комнату ароматом. Наблюдая, как свет играет в кубиках льда в стакане, Фокс вскоре погрузился в глубокий сон. Хотя он и был наемным убийцей, его не мучили ночные кошмары. Фокс ведь, в сущности, делал доброе дело, помогая своим заказчикам разбираться с их «неразрешимыми» проблемами. Он был их единственным спасательным кругом.

Проснувшись рано утром, он побрился, расчесал волосы, которые в этом месяце были темными, надел новые джинсы, чистую рубашку, кожаную куртку и отправился на встречу. День был чудесным, и Фокс надеялся, что разговор не затянется надолго, чтобы у него осталось время побродить по городу, рассматривая прохожих, и таким образом украсть себе новый образ для следующего перевоплощения.

Зайдя в кафе, он сразу узнал заказчицу. За дальним столиком в углу сидела женщина средних лет с короткой стрижкой, одетая в дорогое дизайнерское платье. Она пила уже вторую чашку чая. Нервничала, как и все, кто впервые обращался к подобному специалисту. Фокс представил, как Елена Петровская готовилась к встрече. Перемерила несколько платьев, так и не решив, какое впечатление хочет произвести. То ли изобразить уверенную в себе успешную женщину с твердым характером, то ли притвориться бедной овечкой, вечной жертвой жестоких обстоятельств. В итоге она выбрала нечто среднее. Потом долго сидела перед зеркалом, подкрашивая глаза и губы и выкуривая одну сигарету за другой. Вышла из дома, пребывая в страхе и волнительном предвкушении встречи. Главное, Елена давно все решила и не собиралась идти на попятную.

Фокс поздоровался и сел напротив. Петровская одарила его удивленным взглядом. Разумеется, она думала, что он старше и не обладает такой приятной наружностью.

«Сейчас она станет рассказывать», – с тоской подумал Фокс. Истории его заказчиков были похожи. Все они так долго находились в тени объекта, жили его жизнью, что успевали привязаться к нему, начинали испытывать почти родительскую любовь.

Но одновременно в их душе зарождались и другие чувства. Заказчики жаждали свободы, перемен, хотели сбросить оковы и начать все заново. Десятки бессонных ночей, мучительные сомнения, литры черного кофе – и вот они уже ищут наемного убийцу.

Немного поговорив о погоде, Фокс перевел беседу в рабочее русло, задав обязательный вопрос.

- Вы уверены? спросил он.
- Да, ответила она и добавила после некоторой паузы: Вы меня осуждаете?
 - Не мне вас судить.
- Уверена, все мои знакомые сказали бы, что я совершаю ужасную ошибку. Я и сама склонна с этим согласиться, но не могу поступить иначе. Елена замолчала, потянувшись за пачкой сигарет, но, вспомнив, что здесь нельзя курить, сделала глоток чая. Я очень устала.

Сейчас она начнет исповедоваться. Фокс не понимал, почему его заказчики вели себя таким образом. Возможно, они любили жаловаться или пытались оправдаться в его глазах. Или просто слишком долго молчали. Как бы то ни было, Фокс старался быть терпеливым и внимательным слушателем.

– Долгое время я считала себя неудачницей, – продолжала Елена. – Карьера не складывалась. Даже близкие не поддерживали моих начинаний. Вокруг была одна сплошная критика. В этот непростой момент и появился Александр Адлер... – Нахлынувшие воспоминания заставили ее вновь замолчать. Несколько секунд Елена смотрела вдаль. – Кажется, в нем не было ничего особенного. Обычный полицейский, расследующий убийства. Что может быть прозаичнее? Но мне он казался идеальным, совершенным, неповторимым. Знаете, со мной такое бывает очень редко. Самым удивительным было то, что всем вокруг он тоже понравился. Я не думала, что такое вообще возможно.

Фокс сидел молча, изредка кивая. Сколько таких историй он успел выслушать за годы работы!

– Александр помог мне добиться признания. Все мои мечты стали явью. Я была абсолютно счастлива. Наслаждалась успехом и своим новым положением. Но потом все изменилось. Он незаметно подчинил себе всю мою жизнь. Я превратилась в его придаток. Уже целых десять лет я живу его жизнью! Это ведь ненормально. Он мешает мне развиваться, двигаться вперед. Окружающие почему-то этого не замечают, продолжают им восхищаться. А я так больше не могу! Я зашла в тупик, из которого есть только один выход.

Елена посмотрела на Фокса.

Я вас понимаю, – сказал он.

Не думаю, – помотала головой заказчица.

Ей было тяжело, но она была полна твердой решимости довести дело до конца. Поправив макияж, Елена продолжила разговор:

- Я по-настоящему привязана к Александру. Он мне очень дорог. Кажется, я его по-своему люблю.
 - Но, несмотря на это, вы хотите, чтобы я его убил.
 - Да. К сожалению, сама я не в состоянии этого сделать.
- Вы осознаете все возможные последствия такого решения?
 Фокс пристально посмотрел Елене в глаза.
 Может случиться так, что окружающие вас возненавидят.
- Уверена, так и будет. Но я в любом случае ничего не расскажу о вас.
- Хорошо. У вас есть какие-нибудь пожелания относительно способа?
- Только одно. Пусть его смерть будет достойной и по возможности легкой.

Фокс улыбнулся. Это был его любимый вариант, предоставляющий свободу действий и одновременно не создающий дополнительных трудностей.

Елена достала из сумки пухлый конверт и протянула его Фоксу.

- Здесь предоплата, исчерпывающая информация об Александре и вещь, о которой вы попросили. Эти сведения помогут вам... она старательно подбирала слова, разобраться с проблемой.
 - Да, разумеется.

Забрав конверт, Фокс попрощался и быстро покинул кафе.

Весь оставшийся день он бродил по городу, заглядывая в магазины и всматриваясь в лица незнакомых людей. На кого из них он будет похож уже на следующей неделе?

Вечером, вернувшись в мотель, Фокс распечатал конверт. Там, кроме денег, было несколько листов бумаги, исписанных красивым ровным почерком, и небольшой блокнот на кольцах. Заказчица постаралась описать внешность, характер и привычки объекта максимально подробно, что существенно упрощало задачу.

– Посмотрим, что за птица этот Адлер.

Фокс сел на подоконник и принялся за чтение. Абзац про внешность пробежал глазами. Этот пункт не представлял для него особого интереса.

Семейное положение: в прошлом был женат, в данный момент одинок, детей нет. Тем лучше.

А этот Адлер сделал отличную карьеру.

Начинал с констебля в полиции графства Суссекс. Прослужил там три года, и его повысили до сержанта. Хорошо проявил себя при расследовании убийства лорда Фелпса – и Александра взяли в Скотланд-Ярд. Там он быстро стал инспектором и блестяще раскрыл семь сложнейших дел. Очевидно, Александр умен. Хотя после стольких побед люди порой теряют бдительность.

Отложив первый лист, Фокс перешел к самому важному пункту, раскрывающему способности объекта. Как и ожидалось, Адлер прекрасный стрелок, может постоять за себя и в рукопашном поединке, обладает навыками сапера, управляет различными транспортными средствами, хорош в обращении с холодным оружием...

- С таким будет непросто.

Последняя строка заставила Фокса помрачнеть. Елена назвала Адлера не просто «осторожным», она употребила термин «параноик». Этот факт в несколько раз усложнял предстоящую работу.

Уже прикидывая в голове разные варианты действий, Фокс обратился к следующей странице, сообщающей о деле, над которым Александр сейчас работал. Борьба с могущественной корпорацией, имеющей связи в госструктурах и своего человека в полиции. Недурно. Три убийства, пропавшие улики, несколько покушений. Фокс быстро проглатывал информацию. Так, в руки Адлеру наконец попал козырь – он сумел спасти свидетельницу. Если она доживет до суда, у корпорации возникнут большие проблемы.

Фокс прислонился лбом к холодному оконному стеклу и закрыл глаза, обдумывая план убийства. Устранить объект будет сложно. Ввязываться с Адлером в открытое противостояние – плохая идея. Александр объективно сильнее. В честном бою его не одолеть. Вариант с бомбой тоже отпадает. Александр слишком внимателен, да и навыки сапера говорят в его пользу. Застрелить из винтовки? Адлер – параноик. Ходит на работу разными маршрутами, регулярно меняет кафе и магазины, часто ночует не дома, а в офисе или у кого-то из знакомых. Постоянных привычек у него нет, зацепиться не за что. Можно, конечно, выждать, времени много.

Фокс покачал головой. Это примитивно. Если он будет устранять объекты подобным образом, клиенты перестанут к нему обращаться. Нет, здесь нужно проявить хитрость, использовать единственное слабое место Адлера – желание победить корпорацию. Губы Фокса расплылись в хитрой улыбке. Кажется, он придумал отличный трюк.

Приняв решение, Фокс взял в руки блокнот, заполненный текстом, схемами и рисунками, и закрыл глаза.

Стоял поздний сентябрьский вечер. В тяжелом сыром воздухе чувствовался запах соли, принесенный холодными ветрами с Атлантического океана. Чем дальше от центра города, тем безлюднее становились улицы. Тихие сонные окраины были освещены уличными фонарями. Инспектор Адлер брел по направлению к дому, подняв воротник плаща, и дым его сигареты повисал в воздухе, оставляя за ним призрачный след.

Оглянувшись по сторонам, Александр свернул в переулок. Новый маршрут удлинял путь почти вдвое, но инспектора это не заботило. Бросив вызов большим боссам, он тут же превратился в главную мишень, особенно после спасения Эммы. Бандиты с радостью откроют свои тугие кошельки тому, кто принесет им голову Адлера. Так что только осторожность могла спасти его от гибели.

Услышав шаги за спиной, Александр замедлил ход, готовый в любой момент выхватить пистолет и открыть огонь на поражение. Кажется, преследователь тоже затормозил. Нервы инспектора напряглись, как струны, все чувства обострились. Он дышал ровно, руки не дрожали. Неожиданно незнакомец повернул к одному из домов и, ключом отперев дверь, скрылся за ней. Обычный прохожий. Адлер выдохнул и продолжил путь, сканируя взглядом опустевшие улицы.

Прокравшись к себе в квартиру, словно вор, Александр не спешил включать свет. Он замер на пороге и прислушался, вглядываясь в полумрак. Помещение казалось пустым, но так ли это на самом деле? Инспектор изучал взглядом каждый предмет. В лунном свете силуэты сливались друг с другом, образуя причудливые скульптурные композиции, каждая из которых могла таить опасность.

Но это был лишь обман зрения. Обстановка оставалась безжизненной. Ни движения, ни шороха. Кажется, на самом деле пусто.

Александр закрыл дверь и обнаружил под ногами белый конверт. Счет за квартиру? Реклама? Уведомление или...

Тишину нарушил телефонный звонок. Продолжая сжимать в руке пистолет, Адлер сделал несколько шагов вглубь прихожей и снял трубку.

- Да?
- Александр, я не виновата... он нашел меня... я...
- Эмма! крикнул Адлер, но в трубке уже зазвучал другой голос.

- Здравствуйте, инспектор!

Александр выругался, готовый зарычать от переполнявшей его ярости, но быстро взял под контроль свои эмоции.

- Инспектор, вы меня слышите?
- Да, коротко ответил Адлер. Голос на другом конце провода принадлежал молодому мужчине, и он был смутно знаком инспектору. Кто это?
- Неужели не узнаете?! незнакомец изобразил крайнее удивление. A во время допроса утверждали, что знаете меня, как никто.

Александр все еще пребывал в растерянности, лихорадочно соображая, кого он допрашивал в последние несколько суток.

– Билли Маршал, – подсказал голос.

Теперь пришла очередь Адлера удивляться.

– Билли? Ты теперь работаешь на корпорацию?

В трубке послышалось нечто, отдаленно напоминавшее смех.

- Нет, у меня свой интерес. Деловое предложение, так сказать. Александр положил пистолет на журнальный столик.
- Слушаю.
- Все очень просто. Вы хотите отправить на скамью подсудимых больших боссов, но без девчонки ничего не получится, и вы это прекрасно понимаете. А я, наоборот, хочу остаться на свободе, но для этого улики по моему делу должны исчезнуть. Следите за мыслью? Мы можем друг другу помочь. Предлагаю справедливый обмен. Я отпущу свидетельницу целой и невредимой, а вы взамен принесете мне улики по моему делу. Как вам такая идея? спросил он и тут же добавил: Вздумаете шутить со мной, девчонка умрет!

Адлер сжал руку в кулак.

- Я не заключаю сделки с преступниками, Билли!
- Тогда не видать вам повышения, засмеялся голос, но уже в следующий миг сменил тон. Мне плевать на твои принципы, Адлер. Я выдвинул свои условия, и ты знаешь, что произойдет, если ты откажешься, так что советую быть посговорчивее. Информация о времени и месте встречи в конверте. Пока-пока!

На другом конце провода раздались гудки.

Порывистым движением Александр сбросил телефон на пол. Потом посмотрел на конверт на полу. Как, черт возьми, Билли узнал, где Эмма?! Инспектор включил лампу в коридоре. Возможно, она себя каким-то образом выдала... И все равно это странно. Билли ведь никогда не отличался смелостью, а тут похищение, угрозы, требования. Интуиция подсказывала, что дело нечисто. Возможно, Билли просто используют, чтобы заманить его, Адлера, в ловушку. А может, это был и не Маршал. Кто-то просто

подражал его манере говорить. Не слишком удачно, надо сказать. Адлер вернул телефон на место.

И, тем не менее, он обязан спасти Эмму.

Инспектор нахмурился, а затем поднял с пола тонкий конверт. Вначале нужно ознакомиться с условиями, а потом решать, как именно стоит поступить.

Плотная бумага плохо поддавалась, Адлер с силой рванул угол конверта на себя и тут же отдернул руку. Больно! Из ранки на пальце выступила кровь. Инспектор посмотрел на конверт, и в тот же миг перед глазами все поплыло. Покачнувшись, Александр оперся о стену, но устоять на ногах не смог. Тело перестало слушаться.

– Яд. Хитро... – пробормотал он и рухнул на пол.

Это была последняя мысль, пронесшаяся в голове Александра Адлера перед смертью.

Две недели спустя

Дэн Смит хотел было снова включить компьютер, когда на соседний стул плюхнулась льняная сумка, заставив его вздрогнуть. Подняв взгляд, он увидел старого друга, а по совместительству известного журналиста Карла Ленса.

- Творческий кризис? с улыбкой спросил Ленс, заняв место напротив, и принялся набивать трубку табаком. С этим предметом на фоне стеклянных высоток он выглядел слегка комично. Но профессия требовала быть заметным.
- Это не смешно! воскликнул Дэн, потирая опухшие красные глаза.
- Прости, я думал, у тебя все хорошо, журналист чиркнул спичкой и выпустил изо рта серые клубы табачного дыма.
- Нет, у меня все плохо! Смит любил драматизировать. Через два месяца нужно отдать редактору готовую рукопись! А я застрял на первых главах и никак не могу продвинуться дальше! Это какой-то кошмар!

Карл удивленно поднял брови.

- Ты же давно составил план. В чем загвоздка?
- Да, сюжет готов. Если говорить вкратце чтобы остановить войну и спасти племя, героям придется вырвать из рук охотников за сокровищами древний талисман и вернуть его на вершину священной горы до наступления дня весеннего равноденствия.
- Звучит неплохо, сказал журналист, который считал своего собеседника одним из самых талантливых современных писателей. У тебя отлично получается создавать захватывающие приключенческие истории.

Смит пропустил комплимент мимо ушей.

– Проблема не в приключениях, а в том, что доктор совершенно не вписывается в сюжет! В предыдущих книгах он играл очень важную роль в повествовании, а в первой был чуть ли не главным героем. Я же не могу просто взять и сделать вид, что его вообще не было! – писателю давно хотелось выговориться. – Я уже больше месяца пытаюсь его как-то вписать, но ничего не выходит. Нутром чую, доктор там лишний. У меня скоро мозг взорвется!

- Значит, нужно решить проблему радикально.

Журналист озвучил мысль, давно крутившуюся в голове у писателя.

- Да, я думал об этом, признался Смит, но как ни старался, так и не смог подобрать ничего убедительного. То выходит слишком жалостливо, то глупо, а чаще всего непростительно жестоко. Карл пожал плечами.
- Раньше у тебя не было подобных проблем. Если мне не изменяет память, в «Сокровищах Амазонки» ты с легкостью убил всех главных героев. Небезызвестный критик даже в шутку присудил тебе титул «лучший киллер года».

Дэн скривился.

– Помню! Только сейчас мне от этого никакой пользы. Знаешь, у меня порой создается ощущение, что этот доктор не хочет умирать. Словно он существует не только в моем воображении и на бумаге, а вполне материален и обладает собственной волей.

Журналист долго молчал, неспешно выпуская в воздух клубы дыма.

– Ты слышал что-нибудь о Фоксе? – наконец заговорил он.

Дэн удивленно посмотрел на собеседника. Он думал, что эта легенда ходит только в писательских кругах.

- Да, но это ведь просто красивая выдумка, усмехнулся Смит, но посмотрев на друга, добавил уже не так уверенно: Или нет? Журналист улыбнулся. Мысль о том, что он является обладателем эксклюзивной информации, приятно грела ему душу.
- Я уже давно заинтересовался этим... он хотел сказать: «Человеком», но, не будучи уверенным, кем на самом деле является Фокс, подобрал нейтральное слово: ... субъектом. Достоверной информации почти нет, одни лишь фантазии, и все же мне удалось кое-что нарыть.

Дэн приоткрыл рот, ловя каждое слово собеседника.

– И? – поторопил он, стремясь прервать совершенно неуместную театральную паузу.

Карл снова улыбнулся.

– Насколько я знаю, он помогает как раз таким, как ты. Ликвидирует персонажей по заказу. Говорят, убийство знаменитого астронавта Майлза – это его работа.

– Серьезно?! Я прочитал всех «Галактических путешественников», и финал с гибелью астронавта при обороне Марсианской колонии был потрясающим! Кажется, я даже всплакнул, – Дэн откинулся на спинку стула. – Но как же он... в смысле, что он делает?

- О его методах мне ничего достоверно неизвестно, развел руками Карл. Думаю, он каким-то образом перемещается в произведение и уже там устраняет персонажа. Кажется, для этого ему нужен первый черновик: блокнот или записная книжка, где писатель впервые начал делать наброски будущего произведения. То есть предмет, с которого и началась история.
- Но... Смит снова попытался обрушить на друга поток вопросов.
- Слушай, чтобы узнать, как он работает, тебе придется связаться с ним лично. Но будь осторожен, журналист снова сделал наигранную паузу. Фокс не единственный, кто обладает особыми талантами.
 - Что ты имеешь в виду?
- Говорят, творческий кризис не случается сам собой. Есть человек, который за плату может устроить его одному из твоих конкурентов.

Смит смотрел на друга, выпучив глаза. От услышанного у него голова пошла кругом.

- Как же мне найти этого Фокса? наконец прошептал он.
- Знаешь кладбище у церкви Святого Кристофера? Оставь записку со своими контактными данными в руке Ангела Смерти, и Фокс сам с тобой свяжется.

Екатерина Белоусова СВОБОДА ОТ

Небо расцвело лиловыми брызгами, оранжевое солнце появилось на половине пути от горизонта к зениту. Начался новый день в городе.

Здесь всегда тепло, не бывает рассветов, время сразу близится к полудню. Иногда моросит дождь. Ну, это когда мне захочется грибов.

В городе всякий день единственный и последний, а вместе они складываются в вечность.

И каждый проходит так, чтобы быть мне по душе.

Я помню, как попал сюда. В общих чертах помню жизнь до последнего города и могу прикинуть, сколько я тут пробыл. Мне кажется, могу. Но я никогда не делал этого, чтоб не нарушить течение вечности, ведь у нее не должно быть начала.

Наверное, в последнем городе нам тоже снятся сны. Когда начинается новый день, я выныриваю из черноты с обрывками картинок и звуков в голове. И с мыслями о том, сколько я уже здесь нахожусь. Но солнце разгоняет мысли, кругом буйствует жизнь, и я чувствую себя молодым и счастливым. Свободным от проблем...

И Ойка со мной. Любимая, милая Ойка. Мы вместе здесь с самого первого дня, и это главная причина, по которой я не даю себе поразмыслить над временем. Если жена тут, то где же еще быть мне?! Сомнения прочь; здравствуй, небо в розовых цветах, здравствуй, солнце с улыбкой на устах!

 Коля, пойдем к морю, поплаваем! – ее голос звенит, как чистейший родник.

Она смотрит с улыбкой. Опять угадала мое желание – я как раз подумал о соленых волнах.

Ей удивительно идет это кремовое платье из чего-то легкого, воздушного. И еще больше подходит его отсутствие. Мы всегда купаемся голышом.

Здесь есть другие люди, но они как фон, как декорации: официанты, работники аттракционов. С ними можно перекинуться ограниченным набором фраз. Другие счастливчики – жители последнего города, как мы с Ойкой, тоже встречаются, но вдалеке, занятые своим вечным счастьем. Их мы видим, но поговорить с ними нельзя. Будто между нами прозрачные экраны, не дающие путям пересекаться. В прошлой жизни я вечно передвигался в толпе. Висел, прижатый со всех сторон, в тесноте подземных

вагонов, вдыхал воздух с просроченным сроком годности и жал потные ладони... Нет уж, пусть люди будут там, на грани видимости. А рядом только Ойка.

Мы валялись в прибое. Нежились, подставляли подмигивающему солнцу ладони.

- Ойка, тебе хорошо? спросил я.
- Очень, ответила она и посмотрела на меня с нежностью.– Я счастлива с тобой.

Это был постоянный ответ. Каждый раз она отвечала именно такими словами. Но я впервые понял это сейчас.

- Тебе хорошо? вновь спросил я.
- Очень, ответила она и повторила тот же нежный взгляд,
 что был секундой ранее. Я счастлива с тобой.
 - Тебе хорошо? я не мог остановиться...

Кажется, что-то сломалось.

....Этот день закончился быстрее предыдущих. Чернота резко поглотила меня, укутала и отделила Ойку, убаюкала нас – каждого в своей колыбели – и стерла все тревоги. Лишь кусочки картинок, намеки на чувства жили в этой темноте. Сегодня я смутно ощущал вину, и мне казалось, что это правильно. Я хотел разобраться...

Новое солнце с глазами, прикрытыми акварельным облаком, появилось одновременно с дождем. Мелким и, конечно, теплым. Здесь вечное лето. Новый день в последнем городе начался на лесной опушке.

Ойка стояла в двух шагах от меня, в желтом дождевике и с плетеной корзинкой в руке. Она вдохнула лесной запах, улыбнулась мне и пошла к деревьям. Я должен был идти за ней. Не мог не пойти. Но я стоял на месте, роясь в своей памяти, выхватывая и складывая по кусочкам все видения в черноте, все чувства и воспоминания.

Нужно было сказать нечто неожиданное.

Как мы попали сюда, Ойка? – крикнул я.

Она остановилась, повернулась и моргнула. Помолчала. Потом обворожительно улыбнулась:

Сегодня у меня будет больше белых.

Я приблизился.

- Нет, Ойка. Нет-нет. Ответь, ты помнишь, как мы оказались в этом городе?
- Мы счастливы здесь, сказала она. И мне кажется, что я тут провела всю жизнь. Я даже и не помню, что было раньше.

Я взял ее за руку:

 В последнем городе мы никогда не вспоминали прошлое, наше с тобой прошлое.

Ойка молчала.

– Я не знаю, – начал я, сбиваясь, – понимаешь, счастье всегда по сравнению с чем-то... А я счастлив всегда, вот уже сколько дней? Лет? Мы не меняемся здесь, нам вечно по двадцать семь, хотя тебе всегда восемнадцать... Я помню, от чего мы ушли сюда, но я забыл, каково это – быть загнанным, замотанным, в проблемах и страхе.

Ойка молчала и пыталась улыбнуться, но у нее не получалось.

Я не уверен, что счастлив, потому что не могу сравнить.
 Понимаешь?

Она кивнула. Механически, как кукла. Красивая, любимая кукла.

Мы не собрали грибов. День закончился. Темнота схватила нас и растащила по невидимым люлькам. В этот раз я боролся с обволакивающей мягкой чернотой, концентрировался и смотрел-слушал-осязал свои сны-воспоминания. Я должен был разобраться, и не только ради себя.

Мы познакомились с Ойкой во дворе. Она была серьезная и аккуратная. Сидела на лавочке у песочницы и читала книжку. Я строил тоннель в песке, возводил горы и рыл каналы. Она поглядывала на меня, а потом спросила:

- Мальчик, как тебя зовут?
- Койка Жуков, довольно заявил я, решив, что мое мастерство копателя ее восхитило.
 - Койка? удивленно переспросила девочка.
 - Да не койка, а Ко-й-ка! попытался выговорить я.
 - А меня Оля, сказала девочка и улыбнулась.

Она показалась мне взрослой. Вернее, я сам себе показался малышом рядом с ней. Ужасно смутился. Крикнул:

- Ойка - дура!

И убежал.

Так было и позже, в школе, и после, когда она невесть почему все-таки согласилась стать моей женой. Я был рад и смущен, комплексовал рядом с ней, вечно казался себе недостаточно высоким, недостаточно сильным... И на квартиру нам не хватало. Снимали однушки в дальних районах. Ойка хотела большего. И была достойна большего. Сама она работала, вполне успешно, и половину стоимости нашей будущей квартиры мы накопили из ее доходов. Правда, так и не внесли эту плату.

Я несколько раз начинал свое дело. Увы, бизнес не пошел. Поэтому последние годы перебивался подработками. Ну вот

как-то не складывалось с нормальной работой. То начальство попадалось нахальное, то зарплату переставали платить. Уроды!

Я чувствовал, что силы мои на исходе, самооценка на нуле, бьюсь как рыба об лед, а ничего не меняется. Мне нужен был отдых, остановка бешеной жизненной гонки. И я уходил в города, тогда они только-только стали появляться. Замена реальности, причем замена на лучшее. В виртуальных городах можно было отрешиться от проблем, ощутить все доступные удовольствия, побыть живым и никому ничего не должным. Я любил приморский поселок, парк аттракционов в зеленом сквере, веранды ресторанов с видом на вымощенную булыжником старую площадь... Ойка несколько раз бывала со мной в этих местах, ей нравилось, но чем чаще я звал ее вновь окунуться в тот или иной город, тем серьезнее она отнекивалась. А как-то раз сказала, что больше не хочет пробовать города, потому что реальность после них кажется дурным сном.

Как раз в тот день я узнал о последнем городе. Это был город, включающий все возможные места, постоянно растущий, безмерно счастливый. Город-вечность, город-мечта, бесконечная вымышленная реальность. Его и выдумали как средство от страха смерти. Предполагалось, что в вечный город будут уходить те, кто наигрался в жизнь с лихвой. Этакая приятная эвтаназия – провести остаток дней безоговорочно счастливыми. В отличие от обычных виртуальных городов, в последнем клиента могли держать сколь угодно долго: в стоимость входила система жизнеобеспечения и медицинский контроль.

Я все рассчитал. Деньги, которых нам хватало на половину квартиры, должны были с лихвой покрыть пребывание двух человек в последнем городе в течение десяти лет. То, что оставалось, я положил в банк и распорядился переводить проценты на оплату счетов фирмы-«застройщика» последнего города. Провернул все это в одиночку, ожидал, что Ойка обрадуется сюрпризу. Ведь так можно получить все, чего только захочешь, и ничего для этого не делать. Не надрываться на работе, не ездить через полгорода в душном метро. Просто жить, сейчас. Пусть и не здесь.

Тем более, вернуться можно в любой момент, когда захотим. Так сказали в фирме.

Но Ойка отказалась. Она хотела жить в этой серой реальности, мечтала о ребенке. А я боялся: что я смогу дать ему?

- Скоро у нас будет свое жилье. Коля, мы справимся. У всех бывают темные полосы. Но скоро настанет светлая полоса.
 - А за ней опять темная.

Она умоляла. Она сказала, что не сможет без меня.

- Так пойдем со мной, - сказал я.

И добил:

- Обратного пути нет. Я оплатил две путевки.

Были слезы, крики, много разных слов. Ойка считала, что я предаю ее и будущего ребенка. Я объяснял снова и снова, что мы просто уходим на каникулы, на долгие каникулы, где все включено и ни о чем не нужно париться. Кто откажется от каникул?! А ребенок будет. Когда-нибудь потом. Нам нужно как следует отдохнуть.

Ойку вырвало.

Она снова плакала, уже тихо, с каким-то отчаянием, я гладил ее по голове, баюкал на руках, целовал и обещал, что Там мы всегда будем вместе и вернемся когда захотим. Если захотим.

Ойка уговорила меня принять окончательное решение утром. Я пообещал.

...Утром я ушел. В одержимости последним городом это казалось мне логичным шагом. Был уверен, что Ойка пойдет за мной. Я оставил ей все координаты, написал инструкцию...

Сейчас, просматривая эти кадры прошлой жизни в черноте псевдосна в городе, я понимал, что обманул сам себя. Я сбежал. Может быть, впервые в жизни сделал то, что хотел, но сбежал, оставил Ойку одну. Не знаю, пошла ли она следом за мной в город. Та, что была рядом все это время, – настоящая Ойка или ее копия?

День украл меня из воспоминаний, ослепил ярким солнцем с белозубой улыбкой. От серой булыжной мостовой в небе отражались зеленые пятна. Или это у меня перед глазами плыло?.. В голове стучало последнее воспоминание: Ойка очень любила собак. Не заводила новых после смерти старого кокера Райда, но постоянно возилась с чужими мохнатыми питомцами.

Я был зол, впервые в этом городе. Мне нужно было обратно, перелопатить память, найти ответ – кто рядом со мной? Ойка, забывшая прежнюю жизнь и счастливая, как я и хотел, или только моя выдумка? Но в голове вертелись собаки, поводок Райда в прихожей, его чистая миска в кухонном шкафчике.

Мы сидели в кафе. Официант принес Ойке мороженое с двойной порцией карамели и крепкий кофе. Любимая беспечно улыбалась, и я почувствовал, как город затягивает меня в обычное счастливое состояние. Но я больше не верил городу.

Ойка протянула мне ложечку с мороженым.

- Не хочу, мотнул я головой. Я и так простужен.
- Ну что ты! рассмеялась жена. Здесь нет болезней. Мы всегда здоровы, молоды и счастливы.
 - А у меня температура! Потрогай, я подался к ней.

Ойка коснулась моего лба ладонью, потом губами.

Мир вспыхнул. Я увидел, как тает в воздухе Ойка, растворяются декорации города, исчезает улыбка с солнца.

Я перестал верить. Жена оказалась ненастоящей. В жизни Ойка всегда трогала мой нос, когда я жаловался на жар, и говорила задумчиво: «Сухой».

Когда пульсирующая боль в глазах утихла, и кто-то выпустил голову из тисков, я увидел перед собой пустую площадь. На месте фонтана стоял одноэтажный дом с облупившейся штукатуркой. Вывеска «Путевки в персональный рай» не оставляла сомнений: город готов был отпустить меня и милостиво избавил от поиска выхода.

Внутри пахло сыростью и старой мебелью. Неприятного вида мужчина с прической Гоголя встретил меня и сразу приступил к делу.

- Надумали уйти? спросил он строго.
- Да, мне стало как-то неловко от его тона.
- В случае расторжения договора по инициативе клиента наша сторона имеет право на компенсацию в размере годовой оплаты услуг.

Я рассеянно кивнул.

- Претензии по внешнему виду и состоянию здоровья не принимаются,
 добавил он.
 - Мне надо идти, тихо, но твердо сказал я.

Он внезапно подобрел:

- Идите, раз решили. Там вас ждет обыденность. Видите, в каких условиях мы тут работаем? Это для наглядности.
 - Решил. Как мне уйти?

Собеседник ухмыльнулся:

- Если не передумаете, проснетесь уже там.
- Я кивнул, и чернота стиснула меня в последних объятиях.

Плесенью и затхлостью здесь не пахло. Медработники были милы и внимательны, отключили меня от аппаратуры, быстро провели тесты и проводили к выходу из здания. Представитель города соврал, условия были вполне человеческие. Вот только куда идти, я не знал. Работники фирмы отказались сообщить, находится Ойка в последнем городе или в реальности. Конфиденциальность личной информации, и плевать, муж ты или злоумышленник.

Вернули вещи, которые были у меня при себе в тот день. Шесть лет назад. Шесть чертовых лет! Паспорт, телефон, ключи от съемной квартиры. Телефон включать было страшно – тогда сразу

захотелось бы позвонить Ойке, а услышать длинные гудки спустя шесть лет было более чем вероятно. И я пошел по старому адресу, сжимая в кармане ключи. В зеркальном вестибюле нашей станции метро на меня смотрел почти тот же я, только немного постаревший, слегка заросший (стригли клиентов последнего города не слишком часто), с последней надеждой в глазах. Еще во взгляде читались вина, стыд, сожаление, но надежда была сильнее.

...Уже двигаясь по нашему району, я понял, что никого не найду. Застройщики здесь не дремали, и оказалось, что дом, где мы жили, снесли, а на его месте и вокруг построили с десяток высоток. Новенькие, яркие дома, аккуратные детские площадки, огороженные парковки. Жизнь шла, пока я искал свободу и счастье.

Я сел на скамейку у песочницы и попытался унять разошедшееся сердце. Желтое солнце без улыбки на голубом небе без ярких пятен пыталось меня согреть. Я опустил пустую голову на сцепленные руки и пожелал слез. Мне хотелось оплакать все, что я потерял.

– Мама, дяде плохо? – спросил детский голос поблизости.

Невидимая мама что-то тихо ответила, но ребенок не отставал:

- Он плачет? Он заболел?

Я посмотрел на мальчишку и попытался сказать беззаботно:

– Похоже, перегрелся на солнце, и поднялась температура.

Неподалеку вскрикнула женщина. Я перевел взгляд туда: Ойка прижимала руки ко рту. Я замер, чувствуя, как прямо сейчас происходит чудо.

Она подошла и дотронулась до моего носа дрожащей рукой.

– Сухой...

Сказала – и заплакала.

Она совсем не изменилась, только волосы стали светлее. Я держал ее, боясь отпустить даже на секунду, и целовал, целовал бесконечно. В какой-то момент она вывернулась, оглянулась на мальчишку, готового уже, кажется, вступить в неравную схватку со мной, и сказала:

- Коля, наш папа вернулся!

Мальчишка подошел к нам и деловито спросил:

– Ты нашел то, что так долго искал?

Я поднял его на руки:

– Да, сынок. Нашел.

Впервые я оказался по-настоящему счастлив от того, что жена меня не послушала. Шесть лет назад она отсудила у фирмы оплату за свою путевку, добилась для меня льготного содержания, вложила деньги в акции со стабильными дивидендами. И стала ждать. Вместе с сыном, который родился через восемь месяцев

после моего бегства. Когда застраивали этот район, Ойка купила квартиру.

- Прости, сказал я, сидя за чашкой чая с резким и горьковатым по сравнению с тем, что пил в городе, вкусом. Я вел себя, как мудак. Бросил вас, предал.
- Но ты же вернулся. Больше всего я боялась, что ты останешься там навсегда. Свобода вскружит тебе голову и...
- Там не было тебя, перебил я, а свобода от тебя мне не нужна. Это как свобода от жизни. А ты, вы с Колей, и есть моя жизнь.

И с досадой и горечью добавил:

- Только не заслужил я. На все готовое пришел.

Ойка обняла меня и шепнула:

 Умей принимать. И не думай, что все готово, у меня еще много желаний.

И я почувствовал, что тоже имею желания, разные. И некоторые могу исполнить прямо сейчас, другие завтра, а кое-что через много лет. Обязательно исполню, буду жить сейчас и непременно здесь.

Валерия Василевская СЕРДЦА КРАСАВИЦ

Моложавая стройная женщина в облегающем комбинезоне вошла в приемный покой травматологического отделения и четким постукивающим шагом направилась к столу медсестры. Пятилетняя пухлая девочка едва поспевала за мамой, вцепившись крошечной ручкой в карман на ее бедре.

- Мой вроде опять у вас? спросила женщина регистратора. В печальных синих глазах, едва обрамленных морщинками, читалась усталость. И как будто покорность судьбе.
- Увы, Галина Аркадьевна, пожилая сестричка с полоской татарских усиков сочувственно улыбнулась. Операция началась десять минут назад. Вот, я для вас приготовила.

Она подала вошедшей очки с большими зеркальными стеклами. Та вопросов не задавала, развернулась и спряталась в угол за развесистым рукозондром. Малышка юркнула туда же, ловко влезла на стул, посидела, болтая короткими ножками. Блестящие черные стекла на мамином лице отражали белые стены и разлапистые листочки.

- Мам, ты смотришь кирто? Дай мне!
- Не кирто, от досады у женщины желваки заходили под кожей. – Тети реинкарнологи опять собирают папу.
 - Я тоже хочу посмотреть! Ну дай мне тоже, ну дай!

Шлепки бестолковой ручкой по маминому животу подействовали убедительно.

- На, посмотри осторожно, головой не маши.
- Десять секунд, не больше, дочурка вникала в события.
- Мам, это ручки и ножки папы, да? Сейчас их будут пришивать, да?
 - И ножки пришьют, и ручки, и сердечко опять заведут.

Пожалуй, вот тут бы следовало рассказать любознательному уму о сложности и благородстве профессии реинкарнологов, но Галина не могла. Ни говорить не могла, ни сострадать разорванному в клочки мужу. Соберется, куда он денется. Слишком часто беда повторялась, и сердце уже отторгало извечную женскую боль, подобающее случаю беспокойство.

Так сидела она неподвижно, смотрела в высокие арочные окна на зеленое чистое небо – творение ее собственных рук. Как ни пробуй, как ни старайся, воздух под куполом получается с зеленцой. На цвет влияет прохождение солнечных лучей через километры венерианской атмосферы, наполненной серными

соединениями. А состав дыхательной смеси получился хороший, это самое главное. И климат устроили мягкий, и воду, почти природную, без химической грязи, не как на Земле... Гости с Земли прилетают... Ладно, их Аня встретит. Поймут, случилось несчастье...

Резкий говор и громкий плач отвлекли Галину от блуждающих мыслей. Доктор в солнечно-желтом костюме подвела к регистрации женщину лет пятидесяти пяти с пирамидами Форамага, вмонтированными в ключицу.

- Татьяна Ивановна, оформите монтаж правой руки. Освобождение от работы на неделю, в госпитализации не нуждается.
- A как же мой сын?! еще сильнее закричала женщина. Как же он без материнской помощи?
- За мальчиком будут ухаживать квалифицированные специалисты. Татьяна Ивановна, объясните, и доктор поскорей удалилась, подергивая плечом.
- Вы присядьте, сюда, на диванчик, сердобольная медсестра подала истерящей матери капсулу успокоительного. Та сглотнула, нервно, со всхлипом, и, в самом деле, затихла. Давайте, оформим карточку. Итак, Елизавета Андреевна, вы у нас сегодня с Земли...

Галина повернулась к приезжей. Сквозь узор рукозондра просматривалось расчерченное морщинами, расквашенное от слез лицо бывшей красавицы. Совпадение? Какое уж совпадение, не бывает таких совпадений.

– Я к мужу летела... краткосрочному... Он в гости меня пригласил, сына с сестренками познакомить. А Дима... он выпил, за встречу. «Давай, – говорит, – Лизавета, я Венеру вам покажу»...

Галина вскочила. Не надо, вот только не надо на людях грязь вытаскивать из-под ногтей.

- Елизавета Андреевна? Какая приятная встреча! Я супруга Дмитрия Павловича, я вас целый день поджидаю.
- Галина Аркадьевна! Как же?.. женщина растерялась и вроде бы испугалась. Вы меня теперь обвиняете! А я ему говорила...
- Конечно, я все понимаю. Пойдемте, вот здесь посидим, а Татьяне Ивановне позже расскажете о себе, когда успокоитесь.

Медсестра охотно кивнула. Она уважала сдержанную, немногословную супругу главного энергетика города.

– А это ваша Снежаночка, младшенькая красавица?
 – Лекарство уже работало, помогало инопланетной гостье взять себя в руки. Она достала платочек и промокнула лицо.
 – Смотрим мультифы? Про Принцессу Млечного Пути и Кота в звездолете? Галина слова вставить не успела.

– Класс! – воскликнуло дитятко. – Папе голову принесли, сейчас ее будут монтировать! – Снежана сняла индпьютер с ушей и ловко надела его на нос любопытной тете. А тетя вдруг закричала, как будто увидела мышь, побледнела, схватилась за сердце.

- Да что ж вы такая рыхлая? усатая медсестра на этот раз рассердилась. Через пару недель Дмитрий Павлович усвоит внедряемые программы и выпишется, как обычно. И сыночек ваш тоже выпишется, умненьким и здоровеньким. Радоваться надо, а не кричать. Радоваться и благодарить докторов.
- Да, я благодарна... Я отблагодарю... поспешила заверить землянка, сбрасывая прибор. И минуту еще отходила от жутких видений. Вы только счет напишите, любую сумму...

Медсестра выразительно глянула на Галину: совсем дурочка. И Галине стало досадно: как просто дурочкам жить. Они там, на Земле, полагают, что Венере нужны их деньги? Что под колпаками, в небольших городках, где каждая капля воды, каждый росточек морковки поддерживаются сверхсложными технологиями, имеются лишние руки хранить-пересчитывать размалеванные бумажки?

Все, что нужно с Земли, собираем бесплатно, как брошенное наследство. Можно погрузить на корабль сверхтонкие производства и научные лаборатории, тонны учебной литературы и что-то для быта. А как быть с культурой, с духовностью, с традициями? Наши дочери вырастут варварами, оторванными от корней. Раньше детей отправляли получать образование на родину предков. Ни предков, ни родины, ни образования подобающего не осталось. Ни надежнейшего убежища, куда можно юркнуть в случае отказа биосистем... А вокруг – пустота, усеянная ледяными жалами звезд...

- Можно золотом, бриллиантами, предложила блаженная.
- Может быть, вы не знаете, подсказала тихонько Галина, на Венере драгоценности не нужны, разве только немного, в технических целях. Вы подписывали договор на оказание услуг лечебницы. Неужели не прочитали?
- Не читала, призналась гостья. Мне руку оторвало. А Тиму... Тиму совсем... Как страшно было, как больно... Мой папа миллиардер...

«Ваш папа мародер! – хотелось отчеканить венерианке. – Он собирал бриллианты в разрушенных городах, наступая на разлагающиеся трупы! Ваш папа – индюк, объявивший себя властелином мира! Он не купит на эти камни буханки съедобного хлеба, мешка безопасной картошки! Как вы выжили? Чем кормили ребенка?

Сидит себе кучка бездельников на умерщвленной планете, ждет возрождения растений. Растения сохнут и дохнут, упрямцы поглощают последний, губительный воздух. Ждут, надеются, верят: все восстановится. До «все восстановится» сотни, а может быть, тысячи лет. Эти годы надо продержаться на Венере, на Марсе, на Титане. А иначе – кирдык».

Но вслух сказала:

- Ваш папа здесь не поможет. Отработать долги перед городом вам придется самой. Услуги за услуги. Просто, четко, бумагосберегающе.
- Отрабатывать? женщина не испугалась. Я училась на биофаке, работала в институте. Да и грубым трудом не брезгую.
- Значит, сможете выбирать между полями, фермами и лабораториями. Года за три за руку расплатитесь, и свободны, как ветер. А мальчик останется здесь.
- Здесь? Зачем? опять полуглупое, подозрительное выражение на прекрасном когда-то лице.

Интересно, Дмитрий застал эту дамочку без морщин? А при четкой ли сообразительности?

Галина протяжно вздохнула:

- Елизавета Андреевна, условия восстановления живого из... чуть было не ляпнула: «...из разрозненных кусков мяса». Но землянка сама представила эти разбросанные куски, вдруг стала бледнеть, синеть. И Галина испуганно зачастила: Простите меня, я нервничаю, становлюсь бестактной. Вам должны были при поступлении объяснить... и взглянула на регистратора.
- И кому бы я объясняла? подняла та невинный взор. Кровь из нее хлестала, как из шланга. Да и что б объяснения изменили? Разве б она отказалась? Никто еще не отказывался.

И опять уткнулась в работу: мол, на продолжение не надейтесь.

- Я не отдам Тимошу... прошептала бедная женщина.
- Да никто вас не разлучает! Галина теряла терпение. Оставайтесь с сыном у нас! Ну куда вы с мальчонкой денетесь? На Землю вернетесь, умирать? А здесь сто лет проживете. Условия на Венере самые привлекательные из всех заселенных планет. Биосистемы самые устойчивые, сработаны на века гениальными инженерами. Мой прадед их конструировал и тысячи первопроходцев. Мы все здесь потомки первых...
 - А мой сын вам зачем?

Неужели не понимает, зачем требуются мужчины? На Земле совсем отключились, на день вперед не загадывают?

 Елизавета Андреевна, операции сборки чрезвычайно дороги. Потраченные на реинкарнацию искусственно выращенные биопланты обходятся местным жителям в гектары не засеянных

земель, в тысячи квадратных метров намеренно не заселяемого жилья. Мы все ютимся в крошечных квартирках, экономим энергию, воду, воздух, пищу. Мы согласны на любые ограничения, лишь бы в полную силу работало уникальное медицинское оборудование. Лишь бы со всех орбит Солнечной системы к нам прилетали мужчины, живые и мертвые.

Излечившись с помощью биоплантов, реинкарнировав с помощью биоплантов, эти мужчины навсегда остаются у нас. Они будут отрабатывать свой долг всю жизнь. Лет сто двадцать – сто пятьдесят медики гарантируют.

Землянка пожевала губами. Долгий век для родного сына на экологически чистой планете. Это же хорошо! Но свободолюбивый норов требовал вариантов.

- А бывало, что мужчины сбегали?
- Зачем? В полуискусственных организмах необходимо делать замены каждые два-три месяца. Никто бегунам не поможет, помыкаются, и кирдык, другим наука.

Елизавета вздрогнула. Насмешливое «кирдык» в устах кудрявой миловидной дамы звучало угрожающе.

- Вы переманиваете мужчин...
- Мы выживаем, переманивая мужчин. Везде своя специализация, каждый выживает, как может. К нам едут и женщины с девочками, всех лечим, всем работа находится.

Гостья уже поняла: вариантов не будет. И, пожалуй, по этому поводу сокрушаться не стоит. Что оставлено на Земле, кроме упрямого полубезумного отца, шайки его озлобленных единомышленников и пугающих перспектив лучевой болезни? Разве такую судьбу желает она сынишке? Осторожно поджала ноги, примеряя на мальчика новое, благополучное будущее.

- А вы сказали... Вы сказали: «полуискусственные организмы». В чем это выражается?
- Кроме текущих ремонтов? Во всем, глубокие синие очи плеснули настоявшейся горечью. – Разве Дмитрий вам не рассказывал?
- Не рассказывал. Мы всего-то два раза встречались, еще до рождения Тимоши. Нам было... Елизавета смутилась, припрятала дорогие воспоминания под полупрозрачные веки с поредевшими ресницами.
- ...не до разговоров? подхватила Галина. Ночная гиперактивность, умноженная на постоянную способность к зачатию новой жизни. Изредка к зачатию мальчика. Бесценные качества, давно утраченные натуральными мужчинами.

Лизавета вздохнула: «Да уж...» И губы скривила в усмешке. Над собой посмеялась, над своими несбывшимися надеждами.

В сорок восемь – случайная встреча с контролером с далекой Венеры и счастье первой беременности. Беременности вопреки захлестывающему аркану Смерти, беременности вопреки рассудку. И сладкая, головокружительная влюбленность, которой можно гордиться, которую не надо скрывать ни от постоянной супруги, ни от десятка временных жен. Стать равной в рядочек избранных – это достойно.

– Сто пятьдесят восемь краткосрочных жен на разных планетах. И сектор двенадцать в нашем городке, где Дмитрия каждый день поджидает одна из тысячи двухсот женщин детородного возраста. Каждую обязан обрюхатить в соответствии с графиками овуляции. Один раз обрюхатит – пойдет по второму кругу. Вот главная из задач, возложенных на биоменов – возрождение человечества.

Информация землянку шокировала, обдала кислотою ревности. В разговоры про возрождение человечества Елизавета не верила, предпочитала бесплодным потугам энергосберегающую обреченность.

- Зачем так много любовниц? прошептала, скрывая резь, пронзившую за грудиной.
- Сколько есть, все его, безразлично ответила самая первая, самая законная, в далекой мерцающей юности самая, самая, самая любимая. И на блекнущий день за окном посмотрела с суровым вниманием, стараясь скорее избавиться от той же «ханжеской боли». И гостья замолкла в смятении, подавленная, оглушенная, не способная подыскать объяснения столь безумной самораздаче.

Галина опять была вынуждена растолковывать:

- Двадцать лет назад, когда запасы атомного оружия Земли взорвались в результате детонации...
- Мы уцелели чудом, подхватила землянка тихим обесцвеченным голосом. Летали на Марс, туристами. А когда вернулись домой... Трупы кругом лежали... Но отец ни за что не хотел возвращаться в колонии. Мы десять лет провели в глубоких пещерах Анд, куда радиация не проникала. Пили стерильную воду из подземных источников, питались слепыми раками... Как развеялось, болееменее, стали выходить к свету. Мама тогда умерла... И муж... А еще через пару лет прилетели первые колонисты...

«Твой отец стрелял по колонистам, еле его усмирили», – неприязненно вспомнила Галя.

Но с изображаемым интересом вытерпела историю спонтанно вспыхнувшей страсти супермена с далекой Венеры и последней вумен Земли. О чем ей еще стрекотать? Сю-сю, тоскую в разлуке. Дальше кончика носа не видит.

– Я никогда не думала, что мой сын будет долго жить. Рожала его ради счастья... Короткого горького счастья... Вы душу мне переворачиваете... Я не знала, что на Венере лучше, чем на Земле...

- Почему же вы прилетели?
- Дима звал постоянно с посыльными, хотелось его увидеть. Хотя бы на несколько дней...
- «Коротенькие желания, убогенькая душонка. Ну, да это не важно. Главное, в нашем городе стало одним мальчиком больше».
- Тот последний взрыв на Земле, Елизавета Андреевна, породил страшный отзвук в колониях. Видно, Бог наказал все человечество скопом за надругательство над колыбелью, и виновных, и невиновных. Или просто провел профилактическое сокращение вредоносных разумных существ, чтоб другие планеты не разрушали.
 - Господь милостив, строго поправила старшая.
- А мы? Мы были милостивы к Нему? Господь, говорят, вездесущ. Он в каждом глотке воздуха, в каждой цветущей веточке, в каждой песчинке. Земляне загадили воздух и воды, уничтожили Жизнь, роскошную, уникальную, расплавили поверхностный слой континентов! Даже самому великому терпению положены свои сроки. Сразу же после взрыва наши мужчины и мальчики вдруг заболели страшной, неизвестной доселе инфекцией. Они умирали тысячами, на глазах у матерей и жен, даже в далеких звездолетах, даже на изолированных станциях, и женщины ничего, ничего не могли с этим сделать!
- Ваши ученые должны были выделить носитель заболевания, разработать антибиотики, произнесла гостья неожиданно твердым голосом.
- Выделили, назвали вирусом Хрона, в честь открывателя. Но пока подбирали лекарства, мы схоронили сто тысяч мужей, сыновей, отцов, всех возрастов, всех профессий... Их закапывали за куполами, в огромных котлованах.... Не умершие не выздоравливали, лежали в параличе, у них отгнивали руки...
- А я ничего не знала, отсиживалась в пещере... впервые в интонациях Елизаветы прозвучали нотки раскаяния.
- Женщины с дочерьми остались в искусственных городах, как в мышеловках. Нам некуда было бежать. Лишь редкостные из нас носили гордое звание ученых дам, немногие понимали в технологиях очистки воды или поддержки приемлемой температуры. Без мужчин мы были бессильны, обескровлены, сломлены. Поломка любой, самой незначительной детали грозила превратить городок в очередную братскую могилу. Слабые вешались, истерили, убивали своих дочерей. Сильные учились у умирающих, осваивали мужские профессии. Мне было пятнадцать лет, я это пережила, с

мамой, с сестренками. Мы изучили работы отца, приняли на себя контроль над атмосферой. Другие открыли таланты в иных областях. Сорок тысяч женщин на трех планетах заменили собой сотню тысяч мужчин. Мы очень хотели выжить. И мы выживать научились, – Галина уже говорила с нескрываемой гордостью. Землянка не спускала с нее зачарованных глаз. – Не знаю, с кем мы боролись, с дьяволом или с Богом. Нам ли рассчитывать на Его всепрощение? Нам ли надеяться на Его поддержку? Но мы победили.

- А я ни на что не надеялась, прошептала несчастная мать.– А теперь надеюсь почему-то...
- Но самое главное сделали венерианские медики. Профессор Люберец научилась выращивать органы из неподвластных вирусам компонентов. Две тысячи из лежачих были спасены. В том числе и наш будущий муж. Женщины обменялись радостными улыбками. Две тысячи! продолжала Галина, не задерживаясь на личном. Каждый мужчина на вес золота, каждый с ученой степенью, каждый окончил высшую школу колонизации Солнечной системы. Специалистов распределяли по справедливости, пропорционально количеству женщин на каждой планете. И тогда уже расчертили городки на «гаремные» сектора.

Лиза кивнула коротко, с пониманием. А что оставалось делать?

– Стало чуть-чуть полегче. Мужчины взялись за осмотр сверхсложного оборудования, на которое нашей сестре, как ни эмансипируй, мозгов не хватает. И кто-то из нас забеременел, и это благое дело воспринималось всем городом как залог непременного выживания.

Но нарушенные вирусом организмы не выдерживали нагрузок. Наши золотки, наши бриллианты возвращались на больничные койки. Медики сделали невозможное. Из обреченных на медленное гниение было с годами смонтировано сто пятьдесят биоменов, не знающих усталости, не ведающих хворей. Компьютизированный мозг каждого позволяет контролировать все системы жилой, промышленной и сельскохозяйственной зон. Взаимозаменяемость специалистов стопроцентная. Дмитрий Павлович, например, занимается энергообеспечением, но работать может кем угодно. Биоменов мы уже выменивали на сложнейшее медицинское оборудование. На Марсе или Титане все равно пропадает, а нам впору. Женщины трех планет салютовали новому начальству и с восторгом выполняли распоряжения. Днем и ночью.

 Как я рада за вас! – воскликнула искренне Лиза. – Ваш муж выжил, вошел в число избранных! Представляю, как вы с ним счастливы!

Пухлые губки Галины дрогнули уголками:

– Не представляете. У меня уже лет двенадцать, как нет мужа. Этот робот в облике Дмитрия принадлежит ветровым станциям в стратосфере и своему гаремному сектору. Только не мне.

- Но... гостья взглянула на девочку, елозящую по стульям.
- Планированное посещение в соответствии с графиком овуляции. А вы в самом деле надеялись на частые теплые встречи?
 - Ну... да.
- Теплом биомен обдает краткосрочниц на станциях или планетах. Чем меньше жен в одном пункте, тем больше тепла достанется каждой. Здесь вас поставят в график. А как вышедшую из детородного возраста... - Галина махнула рукой.
- Но я могу с ним работать? Видеть его, общаться? не сдавалась любящая душа.
- Видеть, конечно, можете, порхающим в гравиолете. А вот пообщаться - вряд ли. Днем они вообще к общению не приспособлены, выполняют работу десятков специалистов враз. Представляете, какая нагрузка? Днем он может вас не заметить, не узнать своих дочерей.

Елизавета Андреевна с тоской уставилась в пол.

- А мой сын? Он меня узнает? пыталась вымолвить твердо, но голос предательски дрожал.
- Должен узнать. После первой сборки, обычно, дети своих узнают.

Фраза вышла жестокой, но как ответишь иначе?

- У У биокиндеров собственный клуб по интересам, талантливые ребята растут. И ваш тоже будет гением, - подсластила горькую пилюлю.
- И... он уже программируется на минимальное общение с матерью?
- На отчужденность никто никого не программирует. Отчужденность, закрытость характера - побочный эффект гениальности. Эти дети поднимаются на новую ступень развития, а мы остаемся внизу.
- Я тоже буду бикиндером! воскликнула вдруг Снежана. И хлопнула маму по животу пухлой ладошкой.
- Не сметь! передернулась Галина и ответила точным шлепком по подкрашенным карандашиком ноготкам.

Девочка закричала, не от боли, от вредности норова. Медсестра оторвалась от компьютера и шутя погрозила пальчиком нарушительнице порядка. Детка поскорее уткнулась маме в плечо и, косясь на усатую тетю, капризно захныкала:

- Почему Микки можно, а мне нельзя?! Он больше со мной не играет!

ΠΟΡΟΓ-25 57

 Он мальчик, а ты девочка. Мальчики хулиганят, попадают в беду.

- Мишель Бронд, пять лет, одна сборка, Грей Успенский, семь лет, одна сборка, Павлуша Фазан, десять лет, три сборки, Эдик Кагарян, тринадцать лет, три сборки. Это очень больно и страшно, покачала головой медработница.
- А девочки все хорошие, осторожные, мамочку любят, усугубила воспитательный процесс Галина. Они не уходят от мамы. Правда? Ты от меня не уйдешь?
- Не уйду, решила малышка. В проблеме трудного выбора между мамой и Микки она пока предпочитала маму.
 - Что ж у вас за детьми не следят? возмутилась приезжая.
- Следят, привязывают и порют. Результат вам теперь известен, вздохнула Галина. Понимаете, в чем тут дело... Вирус Хрона повлиял на нашу наследственность. Со времен эпидемии мальчики на планетах почти не рождаются. Ну, а те, что каким-то чудом появились на этот свет, норовят его быстро покинуть, как будто запрограммированные. Не склонность к суициду, такого не наблюдается. Но какое-то хитрое, изворотливое хулиганство. Часто заканчивается трагически. На Венере мальчиков четверо, на Титане пять, на Марсе восемь. И все уже биокиндеры, не по разу. Хорошо переносят восстановление, затихают, стабилизируются. И вдруг опять хулиганят.

Землянка впитывала каждое слово. Но еще не могла, не хотела применять это страшное знание к своему послушному сыну.

- И мужчины такие же в точности, даже самые роботизированные, повела понятливая Галина ее мысли в другую сторону, не могут без приключений. Время от времени они... как будто очеловечиваются. Становятся душевными, разговорчивыми, пренебрегают обязанностями, украдкой гонят самогон, что строжайше запрещено. Напиваются и погибают. Кого-то находят и восстанавливают, а кого-то находят поздно. Из пятидесяти директоров остались у нас двадцать два. И на других планетах то же самое. Вот она, правда вся. Потому мы мужчин переманиваем. Но уже переманивать некого.
- Дмитрий утром, когда нас с Тимошкой встретил, такой разговорчивый был, покаянно заговорила гостья. Сына расцеловал, привел нас в гостиницу, разлил вино...
 - Самогон. Мы вина не производим.
- Выпили мы за встречу... Если б я знала, если б я только знала... и женщина горько заплакала.
- Тоже пила, осуждающе проворчала Татьяна Ивановна. И в гравиолет полезла, ребенка не пожалела.

Несчастная завыла с новой силой. Галина ее обняла, к сердцу прижала. И девочка подключилась, ей стало жалко тетю. Так втроем и сидели, собирали горючие слезы, две мамы и «бестолковка».

Снежане первой плакать надоело. Она надела очки и торжественно объявила:

- Папу увозят в палату. Снизу написано: «Операция прошла успешно. Больного можно посетить через три дня».
- Дай посмотрю. Хроническая жена полюбовалась мужем, бледным, но целиковым. Передала индпьютер временной. Женщины улыбались еще не просохшими лицами, несмело, боялись сглазить.
- И сыночек ваш тоже в порядке, спохватилась Татьяна Ивановна, переключите на палату реанимации. Там, внизу, зеленая кнопка.

Теперь все рассматривали спящего Тимофея, и девочка удивлялась, какой у нее взрослый братик.

– Восемь лет, – умилялась Лиза со все возрастающей гордостью. – Умница, ласковый, сговорчивый...

И вдруг замолчала, задумалась, напряженно скопила складки посередке высокого лба. Потом обратилась к Галине:

- А вы никогда не хотели сделаться биовумен? Чтоб к мужу приблизиться, понимать его лучше.
- Никогда не хотела, удивилась женщина идиотскому предположению. – У меня дочери, трое, мне к ним надо ближе быть. Материнский пригляд, материнскую ласку роботом не заменишь.
- А если мужчин будет еще меньше? Что делать станете?Задумывались?

Галина оглянулась на девочку, самозабвенно варакающую пластиковым карандашом мамину сумку, и ответила:

- Как не задуматься. Есть у нас биовумен, в основном, из бездетных. Не всегда эти женщины получаются гениями, иногда из больницы выходят глупее прежнего. Видно, не всякий мозг приспособлен к супернагрузкам. А другие вдруг стервенеют. Злые, несчастные, подлые, однако свое дело тянут наравне с мужиками. А еще врачи предлагают переделывать женщин в мужчин. По-настоящему, с возможностью оплодотворения. Матильда Люберец не видит другого выхода.
- Только мальчиков новорожденных от этого не прибавится,
 вставила медсестра.
 Так и будут наши дочери ходить с колокольчиками.
- В нос получили, ума набрались. Скоро все превратимся в существ среднего рода, печально молвила Галя, удрученно прикидывая в уме перспективы среднеполого Гомо Сапиенс. Получалось бесперспективно.

Гостья думала о другом.

- А Матильда Джейн Люберец тоже запрограммирована?
- Вы ее знаете?
- Когда-то встречались.
- Нет, она нормальная. Но безумно талантлива.
- Почему же ваша талантливая не проводит корректировку пола зародыша по рептилевскому методу?
- Пыталась. Насколько я понимаю, Рептиль воздействовал на живчики каким-то специальным составом, прямо в организме мужчины. Наших мужчин обрабатывали и так, и эдак, все равно хромосомы игрек в живчиках не образуются. Формула состава утеряна, лаборатория Рептиля разгромлена, записи не сохранились. Посылали ракеты на Землю, искали без толку. Ученый погиб, все погибло.

Гостья удивленно вскинула брови. Достала зеркальце, тщательно утерла лицо салфеткой, причесалась.

- Татьяна Ивановна, обратилась она к регистратору, запишите меня на программирование. Не хочу терять связи с сыном.
- Записать-то вас можно, не скрывая сарказма, процедила усатенькая, – только что из этого выйдет?
- И будьте добры, попросите профессора Люберец выделить время для встречи с профессором медицины Елизаветой Андреевной Рептиль.

Алексей Корепанов ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗВЕЗДЫ

Еще в школьные годы меня смущало окончание книги Станислава Лема «Возвращение со звезд». Точнее, я был не согласен с таким финалом этой истории. И даже не с финалом, а с тем, каким подразумевался дальнейший жизненный путь Эла Брегга. Я написал этот рассказ – и заноза, так долго сидевшая в моей душе, пропала. И пусть мое мнение кому-то покажется ошибочным – но я наконец-то высказал его!

...начал спускаться по осыпи на юг, туда, где был мой дом. Станислав Лем, «Возвращение со звезд»

Утро было таким же серым и тихим, как и вчера, и два дня назад, разве что без надоевшей мороси. Я шагал по жухлой траве к застывшему посреди лужайки ульдеру, и руки мои были пусты – зачем брать с собой вещи, которые не имели для меня ни малейшего значения?

Машина, похожая на заостренный с обоих концов карандаш, взмыла под низкие облака и устремилась на запад. Я мог бы развернуться вместе с креслом и сквозь ее прозрачный корпус бросить прощальный взгляд на свое оставленное жилище, но я не собирался этого делать. Мне не с чем было прощаться.

И не с кем.

Как и во многом другом, я и тут вылез за рамки среднестатистических показателей. Я сумел прожить вместе с Эри не семь лет, как большинство других пар в этом мире, а всего лишь три года. А потом – еще несколько месяцев без нее. Тот девятый вал чувств прошел, и все мельче и ленивее становились волны... Я не хотел об этом думать, но прекрасно понимал: тогда, после моего возвращения на Землю, она оказалась просто соломинкой, за которую я ухватился в попытке приладить себя к реалиям ушедшего почти на сто тридцать лет вперед мира. И эта соломинка в конце концов сломалась. Вернее, нет – Эри просто вернулась к привычной жизни, в которой нет и не может быть места для свалившегося со звезд полудикаря, не умеющего сдерживать свои чувства, и самое страшное - способного на причинение вреда другим людям, включая убийство. Потому что этот совершающий бредовые поступки древний космический пилот не подвергался бетризации, а значит – был полон агрессивных влечений.

Впрочем, рисуя такую картину, я кривил душой – дело было не в Эри. Дело было во мне. И я уже давно знал, чем все это кончит-

ся. Знал, но не желал признаваться в этом самому себе. Чувства угасли, а одиночество осталось. И его не смогли бы заполнить никакие другие женщины. Никто не смог бы, и нелепо было бы искать хоть какой-то намек на надежду. Нелепо и глупо – а с глупостями я и так уже хватил через край.

Мне не было места на этой чужой для меня Земле, среди людей, из жизни которых исчезла даже малейшая возможность риска. Наука лишила их права на риск, и та планета, на которую я вернулся, была чем угодно, но не домом моей молодости, каким я помнил ее. И я в сотый раз твердил себе: я не должен был лететь – я должен был остаться и умереть в свой час, как умерли мои ровесники, и лежать на кладбище рядом с родителями. Или погибнуть там, среди звезд, как погибли Ардер, Вентури и другие. Турбер был прав, и я хорошо запомнил его слова: наше несчастье в том, что нам повезло и мы вернулись.

А чтобы не возвращаться в ставший чужим мир, не нужно было улетать.

Правда, хоть тверди это, хоть не тверди – прошлое не изменишь. Не вычеркнешь из жизни десятка лет – моих собственных лет, – проведенных там, в черных безднах. Но есть не только прошлое, но и будущее. А уж с ним-то я волен поступать так, как сам того хочу.

Совсем скоро от Земли уйдет новый корабль, он устремится к Облаку Стрельца – и я, пилот Эл Брегг, буду на его борту. Хотя мне уже не нужны звезды.

Разумеется, никаких наших банковских накоплений не хватило бы на реализацию этого проекта. Но нам помогли. Не пожалели средств на то, чтобы убрать с безмятежной планеты десяток не прошедших бетризацию субъектов с архаичными замашками, представляющих потенциальную угрозу всеобщему тепленькому сиропу.

И теперь ульдер мчал меня на базу, где уже собрались Олаф, Турбер, Вабах, Гимма и другие.

Мы возвращались на звезды. Я улетал без сожаления.

* * *

Это была первая система, в которой мы задержались по пути к Облаку Стрельца. На одной из ее планет по некоторым признакам могли существовать какие-то формы жизни. Я намеревался спуститься на нее в одиночку, и Турбер не имел ничего против, но Олаф настоял на том, чтобы отправиться вместе со мной.

Мы почти не разговаривали от старта с борта корабля до посадки... и вообще после встречи на базе вели себя друг с другом так, словно были едва знакомы. Начало такому поведению поло-

жил я, и Олаф принял его и ни разу не попытался восстановить наши прежние отношения. Впрочем, я был почти уверен в том, что он навяжется в напарники.

Мне было все равно.

– Как я погляжу, это немного не то, на что мы рассчитывали, – сказал он, когда мы вышли из катера, обвешанные всякой регистрирующей аппаратурой.

Я промолчал, словно не услышал его, хотя шлемы наших скафандров отлично пропускали звук.

Планета действительно оказалась не такой уж замечательной. Под затянутым ржавыми облаками небом простиралась унылая равнина, где гуще, где реже усеянная источенными эрозией каменными столбами. Разумеется, по этому ландшафту не стоило судить обо всей планете, но дело было в другом: атмосфера столь резко отличалась от земной, что была просто смертельной для человека. Нет, тут, конечно, могла возникнуть какая-то жизнь – в широком смысле слова, – но вряд ли она представляла какой-то особый интерес. Во всяком случае, для меня.

Олаф расставлял и включал приборы, изредка бросая взгляд в мою сторону. Я же стоял неподвижно, сгрузив ношу себе под ноги, и смотрел на равнину. Ветер, посвистывая, вздымал над ней рыжую пыль, и это было по-своему красиво.

- Надеюсь, ты справишься один, - сказал я.

Олаф замер над очередным прибором, потом выпрямился во весь свой немалый рост.

- А ты? настороженно спросил он.
- Пойду вон туда, я кивнул на ближайшие монолиты; их можно было принять за древние сгорбленные истуканы. А там видно будет...

Олаф некоторое время, не двигаясь, молча глядел на меня. Я хорошо видел его лицо за прозрачным забралом шлема. Оно было хмурым.

- И стоило ради этого забираться в такую даль? наконец произнес он и шагнул ко мне.
- Не подходи, предупредил я, выставив перед собой руку.
 Нарвешься на нокаут.

Олаф сделал еще один шаг и остановился. Мельком взглянул на открытый люк катера, и я понял, какая мысль у него возникла.

– Тебе не удастся затащить меня на борт, Олаф. Даже и не думай. Знаешь, я обманул тогда всех вас... Тот планетоид, где потерялся Томас... Я ведь нашел Томаса и разговаривал с ним. Только он не захотел возвращаться, потому что считал себя уже умершим. Понимаешь?

Олаф шевельнулся, и глаза его на миг расширились. А потом превратились в щелки.

- Он не захотел возвращаться, потому что считал себя мертвым, повторил я. И выстрелил в меня из газового пистолета. Не захотел возвращаться.
- И ты не хочешь, медленно кивнул Олаф. Тоже считаешь себя...
- Мне плевать на Облако Стрельца, прервал я его. И на Земле мне тоже делать нечего. Ладно, Олаф, попробуем обойтись без лишних слов.

Я чуть приподнял руку, обозначив прощальный жест. Олаф по-прежнему не сводил с меня суженных глаз и молчал. Да и что он мог мне сказать? И какое это имело бы значение?

Я брел к каменным столбам, не оборачиваясь, и был уверен в том, что Олаф не идет за мной – я обязательно услышал бы его шаги. И все-таки, уже почти миновав первого здешнего идола, оглянулся. Олаф стоял на том же месте, опустив руки, и его можно было принять за элемент здешнего пейзажа. Скорее всего, он искал способы помешать мне, но я не собирался давать ему ни единого шанса.

Я больше не глядел назад. А пройдя еще с полсотни метров, вдруг подумал: возможно, он размышляет, стоит ли последовать моему примеру.

«Перестань, - сказал я себе. - Не все ли равно?»

Я не собирался уходить далеко. Еще несколько десятков шагов, вон за те скалы, а там открыть забрало шлема и полной грудью вдохнуть местную отраву.

С возвращением на звезды, Эл Брегг...

Дмитрий Калюжный ДЕНЬ ДЕНЕГ ДЛЯ НЕГОДЯЕВ

Санта-Ана-Чьяутемпан – городок маленький. Иной нахал из столицы назвал бы его селом. А то и чем похуже. Еще бы: его даже «Гугл» не всякий день отыскивает...

Но сержант дорожной полиции Серхио Бильбоа не согласился бы с таким нахалом. Серхио тут родился, тут учился и жил. Он любил свой город.

Еще не окончив школу, он купил первый мопед. Потом – мотоцикл: сначала подержанный хондовский «Цивик» мексиканской сборки, затем «Аккорд». Ох, и костерили же его и дома, и в соседних городках за ночной грохот!..

В общем, как-то так получилось, что играл он в догонялки с дорожной полицией, играл, и доигрался: сам стал полицейским. Теперь под Серхио порыкивал мощнейший «Хонда Супер Блэкберд»; Бильбоа патрулировал окрестности здешней жемчужины туризма, индейскую пирамиду аж доколумбовых времен.

В этих местах, если мерить на душу населения, входящих-исходящих дорог побольше, чем в столице. Отсюда можно уехать в любую сторону: к океану три дороги, в столицу две, на север и на юг по несколько... И со многих из них можно в конце концов попасть на Панамериканское шоссе и уехать хоть в Штаты! А годные для проезда горные тропы тут вообще никто никогда не считал дорогами, хотя, если подумать...

Надзор полиции необходим. Смотреть надо, кто едет, куда и как. И на чем.

Всех здешних автовладельцев Серхио знал не только в лицо, но и по именам. Туристов тоже узнавал запросто: у них на лицах написано, что — туристы. Но бывают мутные типы... Которым закон не писан... К ним-то и надо приглядываться. Приходилось ему задерживать угонщиков, уводивших в горы краденые тачки. Приходилось ловить пьяных. А однажды он помогал брать банду юнцов из Энтрадеро, которые подломили банк и пытались уйти через Санта-Ану. В общем, опыта у Серхио, в его тридцать, было предостаточно, и потому теперь, с прищуром глядя на возню возле кафе «Кукулькан», он пытался понять, какую пакость затевают эти незнакомцы на его территории.

Было раннее утро. Двое каких-то барбудос прибыли на двух машинах: здоровенный черный бородач на приемистой «маз-де», и бородач габаритами поменьше и кожей куда светлее, на желтом фургоне «форд», не слишком новом. Обе машины

имели местные номера. Они встали вблизи «Кукулькана» в тени пальм. Черный бородач вылез из «мазды», огляделся и пересел в «форд».

Практически одновременно подъехали четыре джипа с тонированными стеклами и американскими номерами. Два заползли задом на стоянку между «Кукульканом» и заправкой, другие остановились в ста метрах за кафе. Из джипов никто не вышел, но Серхио видел, что в них по три человека, с какими-то приборами в руках – не то фотоаппараты, не то бинокли.

А вдоль боковой дощатой стены кафе, откинувшись спинами на эту стену, сидели, слегка прикрытые кустами, трое мужчин в комбинезонах с надписью «Строительная компания Джорджа Фуллера» и что-то ели. Это было подозрительно, потому что: а) сидели они на ящиках с такой же надписью, а раньше этих ящиков тут не наблюдалось; б) они не были местными; в) никакого строительства на пять километров вокруг не велось, и неоткуда было взяться строителям из США, да еще со своими ящиками. И, наконец, г) чего бы им не позавтракать в кафе, если они честные люди?

Надо полагать, их привезли еще ночью и замаскировали под работяг.

«Так, – подумал Серхио, – столичные бандиты назначили стрелку».

Ему и в голову не могло прийти, что два бородача-латиноса – и впрямь бандиты, правда, заграничные – наняты местным резидентом ЦРУ для передачи желтого «форда», под крышу набитого деньгами, заговорщикам, желающим свергнуть здешнего излишне самостоятельного президента, а остальные присутствующие – оперативники того же ЦРУ.

Серхио стоял достаточно далеко и, кроме того, был укрыт от этих подозрительных типов павильоном автобусной остановки и частично кустами. Ну, а тарахтение его красавца-«Блэкберда», и без того тихое, до поры скрывалось в дорожном шуме. Однако очень скоро движение по трассе остановилось: никто не ехал ни с той, ни с этой стороны.

Он осторожно вытянул шею и посмотрел направо, вдоль дороги. Там виднелся капот пустой легковой «тойоты» с повернутыми вправо колесами, что тоже было подозрительным.

Ему, как дорожному полицейскому, разбираться, что это за люди, было незачем. Не его это дело. Разве что та легковушка справа влезла задними колесами на тротуар, а так... И возможно, будь на его месте кто другой, уехал бы он от греха, сказав: ну, стоят машины... сидят люди... Но ведь ничего не нарушают, не

так ли? Поеду-ка я, посмотрю, что там дальше творится... А за это время, глядишь, тут уже все и рассосется.

Но Серхио Бильбоа был не таков. Это его город! И от каких-либо незаконных событий могли пострадать его друзья и соседи, а также их собственность. Поэтому он сдвинул рычажок связи и негромко сказал в микрофон, прикрепленный к шлему слева:

– Хуан? Это Бильбоа. Сообщаю: у «Кукулькана» собралась подозрительная группа. Семь машин и несколько пеших. Передача товара или, возможно, разборка...

Он знал, что, получив у каптенармуса автоматы, сюда приедут на мотоциклах двое-трое полицейских. Народу в участке мало, а к тому же скользящий график... Конечно, они ни у кого не станут проверять документы и не будут демонстративно передергивать перед незнакомцами затворы. Тем более, у них номера американские, а у нас в стране подлинная демократия... Нет, полиция просто слегка обозначит свое присутствие, и этого будет достаточно, чтобы незнакомцы не устраивали большого шума. А если хотят убивать друг друга, пусть ищут другое место.

* * *

В широкое окно «Кукулькана» выглядывали два посетителя – один, с большими усами, был серьезен, второй – блондин европеистого вида – радостен и весел.

- Еще кофе? спросил их бармен.
- Нет, спасибо, отказался блондин.

Усач промолчал. Можно было подумать, что он слушает наушники – во всяком случае, он подергивался, будто слушает наушники. Бармен, он же хозяин заправки, посматривал на него со смехом, но его жена нервничала. Не нравился ей этот усач.

Звали его Квет Сантос, и она даже не догадывалась, что, будь он без усов, то не понравился бы ей еще больше.

Его ротовое отверстие было устроено иначе, нежели у землян, и если бы он был бритый, то человека удивила бы его верхняя губа. Потому и носил он длинные, выдающиеся вперед и свисающие сильно вниз усы. Его чуткие ушки трубочкой, способные поворачиваться в стороны, а при нужде развертываться в лист, прятались в густой шевелюре. При ветре, чтобы с них не сносило волосы, он повязывал на голову бандану.

Глаза он обычно скрывал за темными очками, но теперь их снял и покачивал в руке. Без очков прямой взгляд его глаз мог бы произвести на слабого здоровьем землянина страшное впечатление. К счастью, в придачу к усам он имел большие пушистые ресницы, а в данный момент и вообще смотрел не на хозяйку кафе, а в окно.

Колония людей с его планеты располагалась в горах Сьерра-Мадре в Мексике, на большом участке земли, купленном ими давным-давно. Они не афишировали, кто таковы есть, но за многие-многие десятилетия своего здесь пребывания сумели наладить связи. В колонии работали местные, которые даже и не знали, среди кого живут. С другой стороны, их люди – той расы, что наиболее походила на землян внешностью – жили в разных странах Земли. Человек двадцать – когда чуть больше, когда чуть меньше. И еще около ста землян работали на них, зная, с кем имеют дело. Один такой засел в муниципалитете Чиуауа. Он в поте лица оформлял паспорта достигшим совершеннолетия мексиканцам, а заодно и нуждающимся в документах инопланетникам.

Так что Квет Сантос передвигался по Земле вполне легально, и в эту страну тоже въехал законно: у него был мексиканский паспорт и диплом ученого-антрополога, полученный в Йельском университете. В полном соответствии с дипломом, он и в самом деле изучал земного человека как биологический вид среди природы и культуры! Юмор был в том, что ни один земной антрополог никогда не изучал тот биологический вид, к которому принадлежал Квет Сантос.

...На днях один из наблюдателей сообщил, что агенты США намерены финансировать государственный переворот, и передача денег наличными произойдет возле Санта-Ана-Чьяутемпан, точнее, в двадцати километрах от города.

Невмешательство в земные дела было принципиальной позицией инопланетных колонистов. Они, имея все возможности, не вмешивались даже в более вопиющих случаях. Но именно этот переворот было решено сорвать, забрав деньги.

Не потому, что колонистам эти деньги были нужны: наоборот, они им не были нужны. Чтобы изучать закономерности экологических изменений, вести мониторинг земной истории и подбирать желающих для переселения к ним на планету ради генетических обновлений, им и так хватало долларов и песо. А вне Земли доллары и песо не интересовали никого во всей Вселенной, даже нумизматов.

И не потому, что операция была аморальной: эти деньги агенты ЦРУ заработали, продавая в Европе афганские наркотики. И не из политических соображений: во главе заговора стоял комиссар столичной полиции, а президент, которого он собирался свергать, тоже когда-то был комиссаром столичной полиции. Все эти мелочи мало интересовали небольшую группу инопланетных экологов и антропологов.

Причиной для вмешательства стало то, что в результате переворота неминуемо пострадали бы их интересы в этой конкретной

стране, а их человек в столице и связанные с ним земляне могли даже погибнуть.

Помочь в операции попросили свободного от обязательных дел Квета Сантоса.

У блондина заурчал телефон в кармане.

- Да?.. спросил он. Понял. Он глянул на Квета Сантоса:– Начинаем. Дороги перекрыты, они уже не приедут.
- Знаю, отозвался Квет. Ведь это я сам создал там иллюзию аварии.

Блондин посмотрел на него с восхищением:

- Непрестанно удивляюсь, ребята, как вы умеете это де...

Квет Сантос движением ладони остановил его. Скрыл глаза за очками, повернулся к стойке. Его усы приподняла улыбка:

 У вас хороший кофе, хозяйка. Спасибо, – он говорил на прекрасном испанском языке.

Хозяйка скривилась, а бармен засмеялся:

- Нам привозят кофе прямо из Монтерея!

Больше Квет Сантос не отвлекался. Он смотрел в окно, шевелил пальцами и плечами, покачивал головой, будто танцевал на месте, и постоянно что-то пришептывал. В его организм были вшиты в разных местах элементы айюна, интегратора информации. Айюн работал на животном электричестве; сигналы передавались по нервным волокнам, но вот беда: ученые еще не придумали, как управлять им силой мысли. Приходилось отдавать команды вот таким причудливым танцем. На деле, Квет еще немножко прядал ушами, но под прической этого не было видно.

Айюн не только давал своему владельцу выход к любой нужной информации, накопленной инопланетянами и здешним человечеством, но и позволял порождать звуковые и ароматические эффекты, а уж оптических фантомов люди народа Квета Сантоса умели генерировать сами – иначе в жутких условиях своей планеты они бы и не выжили.

– Пошел, – бросил Квет своему напарнику.

Блондин двинулся к двери кафе, а Квет продолжил свой «танец», помахивая руками и притоптывая ногами.

Бармен, который последние три минуты откровенно потешался, глядя на Квета, отвлекся на какие-то свои хозяйские дела, но жена его продолжала с неодобрением смотреть на этих посетителей и ясно видела: блондин дошел до двери и открыл ее один, а на улицу — это было видно в окно! — вышел уже не один. С ним были еще двое! Откуда они взялись?! Она застыла от ужаса.

* * *

Пабло и Педро пожевали сушеного мясца из пакета, который привезли с собой, и Пабло уснул, волосатая сволочь, а Педро сидел как на иголках. Было сказано, что ровно в восемь часов подойдет некто, ему хорошо известный, помашет левой рукой, сделав пальцы козой, то есть буквой «v», сядет в «форд» и увезет деньги. Ну, и где? Уже восемь...

А вот и... Дьябло... Действительно, «некто хорошо известный»!!! И вышел-то прямо из местной закусочной. Он что, так тут и сидел?!

Он пнул черного напарника ногой в голень:

- Вставай, скотина! Хозяин идет!

ПОРОГ-25

К их желтой машине приближался собственной персоной резидент ЦРУ, который всего лишь в полночь лично пожелал им успеха в этой операции! Сбоку от резидента брел тощий, как сушеный акулий плавник, комиссар столичной полиции, но его эти два наймита не знали, как и молодого блондина, идущего последним.

Резидент, сделав пальцы буквой «v», помахал левой рукой и, глядя прямо на Педро, усмехнулся. Бородачи выскочили из «форда», а вновь прибывшие в него забрались; на место водителя уселся худой блондин.

Пабло и Педро пересели в «мазду». Агенты ЦРУ молчали и даже не вылезали из своих джипов, поскольку не получали такого приказа. А их старший не посмел вмешиваться, так как севший в машину с деньгами резидент был его прямым начальником. Да, по плану, чтобы не светить участие в этом деле ЦРУ, машину должен был забрать еще один бородач из тех, кого не жалко, а появление здесь шефа вообще не предусматривалось.

Но ведь он шеф! Ему виднее!

Быструю мысль – не хочет ли этот хитромудрый жучила-шеф украсть все деньги – он отогнал, как недостойную офицера и американца.

С другой стороны дороги за всем этим наблюдал сержант Серхио Бильбоа; резидента ЦРУ и блондина он вниманием обошел, но столичного комиссара, про непримиримую борьбу которого со всяческими безобразиями часто вещали в новостях ТВ, узнал и поразился его здесь появлению. Как может в такой сходке участвовать этот, блин, решительный борец?

Из-за колонок автозаправки выехал вдруг второй желтый «форд», копия того, в который уселся комиссар. Серхио удивился еще больше: за заправкой не было не только дороги, но даже площадки; фургону неоткуда было взяться! Но машина не проехала еще и двадцати метров, а вслед за ней из ниоткуда выехал еще

один точно такой же фургон. Потом третий. Четвертый... Все с одинаковыми номерами, но с разными людьми в кабинах. Многих было легко узнать: знаменитые певцы, артисты и футболисты улыбались и махали руками, делая из пальцев букву «v».

Приехавшие фургоны вставали то впереди, то позади первого. Потом начали строиться рядом, образуя вторую колонну. Они вразнобой фырчали, пускали клубы выхлопных газов, сигналили, мигали... Вдруг из-за заправки вымахнул мотоциклист в полицейской форме на мощнейшем мотоцикле «Хонда Блэкберд».

«Такой же, как у меня», - подумал Серхио.

Красиво сидя на своем железном коне, мотоциклист помчался по дороге; проезжая мимо Серхио, шутливо отдал ему честь, а потом, резко затормозив посреди шоссе, властно поднял руку и махнул рукой колоннам желтых «фордов»: вперед, ребята!

У Серхио мурашки побежали по всему телу: это был он сам. Не веря своим глазам, он слез с мотоцикла и посмотрел на номер, хоть и знал его наизусть: точно, тот же номер был и на мотоцикле полицейского, распоряжающегося на шоссе.

- Ну не могли они успеть достать столько одинаковых машин! стонал сидящий в «мазде» Педро. Мы сами до полуночи не знали, на чем повезем деньги!
- Смотри, смотри: Майк Тайсон! в полном восторге пихал его в плечо Пабло. Вон в том «форде»! Он смотрит на меня!..

Желтые фургоны почти синхронно двинулись вперед. Некоторые, набирая скорость, рванули в сторону города мимо сержанта, а там разделились: три пошли к Санта-Ане, четыре в сторону Ларрейна, два на Таско; еще четыре, повернув за кафе «Кукулькан», умчались на Толуку; остальные развернулись и, тасуясь на ходу, двинули на Эль-Вьехо.

Асхолма, что высился чуть сбоку за спиной Серхио, побежали мужчины в форме национальных гвардейцев. Бег их был стремителен и странен: они промчались сквозь колючие кусты так, будто были бесплотными, и сразу начали массовую пальбу из автоматов и ручных пулеметов. Бородачи с визгом шин рванули на своей «мазде» прочь. Джипы с тонированными стеклами тоже выруливали на шоссе, чтобы разъехаться в разных направлениях вслед за желтыми «фордами» – но умчалась только часть; два встали.

Серхио подбил сошки мотоцикла, уронил тяжелую машину на землю и сам лег рядом, положив руки на шею и вывернув голову в шлеме так, чтобы все-таки что-то видеть. И увидел! Из джипов повыскакивали хорошо одетые люди, легли на землю и открыли стрельбу по наступающим войскам из автоматов, а те трое, что сидели у стены кафе, уже вовсю палили из пистолетов. Грохнул взрыв гранаты, за ним второй, третий.

Помчался в обратном направлении один из желтых «фордов» – водителя в нем не было. Неожиданно он подпрыгнул и даже не взорвался, а будто лопнул, вывернувшись наизнанку! Из его нутра ударил денежный фонтан: тысячи, миллионы стодолларовых бумажек взлетели вверх, громадным пузырем закрыли небо и запорхали к земле, затрудняя обзор и нападающим, и обороняющимся.

Рассекая насыщенный деньгами, как туманом, воздух и не обращая внимания на трассеры и взрывы, промчался на заднем колесе мощный «Блэкберд» с фальшивым Серхио в седле. Перед ним сверкнуло невыносимое пламя; мотоцикл с ревом полетел в широкое окно «Кукулькана», а фальшивый Серхио, кувыркаясь, – в другую сторону. Звонко ахнули оконные стекла, столб огня взлетел над крышей кафе, оглушительно грохнуло... и стало тихо. Обожженные грохотом уши Серхио Бильбоа едва различали истошный крик: то билась в истерике спрятавшаяся за сараем жена бармена...

Квет Сантос, автор и исполнитель всей этой постановки, вышел из кафе, сел в «тойоту» и, незамеченный никем, уехал.

* * *

Когда через какие-то пять минут из города прибыли местный алькальд в авто и двое полицейских на мотоциклах, и когда выползли из-за сарая бармен и его жена, не было уже ничего. Ни трупов, ни гвардейцев, ни агентов, ни взорванных машин, ни устилавших вот только что дорогу денег... Целехонький «Кукулькан» с совершенно невредимыми стеклами... Только с шуршанием опадали посеченные пулями агентов ЦРУ кусты на той стороне дороги, да рассеивался пороховой дым.

Дальше всех от места боя убежал мальчишка-заправщик, он и пришел последним – и вообще ничего не понял. Теперь он таращился на окружающее и пожимал плечами.

Сержант Серхио Бильбоа, единственный свидетель произошедшего, встал на колени, поднял лицо к небу и крикнул, раскинув руки крестом:

– Господи! Ты ли ведешь нас по жизни, Господи?! Ответь!!!

Екатерина Филиппова БУДЬ МИЛОСТИВА К НАМ

Веранду затрясло. Джена застыла, пережидая толчки, потом посмотрела на мужа:

- Ну вот, опять.

Рик недовольно повернулся от компьютера:

- Дорогая, здесь через день трясет, за год можно было и привыкнуть.
- Сегодня это уже второй раз. А если это из-за той сверхглубокой скважины, что в Африке бурят?
- Да ладно, и больше бывало. И вообще, где та Африка, а где Калифорния? Давай, собирайся, к бабушке в больницу поедем.
 - Так мы ведь через месяц намеревались...
- А поедем сегодня. Мне из клиники звонили. У них там новая научная программа стартует.
 - А мы при чем?
- Мы ни при чем. А вот бабка даже очень при чем. Кровь, говорят, особенная. Так что будут старушку бесплатно лекарствами кормить, а потом кровь брать и клетки из разных мест.
 - У бабушки что, кровь будут выкачивать? И вырезать что-то?
- Так ей все равно, она в коме, ты же знаешь. От страховки крохи остались, а пока она в программе все бесплатно, а нам еще и приплатят. Повезло.
- Ну, не знаю. Неловко как-то. Мы и так в ее доме живем и счетами пользуемся. И не забывай, бабуля меня вырастила. И потом нам помогала.
- Послушай, она сама все тебе отдала. А сейчас вообще ничего не чувствует и не соображает. Давай, Джена, поехали. Все равно интернет пропал наверняка из-за этих чертовых вспышек на солнце.
 - Знаешь, Рик, мне страшно. Землетрясения эти, и вспышки...
- Не истери и выгоняй машину. Если больница сразу заплатит купим тебе то платье.

Джена покорно пошла к выходу и, только закрывая за собой дверь, бросила через плечо:

– Вообще-то, бабушка моя, значит – все деньги тоже мои.

Машина вырулила на раскаленный хайвэй. В горячем мареве казалось, что у пламенеющего солнечного диска выросли два гигантских отростка, слегка напоминающих ладони. Вода в океане была похожа на расплавленное стекло.

Радиоприемник захрипел. Не успела Джена протянуть к нему руку, как уходящая вдаль лента асфальта пошла волнами и взметнулась в воздух. Машина взлетела вместе с асфальтом и рухнула в океан. От края обрыва к небоскребам на горизонте стремительно поползла, расширяясь и ветвясь, кипящая лавой трещина.

* * *

Боль пробивалась даже через беспамятство. У нее почти не осталось ни мыслей, ни чувств. Только обида на то, что о ней забыли. Как будто она не живет, да и никогда не жила.

А ведь было же по-другому! Голоса, лица, подарки, праздники. Ну, разумеется, и просьбы. Она чувствовала себя любимой и нужной. И дарила, дарила...

Вдруг привычная боль стала невыносимой – раскаленный бур, давно терзавший ее тело, вонзился, кажется, прямо в душу. Она выгнулась в судорогах и страшно, отчаянно закричала.

Так же внезапно боль прошла, будто ее сняли чьи-то нежные и теплые руки. Обняли, приласкали, как маленького ребенка. Бодрящая волна энергии пронеслась через все тело, убирая беспамятство, усталость и обиды, заживляя раны, обвеяла ласковым очищающим пламенем.

Испарились выкачивавшие кровь трубки, затянулись раны и язвы. Даже причинявший постоянные страдания пульсирующий нарыв Йеллоустонской кальдеры начал рассасываться, выпустив лишь тонкую струйку пара. Остановил свое движение, начал стягиваться гигантский разлом, уже дотянувшийся до Нью-Йорка.

Она успокоилась. Прислушалась к давно забытым ощущениям: как это – быть живой? С хрустом потянулась, сбрасывая бремя катетеров, повязок, асфальта, трубопроводов, злобных жалящих насекомых. И чутко задремала, завернувшись в тепло ласковых ладоней, в предвкушении давно забытого праздника.

Наверное, ждать осталось не очень долго – издалека повеяло дымом ритуальных костров, донеслись полузабытые слова:

«Ты прости нас – детей твоих неразумных... О Богиня, чье одеяние – океан, а груди – горы, я склоняюсь пред Тобой и касаюсь ногой – будь милостива ко мне!»

Дарья Рубцова КОЛОДЕЦ И ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ СВЕТ

Ипподром Алисе пришлось поискать. Все тут вели себя одинаково: отводили глаза, переминались с ноги на ногу, сутулились и засовывали руки в карманы. Словно разговоры с ней казались им чем-то стыдным, нежелательным, и лишь вежливость мешала пройти мимо.

Наконец очередной прохожий указал направление.

– Туда! – сказал он, старательно отводя глаза. И неопределенно махнул рукой вверх, словно рекомендовал ей отправиться на небо.

Алиса задрала голову, посмотрела на плывущие в вышине облака.

– Туда?

Ей хотелось, чтобы он засмеялся или хотя бы улыбнулся, но прохожий лишь досадливо пожал плечами и, продолжая смотреть куда-то в сторону, пояснил:

– Наверх по лестнице. Сначала надо подняться, а потом спуститься. И там увидите. Понятно?

Он явно спешил отделаться от нее. И, дождавшись кивка, быстро засеменил прочь.

Алиса вздохнула. Понятно, что ж непонятного – прямо от баскетбольной площадки круто вверх уходила узкая бетонная лестница. Подняться, потом спуститься. И так все время. Не город, а какая-то бесконечная череда гор.

Ступеньки были усыпаны листвой, и она задумалась: а какое тут время года? Деревья стоят почти голые, трава совсем желтая... но тепло, как летом. Впрочем, о чем это она? Какое время года – тут вообще, наверное, нет времени...

Лестница заканчивалась маленькой круглой площадкой, заросшей сухим бурьяном. Прохожий не обманул: теперь, действительно, нужно было спуститься – вниз уходили такие же узкие ступени. И там, впереди, виднелся ипподром – большое поле, окольцованное дорожкой, по которой нарезали круги всадники в одинаковых черных куртках. И кресла для зрителей в несколько рядов.

Зрителей, кстати, было совсем мало: человек двадцать, не больше. В основном, одиночки, но некоторые все же держались кучками по двое-трое.

Когда она подошла к ипподрому, состязания уже закончились. Молчаливые жокеи уводили лошадей с дорожки, зрители про-

вожали их вялыми аплодисментами и обменивались короткими репликами, не глядя друг на друга.

- Простите, Алиса остановилась возле поднявшегося на ноги высокого бородача; он показался ей чуть веселее остальных. Вы мне не поможете?
- Да? бородач смотрел поверх ее головы, но его улыбка показалась ей ободряющей.
- Я ищу Антона Ивлева. Мне говорили, он днем обычно здесь проводит время...

Мужчина кивнул.

- Антон сегодня выиграл заезд. Он сейчас в конюшне, но вы можете подождать его здесь. Присядьте.
- Спасибо! обрадовавшись, она попыталась заглянуть собеседнику в глаза. Но нужно же предупредить? Он, вообще-то, не знает, что я тут...
- Знает, бородач невесело усмехнулся и вдруг посмотрел прямо на нее. Девушка, тут все всё знают, если нужно. А если не нужно, значит, и не нужно. Присядьте, он подойдет. Уверен, он помнит вас... я бы запомнил.

Легонько хлопнув ее по плечу, он снова улыбнулся, но, вдруг смутившись, заторопился прочь.

Алиса опустилась в кресло и задумалась. Знает? Подойдет? Ну подойдет, и что она скажет? «Привет, давно не виделись»? Или: «Привет, а это я»?

Боже, да они ведь чужие друг другу, совсем чужие. Не виделись лет двадцать. И не переписывались, не пересекались нигде. А последние пять лет так и вообще... он был тут, а она – там. Да что с ней такое? Что за наваждение заставило ее сразу же начать искать его? Не бабушку с дедушкой, не двоюродного брата Ивана, а именно его. Как будто и не было этих двадцати лет, как будто она – девочка-студентка, и расстались недавно, и еще не остыло в груди это глупое полудетское чувство.

Здрасьте.

Она вздрогнула и подняла голову.

Антон неловко улыбался и ерошил обеими руками и без того всклокоченную шевелюру.

В горле мгновенно пересохло.

- Привет. А я тут... вот...
- Угу, кивнул он. Я понял.

Наступило молчание. Алиса встала и смотрела на него во все глаза. Совсем юный. Худой такой, нелепый – подросток, да и только. Черная футболка с надписью «Ария», плетеные кожаные браслеты на запястье, не знакомая с расческой вздыбленная грива. Сколько ему на вид – восемнадцать?

Ну, пошли, – Антон усмехнулся, состроил дурашливую рожицу. – Ты тут, и я тут. Чего теперь стесняться. Пошли.

Протянув руку, он крепко сжал ее запястье и повел с ипподрома. Она послушно зашагала за ним, поминутно спотыкаясь и мучительно раздумывая, что же сказать. В голове продолжало крутиться одно и то же: «Какой молодой... Какой молодой...» Совсем пацан, как в далекие счастливые годы, и одет так же, как одевался на первом курсе, и даже прическа та самая. Только вот татуировка на запястье... тогда ее не было. Говорили, что тату он сделал после смерти первой жены.

Оставив ипподром позади, они начали подниматься по уже знакомой Алисе лестнице.

- Там наверху площадка есть, сказал Антон. Можно посидеть, поболтать. Как в старые добрые.
- Ага, Алиса нервно хихикнула. Видела. В старые добрые мы на таких площадках пиво пили...
 - С пивом тут напряженка.

Наверху он остановился, отпустил ее руку и внимательно посмотрел ей в глаза.

Она молча встретила его взгляд, чувствуя, как нарастает в душе холодная злая тоска. Зачем она его искала, зачем нашла? К чему все это? У него же семья была, дети... Кто она ему теперь?

– Привет, – прошептал он и внезапно привлек ее к себе. Обнял крепко, неистово, стиснул в объятиях, словно желая раздавить. – Привет, – и прижался губами к ее сухим потрескавшимся губам.

И тогда вдруг отступило все: и страх, и тоска, и постоянное чувство потери – все то темное, что тисками сжимало сердце с самой первой минуты в этом унылом осеннем городе.

А взамен пришли тепло и радость – вот же, вот, все было не зря, они встретились. Теперь она не одна. Теперь все хорошо.

И она засмеялась, забормотала сбивчиво, пытаясь между поцелуями ответить ему:

- Здравствуй. Здравствуй.

Потом они долго сидели прямо на траве, обнимались, смотрели вниз. Улыбались, смущенно пряча глаза.

– Ну, а девчонки твои?.. – она положила голову ему на плечо и невольно вздохнула. – Какой ты худющий, как на первом курсе. Пацан совсем.

Он хмыкнул.

– На себя посмотри, пигалица в шортиках. Девчонки мои молодцы: Машка в пед поступила, будет училкой, Лизка вышла замуж и укатила в Питер. Но это когда было... сейчас не знаю. Я тут давно, наверное. Сколько, кстати?

ΠΟΡΟΓ-25 77

– Пять лет... – Она задумалась, кусая губы. – А я сначала и не знала даже. Потом кто-то из друзей написал, уже спустя полгода. Плакала весь вечер...

- Плакса. Сама-то как? Муж хоть нормальный?
- Хороший, она покивала. Костик. Он вообще хороший... правда, в последние годы как-то мы не очень с ним ладим... ладили... все ссоры какие-то на пустом месте. И детей у нас нет.

Они помолчали. Антон сорвал травинку, засунул в рот. Улегся на спину, закинув руки за голову.

- Ладно, это все в прошлом.
- Вот именно. Лучше расскажи, как тут вообще? Есть, чем заняться, кроме этих ваших скачек на лошадях? И почему все такие неразговорчивые, злые какие-то? Заметил, тут никто ни на кого не смотрит?!
- Балда ты, протянул он, задумчиво пожевывая травинку. О чем говорить? Прошлое закончилось, будущего еще нет. Все кого-то ждут. Каждый своего, понимаешь? Дождутся, тогда и наговорятся вдоволь. И дальше пойдут... а с посторонними пигалицами в шортиках никому разговаривать неохота.
- Дальше?.. вскинулась она. Подожди, куда дальше? Это еще не финал, что ли?

Он засмеялся.

– Ну ты совсем балда. Какой финал? Это же только временное пристанище. Буфер. Ты разве сама не поняла? Странно, я как очнулся здесь, так сразу все понял. Будто рассказал кто.

Алиса задумалась.

Придя в себя, она быстро сообразила – где она, и что с ней. Отчетливо помнилась залитая дождем дорога, фары встречных машин. И как Костик бухтел и нервничал, все пытаясь доказать ей что-то, а она, словно предчувствуя, твердила одно и то же: «На дорогу смотри. На дорогу смотри. На доро...»

В общем, все было ясно. Но почему-то вместо того, чтобы сесть и как следует обдумать сложившуюся ситуацию, она вдруг встала и пошла искать Антона. Вот ведь. «Надо найти, надо найти», – звучало в голове одно и то же, как будто все остальные мысли выдуло этим вот теплым ветром, метущим по улицам палую сухую листву.

– А ты... – она замолчала и тихо легла рядом. Потом все-таки нашла в себе силы продолжить: – ...не уходишь, потому что девчонок своих ждешь? Или супругу?

Он привстал, опираясь на локоть, посмотрел на нее серьезно, без улыбки.

– Нет, я жду бабу Люсю. Из деревни Синие Липяги, – и усмехнулся в ответ на ее изумленный взгляд. – Балда ты в третий раз.

Девчонки мои еще не скоро закончат. Я надеюсь. Что их ждать? У них свои семьи будут, дети... А с Танюхой мы разошлись, еще до того, как. Тебя я ждал, понятливая моя, тебя.

Сердце колотилось в груди, и она вдруг подумала, как это странно – что у мертвых тоже может стучать сердце. Казалось бы, зачем?

Антон склонился над ней, коснулся ладонью ее щеки.

- Ждал, ждал и думал не дождусь. По-хорошему-то, ведь еще лет тридцать. А тут такая тоска, осень все время, лестницы эти спуски, подъемы. Кроме ипподрома, и занятий нет. Но вот повезло, дождался. Так что, как будешь готова отправляться только свистни. Я-то давно готов.
- Отправляться? Она вдруг почему-то заволновалась, затараторила сбивчиво: А куда? А вместе? Ты уверен, что вместе? А не страшно?

Он покрутил головой, улыбнулся ободряюще.

- Не страшно. Тут такой колодец есть в центре города. Недалеко. Если заглянуть темно. Но в глубине огонек какой-то, свет. Вот в этот колодец и надо прыгать. Прыгнем вместе, а дальше будь что будет.
- Огонек, она вздохнула, посмотрела в затянутое тучами небо. А вот люди, пережившие клиническую смерть, говорят про какой-то черный туннель и свет в конце... может, это оно и есть? Небо вдруг начало светлеть, выцветать на глазах, превращаясь в белое полотно. Может, если прыгнем, огонек этот твой превратится в ослепительный свет и... да что происходит?!

Земля под ней ощутимо качнулась. Небо спустилось, надвинулось потолком, почти вжимая их в траву, и последнее, что она увидела перед тем, как провалиться в черноту, было его лицо с широко открытыми глазами. И в них – разочарование.

...Когда она пришла в себя, то снова увидела потолок. И свет. Да, ослепительный. Белый свет ламп и какие-то чужие расплывчатые лица – сначала одно, потом второе.

И ей даже не нужно было вслушиваться в эти «пришла в себя», «вы меня слышите?», «отвечайте на вопрос», чтобы все понять. Тогда она закричала, отчаянно, как раненое животное, заревела по-бабьи, чувствуя, как трескаются губы, как болезненно шипит в пересохшем горле хриплый голос:

- Пустите меня! Пустите! Я хочу назад!

Потянулись дни – один за другим, блеклые, потерянные. Полные боли в заживающих ранах и кожного зуда под гипсом. Каждый вечер приходил Костик, похудевший, поникший. Смотрел виновато, гладил по руке, рассказывал про погоду на улице.

С каждым днем образ Антона тускнел и выцветал в ее памяти. Она начала задумываться: да не приснилось ли ей это? На третий день уже казалось – ерунда, глупость. Мальчик в футболке с «Арией»? Она видела фотографии Антона в аккаунтах его друзей – брутальный бородатый мужчина в очках и с пузом. Того мальчика с плетеными фенечками давно уже не было.

Однажды Костик пришел с букетом цветов. Войдя в палату, сразу ринулся к ней, схватил за руку. Даже не упомянув погоду, начал быстро говорить о каких-то знаках и мистических свойствах судьбы.

- Подожди, тебе что, не сказали?
- Что?
- Про беременность. Ох... ну как же? Ты беременна, Алиса. Вот так. Вот как бывает, все не случайно, дождались, свершилось...

Костик продолжал вещать, а она отодвинулась и замолчала, пристально глядя в стену.

Ребенок. В таком возрасте. Хватит ли сил? Это же надо сейчас... надо же скорее выздоравливать, собираться в кучу... И где-то позади всех этих вопросов мелькнуло: не дождется. Антон не дождется ее, ведь ребенка она не скоро сможет оставить. Но мысль эта отчего-то не показалась ей страшной.

- «А если не нужно, значит, и не нужно...»
- Прощай, прошептала Алиса одними губами.
- И, закрыв глаза, отчетливо увидела, как падает в темноту колодца гибкая мальчишеская фигурка.

поэзия

Николай Проценко РИТМЫ

СНЕЖИНКА пентон-2

_ + _ _ _ /_ + _ _ _

Стремлюсь к тебе, улетающей От слов моего признания, Не греющейся, не тающей В тепле моего дыхания.

Овей меня своим холодом – И вместе с тобой застыну я. Покроюсь я льдом, как пологом – И стану я твоим инеем.

ТРИ СТАРУШКИ пентон-2

-+--/-+**(-)**

Мне встретились три старушки: Все три – почти без морщин... А я глаза закрываю – Трех девушек вижу я.

Одна любила пирушки – И спал я тогда один. И с ней ходила вторая – И тоже любовь моя.

Он**и** были – две подр**у**жки. А тр**е**тья же, без прич**и**н, Внуш**а**ла мне, повтор**я**я, Что **э**та и та – зме**я**.

«Приманит она, дурнушка, Ну, разве что дурачин», – Смеялись та и другая, К ней ненависть не тая...

С мужьями все три старушки, И все – почти без морщин. А я – глаза закрываю: Трех девушек вижу я...

* * *

НЕВИДИМКИ пентон-3

--+--/-- + **(**--**)**

Мне слова уже стали тесные – И я сбросил оковы слов: Сочинил тебе бессловесные Я стихи мои без оков.

Рифмовал я свои молчания Невидимками на листы. Но беззвучного их звучания Не услышала сердцем ты.

ЧЕРНООКАЯ пентон-4 ---+ (--)

В любви клянешься ты, черноокая. Но ведь любили тебя красивые, Но ведь любили тебя высокие, Похабно-пошлые, похотливые!..

Ты зацелована и заласкана, Ты вся захватана и задергана. Ты вся помятая... Ты затаскана... А ведь была ты когда-то гордая!

Тогда напрасно я ждал свидания... Того что было, не оживить, И запоздали твои признания – Ты опоздала меня любить.

ХОЛОД ПОЦЕЛУЯ логаэд-1

+ - - + - + (-)

Рядом со мной стоишь ты. Ласковый ветерок Вьется у шелковистых Нежно-морковных щёк.

Нищенствуя, молю я Милостыню твою: С холодом поцелуя Мертвую воду пью.

МОЖЕТ БЫТЬ логаэд-3 --+-+(-)

Пропуст**и**л я с тоб**о**й свид**а**нье, Потом**у** что реш**и**л: зач**е**м? Никак**о**го во мн**е** жел**а**нья – Я сег**о**дня дов**о**лен вс**е**м.

Сквозь окн**о** я общ**а**юсь взгл**я**дом С галакт**и**ческой пустот**о**й. И жен**а** моя в к**у**хне, р**я**дом, Тихо тр**у**дится над плит**о**й.

В сердце нет ни искринки жара; И, как Космос, душа пуста. Может быть, я сегодня старый; Или, может быть, ты – не та.

РЕАЛ-НЕРЕАЛ

Анна Проценко ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА

Рассказоподобное эссе на заданную тему

Маша и Даша совершенно разные. Маша к матримониальному вопросу относилась безразлично, хотя уже девушка на выданье. Даша же проблемой замужества была очень обеспокоена.

Однако она не просто хотела выйти замуж. Она хотела выйти замуж за настоящего мужчину.

А кто такой настоящий мужчина?

Чтобы не ошибиться и не попасть впросак, Даша тщательно изучила все материалы, относящиеся к семантическому дифференциалу как инструменту анализа гендерных стереотипов, а правую колонку приложения номер два из практикума по гендерной психологии даже выучила наизусть.

– Послушай, Маша, – сказала она подруге, – вот каким должен быть настоящий мужчина. Располагающим. Красивым. Обаятельным. Увлекающим. Вызывающим доверие...

Маша зевнула.

Но Даша продолжала:

Умным. Доброжелательным. Искренним. Уверенным. Смелым. Свободным. Сильной личностью. Имеющим собственное мнение...

Маша опять зевнула.

А Даша опять продолжила:

Активным...Сочувственным. Корректным. Хорошо зарабатывающим. Надежным...

Маша сладко захрапела.

Но Даша ее растолкала:

- Сегодня бал в спортклубе. Будут боксеры, борцы, штангисты, культуристы... Я взяла два пригласительных: для себя и для тебя.
 - Ладно, согласилась Маша, чтобы не обижать подругу.
 И девушки отправились на бал.

Какой мужчина!!! – восхищенно прошептала Даша на ухо Маше, показывая взглядом на рослого и плечистого красавца.
 Подойду к нему.

А Маше стало жалко маленького и щупленького, который сидел в углу на стуле и никому ничем не хвастал. Да и хвастать-то было нечем.

- «Какой же он спортсмен?! подумала Маша. Наверно, шахматист».
- Вы читали произведения Рабиндраната Тагора? спросила Маша первое, что пришло ей на ум.
- Читал, ответил маленький и щупленький, возможно, шахматист. И так увлекательно и со знанием дела стал говорить о литературе, что Маша уверенно сказала:
 - Вы писатель!
- Нет, я не писатель, ответил маленький и щупленький и так увлекательно и со знанием дела стал говорить о живописи, что Маша уверенно сказала:
 - Вы художник!
- Нет, я не художник, ответил маленький и щупленький и так увлекательно и со знанием дела стал говорить об архитектуре, что Маша уверенно сказала:
 - Вы архитектор!
 - Нет, я не архитектор, ответил маленький и щупленький.

Но тут Маша изловчилась и, не дав маленькому и щупленькому продолжить говорить, спросила напрямик, в лоб:

- Так кто же вы?
- Я безработный... опустив глаза, ответил маленький и щупленький.

И Маше так стало его жалко, что она – неожиданно даже для самой себя – вдруг сказала:

- Давайте я выйду за вас замуж, и пока вы не устроитесь на работу, мы проживем и на мою скромную зарплату.
- Я принимаю ваше предложение, ответил маленький и щупленький. – И прошу вашей руки.
- Да согласна я, согласна! Но вот только до сих пор не знаю, как вас зовут.
- Брахмапутробуддокришновайшешик, ответил маленький и щупленький.

Как только присутствующие на балу услышали это имя – что там началось!

Все посбегались с возгласами:

- Принц! Принц! Здравствуйте, ваше высочество! Да как же мы сразу не узнали вас по портретам в газетах! Ах, принц! Ах, принц!
- А чего ж ты врал, будто безработный?! перейдя на ты, топнула ногой Маша.
- Не врал я, ответил принц. Я действительно безработный. Безработный принц. А вот после того, как папа отдаст мне

корону... он обещал сделать это завтра... тогда у меня появится работа: я стану работать королем. Аты будешь королевой, – принц тоже перешел на ты. – Я здесь инкогнито. Но теперь раскрыт. И потому нам надо уходить.

Принц взял Машу за руку, и они вышли на крыльцо. Перед спортклубом их уже ждал инкрустированный бриллиантами королевский лимузин.

Садясь в лимузин, Маша успела шепнуть на ушко Даше, которая вышла ее проводить:

– Ты будешь моей фрейлиной.

И Даша едва заметно кивнула в знак согласия...

Так в королевстве началось кумовство.

НЕРЕАЛ

Людмила Рогочая ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

Будь нос Клеопатры чуть покороче, весь лик земли изменился бы. Блез Паскаль

1

Кажется, проснулась... А глаза открывать не хочется... Сегодня воскресенье, и можно еще немного поваляться в постели.

Вчера у меня был насыщенный день. С утра прочитала три пары лекций, потом состоялось заседание кафедры по студенческой практике. К счастью, сия чаша меня миновала – на практику не еду. И так три лета подряд провела со студентами на раскопках, можно сказать, в вечной мерзлоте. Пусть другие повозятся с этими недотепами. Хотя интересно, конечно, было. В связи с потеплением климата граница вечной мерзлоты отступает, и открывается взору чудо чудное, диво дивное. Там работы хватает всем: и нам, и естественникам.

Потом мы пошли с молодыми преподавателями развеяться в кафе-мороженое. Ребята травили анекдоты. Наржались, даже челюсть заболела. Позже позвонила Ирка и пригласила на мероприятие.

Потянулась, повращала стопы вправо-влево, типа, сделала зарядку. Отлично выспалась!

Открыла глаза и оцепенела.

Что это? Не мой потолок! Не мои обои! К тому же, все вокруг какое-то величественное, сказочное....

А постельное белье! Китайский шелк, батист, кружева ручной работы! Дорогущее все, наверное! И в этом во всем я лежу – точно «прынцесса заморская».

Я не дома?!

Сердце в груди лихорадочно застучало. Где я? Что со мной? Голова в порядке, а ничего не помню.

Неожиданно в комнату вошла девушка, очень миленькая, строго одетая, с белым воротничком и такими же манжетами.

- «А талия! ахнула я про себя. Пальцами обхватить можно».
- Доброе утро, ваша светлость! поклонилась она.
- «Ваша светлость»? фыркнула я, передразнивая девчонку.
- Федор Дмитриевич изволили уехать рано утром, по приглашению светлейшего князя Григория Александровича Потемкина,

и просили вас не беспокоиться. Вернутся не скоро. Чего изволите приказать? – опять присела она.

Черты лица вроде знакомые.

- Ирина, ты, что ль? Ну, маскарад... И эти шутки...
- Что с вами, Мария Юрьевна? Вы никогда меня по святцам не называли. Орина я, Орина, ваша горничная. Наверное, дурной сон приснился?
- Л-ладно, иди, я п-позову, когда надо б-будет, в смятении пробормотала я.

Горничная ушла, а на меня напал озноб, да что там озноб – трясучка!

Необъяснимо... Страшно... Все тело покрылось липким потом. Сердце выскакивало из груди. Если это и шутка, то жутковатенькая.

Но молотком стучало в голову:

«Нет! Не шутка! Нет!»

Мысли, словно в «пляске Святого Витта»:

«Кто я? Не Маша Анашкина разве? Почему «ваша светлость»? При чем тут Потемкин? И эта... Орина? И муж у меня Алексей, а не Федор! Ну и мутотня...»

Разум отказывался понимать. Жуть!

Ногти до крови впились в кожу.

Господи, как я здесь оказалась?! Прямо как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»...

Прошептала себе:

 – Машка, успокойся... Давай, вспоминай события минувшей субботы. Пошагово.

Потерла виски, вызывая недавние картинки.

Мы сидим с коллегами в кафе, звонит моя подруга Ирка Петрова и приглашает на выставку портретов известных людей восемнадцатого – девятнадцатого веков кисти именитых художников. Говорит, что также будет дефиле актеров в старинных нарядах, а после вечеринка для богемы.

Мы, конечно, к ней не принадлежим, но, так сказать, постоянно присутствуем на мероприятиях оной в качестве ротозеев.

Я согласилась – со студенческих лет эстетствую вместе с Иркой и стараюсь не пропускать интересные «тусовки». «Что ж, – думаю, – почему не сходить? Муж в командировке, сын у матери, завтра воскресенье...»

Ах, чудо как хороши дамы и кавалеры прошлых веков! Пышные, изысканные наряды и прически, и никакой тебе пошлости. Приятно окунуться в эпоху Романовых.

Я больше люблю восемнадцатый век и знаю о нем достаточно много. Да у меня кандидатская диссертация по иностранной коллегии времен канцлера Бестужева!

Осмотрев полотна в зале, я иду по анфиладе комнат, на стенах развешаны портреты придворных. Ирка догоняет меня и, дернув за рукав, восклицает: «Машка, посмотри, вылитая ты!» – указывая на портрет молодой дамы, изображенной на золотистом фоне.

 Ага, вылитая, – иронично смеюсь я в ответ, – особенно прическа.

Хотя, присмотревшись внимательнее к портрету, соглашаюсь с ней: есть что-то общее.

- Да копия ты! Надеть на тебя такое платье, поднять волосы, затянуть в корсет – и не отличить!
- Уж скажешь тоже, смущаюсь я и вслух читаю под полотном:
 Жан Луи Вуаль. Портрет княгини Марии Юрьевны Голицыной.
 - Вот, и зовут ее, как тебя, Мария.
- Тезка, хмыкаю я, только я не княгиня, а рядовой преп с рабоче-крестьянской фамилией Анашкина.
- Ладно, Анашкина, заспешила Ирка, пойдем на маскарад посмотрим! Я слышала, что Миронова будет представлять Екатерину Великую.

Она пошла, а меня будто остановило что-то. Я захотела прикоснуться к изображению, хотя бы дотронуться пальцем. Сделала движение – и не почувствовала поверхности картины, только, может, легкий засасывающий холодок.

Все, больше ничего не помню! Ничегошеньки!

Я по природе своей авантюристка, вечно во всякие истории попадаю, даже вляпываюсь, и уже к этому привыкла. Но чтобы такое... Конечно, не совсем мозги растеряла и постараюсь воспринять все как очередное «приключение». Хотя, разумеется, трудненько это сделать.

Сосчитала до десяти, успокоилась немного, собралась.

Теперь надо сконцентрироваться на данных, то есть собрать все в кучку.

Что я имею? Перемещение в восемнадцатый век. Не знаю как, с какой целью, на сколько, но я здесь. Ущипнула себя в очередной раз для пущей убедительности.

Подосадовала вслух:

- Ну, ты, Машка, попала в историю!

Поняла двусмысленность фразы, нервно хихикнула.

Поскольку горничная меня узнала, я, вероятнее всего, нахожусь в теле своей прародительницы или действительно похожа на нее. Странно, никогда не думала, что в моих жилах течет аристократическая кровь. Но приняла это за данность. Да и не суть важно. Нет раздвоения личности, и ладно. Главное – определить,

где я нахожусь и хотя бы год моего появления в историческом времени.

Это тот самый дворец, который я посещала накануне. Я его узнала по лепнине на потолках и форме подоконников. Еще тогда подумала, что прежде таких округлых подоконников не видела.

Мои первые действия: установить дату появления в этом времени и восстановить в памяти точный ход исторических событий, как в университетском учебнике.

Спросить у Орины? Нельзя. Может заподозрить у меня психическое расстройство – она и так удивилась, что я назвала ее Иркой и сказала про маскарад.

Впрочем, когда я прогуливалась по анфиладе, в память вцепилась табличка: «Библиотека». Надо ее найти. Должен же быть в библиотеке какой-нибудь календарь или что-то другое, говорящее о дате?

Успокоившись и переведя «эмоцио» в «рацио», я позвала горничную и отдалась в ее руки. Она ничего не заподозрила и принялась за работу.

Через час, умытая, одетая, причесанная, я посмотрела в зеркало. И впрямь – вчерашняя дама!

Библиотеку я нашла быстро. Стены зала, уставленного шкафами с книгами, были увешаны картами и копиями с известных и в наши дни портретов. Я узнала Ломоносова, Тредьяковского, Кантемира, Сумарокова и Фонвизина. Значит, хозяйка – дама образованная.

Посередине библиотеки стоял длинный стол с рядом высоких стульев. За столом сидел очень приятный молодой человек, скромно одетый, с гладко зачесанными длинными волосами.

Увидев меня, он вскочил и вычурно поклонился. Я улыбнулась – до того смешно он задвигался, как в мультике какой-нибудь дон Педро.

В ответ мальчишка расцвел улыбкой и с обожанием уставился на меня. Кто он? Как мне себя с ним вести?

Однако он облегчил мои умственные потуги:

– Вы пришли почту посмотреть, ваша светлость? – он снова умильно улыбнулся и положил передо мной стопку писем.

Я удовлетворенно вздохнула: секретарь! Все сановные дамы того времени имели личных секретарей, которые занимались подбором литературы, перепиской, прочей канцелярией и, как правило, были влюблены в своих хозяек.

Я нарочито небрежно просмотрела письма, обращая внимание только на даты: 27–28 мая 1791 года. А это значит, окончена русско-турецкая война, Россия накануне подписания Ясского

мира и смерти великого человека – князя Григория Потемкина. По крайней мере, для меня великого.

Одно из писем заинтересовало. Некая Лиза Воронцова спрашивала, буду ли я в театре на постановке пьесы Мольера. Судя по дате – спектакль сегодня.

Значит, я могу увидеть императрицу Екатерину Вторую и Григория Потемкина – главных героев эпохи! Я забыла обо всем на свете. Для историка – это что-то! Непременно поеду!

2

О роли Екатерины Второй в русской истории можно не распространяться. Это общеизвестно. Но и Потемкин, насколько я знаю, сделал для нашей державы очень много.

Он весьма реалистично оценивал возможности и перспективы Юга России, надеялся его заселить и обустроить, обеспечить безопасность южных границ. Да, Потемкин сделал на Юге ничуть не меньше, чем Петр Первый на Севере!

Как я читала, императрица, узнав о его смерти, долго плакала, запершись у себя в кабинете, а потом, выйдя к людям, печально произнесла:

– Мне некем заменить светлейшего князя Григория Потемкина, он имел необыкновенный ум, нрав горячий, сердце доброе; он благодетельствовал даже врагам своим; его нельзя было купить... человек гениальный...

А сама заменяла... Пусть только в постели, но заменяла.

Непременно посмотрю и на последнего фаворита – Платона Зубова, который чуть не завалил великие преобразования государыни. Так и назван в истории период его господства уничижительно – «зубовщина». Да и по воспоминаниям некоторых современников, к смерти Потемкина он мог руку приложить. Завидовал ему и ревновал к царице, как говорили придворные, чрезвычайно.

Вот-вот должны начаться переговоры о мире. Потемкин будет поставлен перед необходимостью немедленно выехать в армию, дабы окончательно закрыть все вопросы по русско-турецкой войне. И никогда не вернется...

Вечером я, надушенная и напомаженная, в откровенном декольте, появилась в партере императорского театра. Зная службу моего мужа, никто не упрекнул меня в отсутствии кавалера. Все приветливо здоровались, спрашивали о чем-то незначащем... И что удивительно, я их узнавала. По-видимому, сознание прародительницы начало пробиваться сквозь мое энергетическое поле. Странные были ощущения... Я вроде – и не я.

Так, я сразу узнала мою подругу Лизу Воронцову. Мы обнялись с ней и расцеловались. Смеясь и болтая до самого начала спектакля, мы не забывали обсуждать появляющихся в зале зрителей и их наряды. Хорошая девчонка эта Лиза! Хоть и сестра скандальной пассии императора Петра Третьего. Кажется, сознание моей прародительницы начало преобладать?! Надо принимать меры, дабы не раствориться в нем. Я вызвала в памяти события из моей действительной жизни. Уф, кажется, притихла княгиня.

С первым звонком в царскую ложу вошла она – Екатерина Великая!

Это была пожилая дама на седьмом десятке лет, но по-прежнему величественная и прекрасная. Ее сопровождал молодой человек лет двадцати пяти, мускулистый, богато и изысканно одетый, однако с лицом холодным и надутым. Он едва удостаивал окружающих беглым взглядом рыбьих глаз. Это был последний фаворит императрицы – Платон Зубов!

Они обменивались какими-то фразами, улыбались друг другу, а я думала о том, что трудно себе представить более нелепую пару. Ну, разве что Пугачева и Галкин...

Ф-фу, неприятная личность этот Зубов! Как бы его вывести на чистую воду, открыть глаза на него государыне, а главное – спасти Потемкина?

В антракте, прогуливаясь по фойе с Лизой, я заметила фаворита. Он о чем-то шептался с английским посланником. А потом то ли пожал ему руку, то ли передал какую-то бумагу. Да, скорее, последнее. Я была шокирована!

Всю дорогу домой, сидя в карете, я размышляла об этом эпизоде: Англия поддерживала в последней войне Турцию. Отношения у России с ней более чем прохладные; скорее, враждебные. Дипломатия «сквозь зубы»! И что может быть общего с врагом у преданного сына Отечества? Тут дело уже не в отравлении Потемкина – тут пахнет предательством. Кажется, я сделала открытие. В таком ракурсе личность Зубова в исторической науке еще не рассматривали. Думали, он глупее....

Но что я могу сделать, беспомощная женщина, да еще и не в своем времени? Кто мне поверит? Были бы доказательства... бумаги...

У меня мелькнула дерзкая мысль... Авантюра, конечно. Есть банальный сюжет, нужно только найти для него д'Артаньяна!

Стой, Машка, стой, кажется, есть неплохая идея!

Личный секретарь наверняка в меня влюблен. Как он смотрел! Аки на ангела небесного, чуть сознание не терял. Надо все продумать и поговорить с парнем. Может быть, он и подойдет на роль мушкетера. А что? Стоит попробовать.

Разговор состоялся! Кронид Владимирович Загорский, таково имя секретаря, горячо откликнулся на мою просьбу.

Как бы мне не пришлось играть роль Констанции Бонасье! Он, по всему видно, мечтал о подобном развитии сюжета. Но я акцентировала его внимание на возможности послужить Отечеству, что тоже было принято с огромным воодушевлением.

- Не сомневайтесь, добрейшая Мария Юрьевна! Сделаю все как надо!
 - Но как?
 - У меня друзья гренадеры. Помогут!
- Надеюсь на тебя и твою скромность. Не посвящай их в тонкости.
- Само собой разумеется, серьезно посмотрел на меня «рыцарь» и грустно добавил: Знаете, Мария Юрьевна, я с детства мечтал о военной карьере. Но не получилось: отец разорился, и даже на мундир денег не стало, пришлось так, в качестве секретаря, добывать хлеб насущный.

«Надо будет помочь парню», – подумала я, а вслух ободрила его:

- Я замолвлю за тебя словечко перед государыней, ей нужны преданные люди. Только как вы достанете доказательства? Ведь дипломатическая почта надежно охраняется!
- Любезная Мария Юрьевна, шпионские документы, доносы не отправляют с дипломатической почтой! На это есть фельдъегери. Тайные гонцы. А их обычно только двое-трое. Положитесь на меня и ни о чем не думайте.

Как же, «не думайте», я только об этом и думала...

Его не было два дня. За это время я вся извелась...

Наконец горничная доложила, что Кронид Владимирович ждет меня в библиотеке.

Выглядел секретарь устало, но, как всегда, аккуратно. Поклонившись, он протянул мне бумагу, свернутую вчетверо:

– Полагаю, это то, что вам нужно.

Я развернула листок. Да, это было письмо Зубова. Вот подпись!

Я внимательно прочитала его. В глаза бросилась фраза: «Надеюсь, к обоюдному удовлетворению, скоро услышим о смерти нашего врага».

Глупец! Англичане его использовали, сыграли на его ревности. Как же, «к обоюдному удовлетворению». Скорее, к англо-саксонскому удовольствию.

Далее шел отчет о действиях. Вот: «Подкуплена прислуга – 100 фунтов, снадобье – 7 фунтов» – и так далее.

– Ну, держись, Зубов! – прошептала я, пряча письмо.

- Оно?

Я кивнула и с любопытством посмотрела на секретаря, вчера еще такого заурядного, а сегодня человека, успешно справившегося с достаточно трудной задачей. Можно сказать, героя России.

– И как же тебе это удалось, драгоценный Кронид Владимирович?

Он счастливо улыбнулся в ответ на мое обращение и поведал следующее:

– Очень просто. Денщик моего друга проследил время убытия гонцов из Санкт-Петербурга и сообщил нам. Мы втроем с друзьями отправились вслед за ними. Догнали фельдъегерей в тот же вечер на почтовой станции. Они ужинали в буфете на постоялом дворе. Мы тоже попросили вина и закусок и начали думать, как овладеть письмом. Устроить драку? Так народу много: женщина с детьми, какой-то чиновник, купцы. И тут товарищ хитрый ход предложил.

По его замыслу, мы должны были немного посидеть за столом, не обращая на англичан внимания, а потом притвориться пьяными и постараться напоить их. Ну, а потом – как пойдет дело. С пьяными-то справиться легче!

Так и сделали. Стали громко разговаривать заплетающимися языками, выкрикивать разные фразы, к ним приставать, чтобы с нами выпили. Те долго отказывались, гнали нас. А мой товарищ тут и говорит:

Выпьем за здоровье ея величества нашей государыни Катерины Алексеевны!

Егеря отнекиваются:

– Hoy, ноу!

А товарищ как взревет:

– Не хотите за здоровье матушки государыни нашей пить?! – и выхватил саблю.

Им скандал, знамо дело, ни к чему. Выпили с нами раз, другой, третий. Уже, смотрим, залопотали вроде по-русски. Полезли лобызаться. Мы только делали вид, что пьем, а они набрались до такой степени, что потом пришлось сопровождать их, при молчаливом согласии хозяина, в комнату, на покой. Некрепкие на питие оказались неруси.

Тщательно обыскали их, и у одного под мундиром нашли пакет, запечатанный сургучом. Я пакет вскрыл, подменил бумагу письмом, составленным накануне. Так, о погоде, в основном, – он устало улыбнулся, – затем размягчил на свече сургуч и снова запечатал пакет. Думаю, подмены не заметят. Ночевать мы не остались, тут же пустились в обратный путь. Вот и все! – выдохнулюный герой.

Мне хотелось обнять его и расцеловать, но кто знает, что он подумает. Иное время – иные нравы! Я протянула ему для поцелуя руку, и когда он нагнулся, нежно погладила по голове:

 – Благодарю тебя, любезнейший Кронид Владимирович. Ты сделал большое и нужное для Отечества дело.

Секретарь растаял и готов был в любовном порыве пасть на колени, но я перевела разговор в деловое русло:

- Как имена твоих друзей, Кронид? Не хочешь назвать?
- Нет. Они не хотят. У них на этого Зубова свой зуб, усмехнулся он.
 - Ну, пусть будет так.

^ ^ ^

Вскоре я получила аудиенцию у императрицы.

Она встретила меня приветливо, попеняла за то, что редко бываю на балах и приемах. Потом сказала:

– Ты ведь неспроста напросилась на эту встречу. Что-нибудь случилось? У тебя ко мне просьба?

Я отрицательно качнула головой и протянула ей письмо.

Правительница пробежала его глазами, задержала свое внимание на подписи, потом прочитала еще раз, медленней. Рука с письмом затряслась. Лицо побледнело. Серые глаза опасно потемнели, губы тонко сжались...

Мне стало страшно.

– На дыбу! Всех! И этого подлеца, и прислугу! – гневно воскликнула она, грозно сверкнув очами.

Несколько мгновений мы молчали, она, пытаясь успокоиться, я просто ждала момента, когда можно будет откланяться. Екатерина взяла себя в руки и уже более спокойным тоном спросила:

- И как же это письмо попало к тебе?

Я рассказала все, что знала, что видела. Она одобрительно кивнула:

- Чем тебя наградить в благодарность за полезное для государства Российского дело? Проси, что хочешь...
- Мне ничего не надо, но юноша, который добыл доказательства, преданный сын Отечества, из достойной, но небогатой дворянской семьи, желает поступить на службу в гренадеры.
 - Как его зовут?
 - Кронид Владимирович Загорский.
- Хорошо, пусть завтра ко мне явится, скажет, что от тебя.
 А теперь иди. Мне надо остаться одной.

Я сообщила секретарю приятное известие, удовлетворилась содеянным и заскучала. К тому же истинная Мария Юрьевна начала опять напористо пробиваться чрез мое сознание, пода-

влять его. Особенно во сне мерещатся какие-то люди, лопочущие по-французски, белошвейки. И такая тоска навалилась. Да и дела дома ждут. Сына от мамы надо забрать, холодильник пустой. Муж, наверное, уже приехал из командировки, а в доме еды – шаром покати... Студенты, опять же. Ну, фиг с ними, со студентами. А вдруг время здесь и там по-разному течет?

Эта неожиданная мысль подняла дыбом волосы на голове. Сердце застучало в два раза чаще... Господи! Может быть, прошли годы, десятилетия.... А что если там уже нет и моего тела? Ужас какой! Надо выбираться! Немедленно! Но как, если я не знаю, как попала сюда? Не при помощи же машины времени? Хотя где ее взять, машину времени? Да, может быть, и не я переместилась, а только мое сознание?

Последним действием в моем мире, помню...

Подспудно мелькнула мысль:

«Картина! Острое желание дотронуться до картины!»

А вдруг это, как в фантастических романах, портал в другой, параллельный мир! Попытка не пытка, попробую проверить!

Пошла, нет, побежала по анфиладе комнат. Может быть, там эта картина и висит? Где, где она? Вроде тут должна была. А вдруг она еще не написана художником?

Вот она!

Портрет Марии Голицыной, только блещущий свежими красками, был на том самом месте, где я его увидела впервые. Протянула руку...

3

Кажется, проснулась... А глаза открывать не хочется... Сегодня воскресенье, и можно еще немного поваляться в постели.

Потянулась, повращала стопы вправо-влево, типа, сделала зарядку. Отлично выспалась!

Странный сон приснился. Будто я оказалась в России восемнадцатого века, будто я знатная дама – княгиня Мария Юрьевна Голицына. И встречалась с самой Екатериной Великой! Даже успела раскрыть чуть ли не государственный заговор.

Удовлетворенно усмехнулась: по профилю сон... Такие сны и должны сниться настоящим историкам.

Услышав шаги, открыла глаза. В спальню заглянул муж:

- Машенька, я только приехал и убываю опять император требует. А ты спи, отдыхай.
- Это ты так Мазявкина называешь? Остроумно! хихикнула я вслед ему, представив начальника моего супруга неказистого мужичонку с красным носом и пивным животом на императорском троне.

Спать уже не хотелось, но и вставать тоже. Полежу еще чутьчуть. Нажала на пульт телевизора – послушать новости.

Передавали прогноз погоды в стране на сегодня, двадцать девятое мая.

Синоптик водил рукой по карте и монотонно вещал:

– На всем побережье Черного моря комфортная, безветренная погода. В Царьграде тепло, плюс двадцать восемь. В Придунайских губерниях плюс двадцать четыре – двадцать пять, осадки и подтопления из-за схода снежных лавин в Альпах. В Париже плюс двадцать, в Берлине, Варшаве и Москве плюс двадцать – двадцать два...

A?! Значит, это был не сон?! А может быть, я до сих пор сплю? Ущипнула себя – больно...

Шок!

Это сделала я?!

Неужели такое незначительное событие, как изъятие письма Зубова, повлияло на ход истории?

Да я, кажется, раскрыла суть диалектической связи в мире!

Сергей Мякин ПРОЗРЕНИЕ

Александр Петрович проснулся с чувством смутной тревоги. Вроде все было как всегда – его ждали черная «Тойота», уютное кресло в офисе, приятное ощущение превосходства над зависящими от него подчиненными и просителями, секретарша Светочка с длинными ногами, большими упругими грудями и пухлыми сладострастными губами, сытный обед, привычные бумаги, важно подписываемые витиеватым величавым росчерком, совещание о планах строительства нового объекта и, наконец, ужин с парой рюмок коньяка под футбол и новости с огромного плазменного экрана, – но беспокойство вгрызалось в сознание вместе с обрывками посторонних мыслей.

«Как спать хочется... Еще поваляюсь немного, хоть две минутки... Доделать шпаргалку по физике... Что надеть – пальто или куртку?.. И проездной не забыть».

«Что за черт? – мысленно проворчал Александр Петрович, поднимаясь с постели. – Откуда это – из-за стены, что ли?»

В подтверждение этой догадки чужие мысли исчезли, стоило ему пройти на кухню и отвлечься на новости. Но тревога продолжала нарастать. Уже за завтраком она из безотчетной превратилась во вполне конкретную.

- Ты сегодня задерживаться не будешь? участливо спросила жена.
- Да наверное, придется ненадолго совещание вряд ли к шести закончится, ответил он и услышал громкую мысль в голове: «Отлично. Значит, можно Мишу приглашать, как раз успеем, особенно если потом в магазин поедем», вместе со словами Валентины:
- Жалко. А я хотела вечером с тобой в магазин сходить, пальто новое посмотреть, да и тебе костюм тоже. Давай, может, хоть к семи успеешь к салону подъехать.

Не поверив до конца внутреннему голосу, Александр Петрович произнес: «Хорошо, постараюсь», – и стал собираться на работу. Однако настроение было безнадежно испорчено, и подозрения вместе с мыслями о внезапной проверке верности супруги роились в голове вплоть то того момента, как...

– Милый, ты сегодня какой-то хмурый. Дай тебя немного развеселю, – дождавшись ухода очередного посетителя, Света зашла в кабинет, закрыла дверь изнутри и как обычно уселась ему на колени, вызывая сладкое желание.

Но прикоснувшись к ней, Александр Петрович отчетливо услышал:

«Только бы он мне зарплату прибавил. Еще полгода поработаю здесь, потерплю этого козла, а потом уволюсь и за Пашку замуж выйду».

– Сейчас не хочу, голова болит. Принеси лучше чаю, – пробормотал он, отстраняясь от секретарши.

А потом долго сидел над недопитой кружкой, прислушиваясь то к разуму, то к сердцу.

«Сволочи... или... Откуда эта хрень мне в голову лезет? И в самом деле телепатия? Или просто бред какой-то? Как проверить? Светку никак, да и черт с ней – ну, уйдет, новую секретаршу найду, еще красивее. А вот Валя... приехать домой неожиданно? Нет, не могу, совещание ведь. Частного детектива нанять?»

Так он мучительно размышлял, пока не пришел очередной визитер. Обычный проситель – вчера директор подававшего заявку ОАО звонил: «Можно, завтра к вам наш сотрудник придет уточнить подробности по оформлению документов? Когда удобнее подойти?», и Александр Петрович потирал руки, понимая смысл этих слов.

– Мы бы очень хотели ускорить рассмотрение нашего проекта,
 – с этими словами высокий мужчина в строгом сером костюме протянул конверт.

Александр Петрович уже приготовился с улыбкой привычно принять подношение, но пронзившая голову мысль: «Всё идет по плану – сейчас будем брать», заставила его измениться в лице и гневно произнести:

- Что вы себе позволяете! Я взяток не беру, а вы пойдете под суд за попытку подкупа!
- «Учуял подвох, гад! Ну ничего, немного подождем, пока все показания соберем, и все равно до него доберемся», услышал Александр Петрович мысли посетителя, с досадой на лице покидающего кабинет...

Последующие несколько часов, заполненные лихорадочным уничтожением компрометирующих файлов и бумаг в перерывах между механическими разговорами с секретаршей и посетителями, прошли, словно в тумане.

В шестнадцать пятьдесят пять он на ватных ногах прошел в конференц-зал и уселся в президиуме, перебирая документы и пытаясь сосредоточиться на предмете совещания, но...

«...если Круглов не согласится, его надо валить... Заплатить Борисову три лимона, чтобы отказался от участия в тендере... Заплатить этим чиновникам, чтобы еще два миллиарда на стройку выделили, тогда можно спокойно триста лямов в швейцарский

банк перевести... а потом на Мальдивы... или в круиз по Средиземному морю...»

Голоса, идущие со всех сторон и подобно рою ос жужащие в голове, не давали Александру Петровичу сконцентрироваться на вопросах строительства торгово-развлекательного комплекса. Он сидел, обхватив голову руками, и отчаянно пытался вникнуть в слова очередного докладчика и подготовиться к своему выступлению. Но внезапно пульсирующая мешанина голосов в голове была прервана острой, резкой и тяжелой посторонней мыслью:

«Всё, пора! Угоняю этот грузовик около магазина, еду в центр и давлю как можно больше этих неверных на площади Революции, а потом... да примет меня Аллах!»

Выскочив из зала, Александр Петрович набрал на мобильнике «02», а потом...

Он сидел на берегу реки и смотрел то на поплавок, то на небо, то на осенний лес. Тишину и спокойствие не нарушали никакие посторонние мысли – впрочем, они и в городе уже почти перестали врываться ему в голову. Плавное течение и низкие серые облака уносили прочь тоску и гнетущие воспоминания о прошлом, покидающем его подобно разноцветным листьям, осыпающимся с деревьев и кружащимся в прощальном хороводе. Позади остались предотвращенный теракт и долгая беседа со следователем и еще несколькими строгими людьми в штатском и погонах... эксперименты в спецлаборатории... отгадывание карт и мыслеформ... вопросы... вопросы... ответы...

«Ваша способность уникальна, но, похоже, она стремительно угасает. Такое бывает у некоторых людей в критические моменты, когда мобилизуются скрытые резервы, позволяя избежать беды...

...С учетом совершенного вами подвига и добровольного сотрудничества со следствием вы свободны, но, возможно, ваша помощь нам еще понадобится...»

Увольнение и развод прошли быстро и без сожалений... а впереди была новая жизнь... работа простым редактором... бухгалтер Марина, с которой он познакомился три месяца назад, уже ожидающая от него ребенка... свадьба через две недели... будни... праздники... и простое человеческое счастье.

Юлия Давыдова ЛЕВ И МАТВЕЙ

Дождь был холодным. Вечером накануне стояла летняя жара, но сейчас, ранним утром, пространство города охватила осенняя стынь, улицы заволок туман. По асфальту текла вода. Она, казалось, следовала прямо за пятками, норовя схватить.

Лев Долин бежал по пустынной аллее. Сквозь серую пелену вырастали здания, высокая башня университета, стеклянные пирамиды на крыше кафе. Дороги исчезали вдали. Долин держал ровное дыхание. В прохладном влажном воздухе это было легко. Ритмично звучало сердце, упруго работали мышцы. В безветрии капюшон спортивной кофты не срывало с головы, и Лев бежал, не боясь, что кто-нибудь увидит его лицо. Ожог десятилетней давности, конечно, уже не был так уродлив, операции сделали свое дело, но он всегда помнил, что можно просто накинуть капюшон и не заставлять никого испытывать шок или неловкость.

Аллея выходила на площадь у театра. Большую часть площади занимал фонтан. Лев обычно делал здесь остановку, чтобы порастягивать мышцы, и брал направление к дому. Вот и сейчас он обежал вокруг каменной чаши и остановился напротив крыльца. Сквозь пелену дождя проступила фигура человека в черном плаще, прислонившегося к одной из мраморных колонн.

Долин отвернулся, натянул капюшон пониже, но незнакомец неожиданно окликнул его:

- Не прячься, Лев!

Тот вздрогнул, обернулся. Туман возле человека в черном таял, обнажая серые ступени, будто уходил с дороги перед ним. И теперь стало видно его лицо. Красивое, но странное – принадлежащее то ли женщине, то ли мужчине. Как и фигура – очень высокая, с широкими бедрами и мощными плечами.

Лев собрался было спросить, откуда этот человек знает его имя, но передумал. Может, это просто сосед, с которым он лично не пересекался?

В губах незнакомца незаметно появилась сигарета, и он поднес ладони к ней, будто намереваясь прикурить. Язычок золотого пламени скользнул по пальцам, и Долин вздрогнул. Знакомый страх подразнил сознание, но все же огонь, добытый из воздуха, казался обманом.

- Все еще боишься? спросил незнакомец. А ведь с пожара, уничтожившего твою жизнь, прошло уже десять лет.
 - Мы знакомы? нахмурился Лев.

 Нет. Но я тебя знаю, – улыбка не сходила с лица человека в черном.

Он выдохнул дым в холодный воздух, и тонкие белые полосы причудливо обернулись вокруг него, будто ласкаясь.

- Со слов твоего брата, добавил незнакомец.
- Мой брат умер! Лев шагнул к нему. Кто вы?
- Зови меня Аралим, если имя имеет для тебя значение. Почему ты видишь его?
 - Что?
 - Он снится тебе. В тот самый момент.
 - Хватит, прошептал Лев.
 - Почему?

Вопрос прозвучал так естественно. Действительно, почему? Почему он никогда не забудет, что бросил Матвея в пламени?

Долин уже собрался уйти, но незнакомец вдруг усмехнулся:

- Тебе не хватило всего минуты, чтобы его спасти.
- Да что?.. Лев развернулся на полушаге, стиснул зубы, чтобы не выругаться. Что вам надо?!
- Не казни посланника, произнес тот, кто назвал себя Аралимом. Я лишь передаю тебе, что начинается большая игра. Ты ее участник.
- Ты больной, что ли? не выдержал Лев. Тебе бригаду из дурки вызвать?

Аралим выпустил дым, и белая масса потянулась к земле, потяжелела, легла на мокрый асфальт серым туманом.

– Награда за победу больше всего, что ты можешь себе представить, – произнес он. – Но и проигрыш будет солидным. Твоя ставка – жизнь. Хотя... – обманная улыбка тронула его губы, – разве это цена для тебя? Ты ведь не живешь. Брат и родители погибли в один день. Семейный дом сгорел, любимая женщина ушла, не выдержав твоего уродства. Не только физического. Ведь после смерти родных ты перестал быть собой.

Лев молчал. Слова возмущения угасли. Этот человек говорил о его жизни так, будто видел ее всю.

– А ты древний старик, – Аралим выдыхал дым, и вокруг все больше оседал плотный серый туман, заволакивая площадь и фонтан, и здания вокруг. – Сорок лет, а сердце уже устало и не хочет ничего.

Пелена скрыла город, оставив малое пространство перед ступенями театра, слилась с небом над головой и плыла... безмольная, слепая, влажная. Лишь нескончаемая сигарета незнакомца источала теплое золотое свечение.

 Если выиграешь, получишь право спасти жизнь, – сказал Аралим.

Чью? – прошептал Лев.

Аралим смерил его насмешливым взглядом.

 Выберешь одну из потерянных. И лучше – свою. Это мой тебе совет.

Лев молчал.

Аралим сделал последнюю затяжку, отбросил сигарету. Она исчезла в воздухе, расплескав золотые искры. Искры опали на старую брусчатку.

- Жаль, сказал он. С тобой игра могла быть интересной.
- Подожди... Лев еще боролся со своими чувствами. С недоверием, страхом и надеждой, внезапно охватившей душу. Игра?
 - Да.
 - С кем играть?
- Ты гладиатор на арене, засмеялся Аралим. Противника увидишь, когда вступишь в игру. И у тебя будет помощник.
 - Кто?
 - Узнаешь.
 - Что нужно делать?
 - Побеждать. Если сможешь.
 - А если не смогу?
 - Никто не будет скучать по тебе.

Аралим сошел со ступеней, окинул Льва небрежным взглядом. Серая пелена за его спиной рассеивалась, обнажая очертания кустарников и низких елей, окружающих театр. Черная фигура начала отступать, следуя за туманом. Капюшон плаща скрыл лицо Аралима. Теперь Долин был уверен, что знает этого человека.

Едва он подумал об этом, как глаза Аралима вспыхнули красным пламенем, и оно потекло по его щекам, мгновенно поджигая влагу в воздухе. Словно топливо, вспыхнули лужи, взвились в пламени клубы тумана, и пространства вокруг не стало. Его поглотил огонь...

Лев вскочил с криком. Боль раздирала лицо и руки, будто он снова горел, тело свела судорога. Он на коленях добрался до ванной. Ледяная вода едва помогла справиться с этим огнем. Лев долго сидел под душем, приходя в себя после кошмарного сна.

Такого давно не случалось. Фантомная боль мучила его первые три года постоянно, но потом приступы ослабели, и в последнее время он почти не испытывал их. Но сейчас... Сердце, казалось, вырывалось из груди, словно хотело разбить ребра в щепки и освободиться.

В спальне громко зазвонил будильник. Семь тридцать. Ночные кошмары, фантомные боли, но демона под именем «работа» никто не отменял. Чашка кофе была выпита залпом, телефон и

ключи от машины лежали в барсетке еще с вечера. Оставалось лишь одеться и выходить.

Долин спустился во двор, и едва оказавшись на улице, почувствовал запах гари. Ветер, гуляющий по детской площадке, был горячим, будто веял из пустыни, неся колкий песок. Выезжая по узкой дороге между высотными домами, Лев увидел источник запаха. Горела квартира на первом этаже в последнем доме его квартала. Пожарные машины стояли на газоне, окруженные толпой жильцов.

Долин выехал на широкую городскую улицу. На первом же перекрестке колонна пожарных машин пресекла движение транспорта. Автомобили остановились, пропуская несущихся на всех парах огнеборцев. Повернув за угол, Лев снова увидел горящее здание. На сей раз пожар был серьезнее – горело здание банка и соседняя с ним аллея, ведущая к школе. Пожарная машина поливала территорию перед школой, чтобы не дать огню перекинуться на школьный сад.

Движение на оживленной улице стопорилось с каждой минутой. Лев не успел доехать до следующего перекрестка, как на нем с грохотом влетели друг в друга две легковые машины.

- Твою ж мать, вот вы вовремя! - выругался Долин.

До светофора было всего-то сто метров, но улица встала. Объехать аварию успела только пара машин, остальные остались перед красным сигналом. Впереди, между многоэтажками, струился дым.

- Что такое творится сегодня?..

Это спросил кто-то из пассажиров в соседней машине. Окна у многих были открыты, и люди с удивлением оглядывались вокруг.

Лев переключил радиостанцию. Без пятнадцати восемь должны передавать местные новости.

– За минувшую ночь зафиксировано беспрецедентное количество пожаров, – заговорил диктор. – Причинами стали неосторожное обращение с огнем и не выключенные электроприборы, однако в большинстве случаев причина остается загадкой. Пожарная инспекция рекомендует ограничить использование электроприборов в связи с нестабильной работой электросети.

Лев старался не смотреть на горящее здание, но краем глаза все равно улавливал огненные потоки, вырывающиеся из окон. Дышать стало тяжело. Он закрыл окна, включил кондиционер. Температура в салоне быстро упала до двадцати градусов, но его так и бросало в жар.

- Чертово пламя... - Долин выругался, взглянул невзначай.

В тот самый момент, когда объятая пламенем крыша с грохотом сложилась, как домик из игральных карт. Из-под рухнувшей

кровли мощно вырвалось огненное облако, втягиваясь в черный дым, и Лев замер. Сердце ударило с такой силой, что в глазах потемнело. Казалось, небо накрыла красная пелена, и песок наполнил воздух в салоне.

Но машины впереди внезапно двинулись, и Лев машинально нажал на педаль газа. До перекрестка десяток метров. Еще минута – и все. Он сделал глубокий вдох, заставил себя собраться. Это всего лишь фобия – страх неосознанный, не основанный на реальной опасности. Нужно только отъехать от пламени.

Пелена спала, возвращая миру естественные цвета, но пространство внезапно дрогнуло от глухого хлопка. Светофор показал зеленый, только Лев не двинулся с места, потому что увидел грузовик. Кабина шла ровно, а прицеп с цистерной уже закручивало под девяносто градусов, и легковые машины на его пути сгребало в гармошку.

Визг тормозов едва прорывался сквозь грохот бьющихся друг о друга металлических бортов. На миг Долину показалось, что это снова сон – так нереально несло поперек дороги к перекрестку, до отказа забитому машинами, огромный грузовик с оранжевой цистерной и надписью во весь бок «огнеопасно».

И уже в следующий миг сон стал еще неправдоподобней. На пересечение четырех направлений на полной скорости выехал троллейбус. Это был даже не удар. Кабина грузовика оторвала троллейбус от контактной сети, штанги отскочили от проводов, осыпая цистерну дождем искр. Грузовик, как пластмассовую игрушку, протащил троллейбус через весь перекресток до самого тротуара, снося пешеходные ограждения. Колеса грузовика, словно на льду, легли на бок, и вся платформа вместе с цистерной ударилась о землю, все еще двигаясь, все еще везя надпись «огнеопасно» по асфальту, будто специально пробуя высечь искру. Крышку люка сорвало, и в воздух взметнулся фонтан топлива.

Красная пелена застелила Льву глаза. В ней открылось черное небо с точками белых звезд, дым и пламя пожаров в соседних зданиях, а прямо перед ним на цистерне сидело огромное существо – птица или дракон с крыльями из удлиненных костей предплечья и черной перепонкой на них. Оно перехватило штанги троллейбуса и ударило их о корпус цистерны, так и высекая искру.

Дикий рев довольного монстра причинил Льву тупую боль. Он закричал, закрыв ладонями уши. А существо внезапно взглянуло на него. Прямо на него, сквозь стекло машины. Глаза, источающие пламя, прожгли Долина со всей внимательностью.

Еще мгновение крылатая тварь сидела на цистерне, а потом взмыла в воздух и исчезла вместе с красной пеленой. Серое от дыма небо открылось взгляду, и цистерна, и накренившийся

троллейбус, прижатый к бетонному столбу. Штанги троллейбуса свисали к асфальту. Плескаясь, как весенний ручей, к ним текло топливо, неся с собой синее, почти прозрачное пламя. Колеса с одной стороны уже горели, а в окно била руками молодая женщина, что-то крича. За запыленными стеклами троллейбуса мелькали люди, а в салон уже проникал ядовитый дым горящей резины. Им остались минуты. А Лев видел только эту женщину и ее кровь, размазанную по стеклу. Она сейчас погибнет. Прямо сейчас!

Долин выскочил из машины. Казалось, сердце либо остановилось, либо билось так быстро, что он перестал чувствовать его удары. Он просто бежал. Запрыгнул на наклоненный борт троллейбуса, ногой ударил в створку двери. Створка провалилась в салон, а вместе с ней и Лев. Он схватил ближайшего пассажира, подтолкнул его:

- К выходу, быстро!

Толчок неожиданно оказался такой силы, что солидный мужчина выскочил на ступени троллейбуса и скатился по ним на землю. Здесь его подхватили – на помощь подоспели водители ближайших машин.

Лев выпихивал всех подряд, по двое, по трое. Дым все больше заволакивал салон, разъедая глаза и горло, не давая дышать, но Долин, наконец, добрался до задней площадки. Девушка с окровавленными руками лежала на полу. Лев присел, подтянул ее себе на колени. Надо было встать, но тело налилось свинцом. Он закашлялся от дыма.

Пламя охватило снаружи днище троллейбуса, резиновое покрытие пола плавилось. Ладони и колени Льва обжигала боль, не давая ему потерять сознание. Сейчас эта адская подруга работала на него. Он на четвереньках полз к выходу. Там в клубах дыма виднелись фигуры людей и слышались голоса:

- А мужчина вылез?! Тот, первый, в рубашке?..
- Het! Het!
- Кто-нибудь видит его?
- Дыма сколько!
- Эй, эй, ты куда?!

В гаснущем свете Лев увидел стройную фигуру человека в черном дождевом плаще с поднятым капюшоном, легко прыгнувшего прямо в раскаленный салон. Потом почувствовал, как его подняли на руки.

– Девушка, – прошептал Долин. – Спаси девушку...

Но свет сознания продолжал гаснуть, и в наступающей тьме растворилась боль, которую он больше не мог вынести. Воля ослабела, и Лев отключился.

* * *

«С двенадцати часов дня в городе введено чрезвычайное положение, но мы до сих пор не слышали ни одного официального заявления о причинах трагедий...»

«Власти города заявили о непричастности террористических организаций к происходящему на наших улицах. По уверению руководителей пожарной службы, МЧС и санитарного контроля, все случаи массовых пожаров, взрывов, нападений животных имеют естественные причины...»

«Количество пострадавших, обратившихся за медицинской помощью, уже составляет более десяти тысяч человек...»

Лев наконец осознанно прислушался к потоку информации из телевизора. Его было плохо слышно из-за гула множества голосов, криков и стонов. Долин лежал лицом к стене, так что, открыв глаза, не сразу понял, где находится. Его кисти, запястья и колени были туго обмотаны бинтами. Когда он повернулся на другой бок, глазам открылся коридор больницы скорой помощи, от стены до стены заполненный людьми. Мимо бегали, ходили, что-то перевозили.

В коридоре стоял сильный запах крови. Перевязки делали прямо здесь, многие пострадавшие сидели на полу. Кое-где стояли медицинские каталки с лежащими на них людьми, и на такой же лежал сам Лев. Его пиджак, рубашка и ботинки подпирали колесо каталки.

Через минуту Лев решил, что просто занимает место. Он слез с каталки и тут же оперся о стену – кружилась голова.

Почувствовав себя немного лучше, Долин помог подняться с пола и лечь на каталку ближайшему человеку и отправился дальше по коридору, все так же держась за стену.

Он помнил, что обжег в троллейбусе руки, но не чувствовал боли. Под бинтами будто образовалась жесткая корка. Похоже, это были последствия шока. Как и то, что он никак не мог сориентироваться в окружающем. Казалось, он видит всех сразу и слышит все сразу. И собственное тело стало больше, чем обычно, но при этом легче.

Перед ним вдруг остановилась девушка в синей униформе с электронным планшетом в руках:

- Стойте! Вы почему с каталки ушли?!
- Со мной уже все в порядке, ответил Лев. А кому-то каталка нужнее.
- Ладно, махнула рукой девушка. Я записываю всех, чтобы карты потом оформить. Фамилия, имя, отчество?
 - Долин Лев Анатольевич.
 - Год рождения?

- Семьдесят седьмой.

Медсестра оторвалась от планшета:

- Что-что?
- Семьдесят седьмой, повторил Лев.
- Так, понятно. Брата как зовут?

Долин удивленно взглянул на медсестру:

- Прошу прощения?
- Вашего брата как зовут? Он пошел помочь девушке, с которой вас привезли. Сказал, сейчас вернется, а я имя не спросила. Лев так и смотрел на нее.
- Молодой человек, у вас шок, я знаю! Но у нас тут у всех шок! окончательно рассердилась медсестра. Давайте, соберитесь! Как зовут брата?
 - Матвей, машинально ответил Лев.

Проходящий мимо доктор окликнул девушку:

- Маша, ты чего стоишь здесь? Пациенты!
- Виктор Федорович, да тут ситуация! Парнишка вот пятнадцать человек из горящего троллейбуса вытащил...
 - А, да! врач быстро вернулся ко Льву. Сказали про вас.

Он без церемоний взял Долина за подбородок, развернул лицом к свету, заглянул в глаза, проверил пульс.

- Все в норме. Сердце, как пожарный насос, зрачки реагируют. А что не так?
 - Говорит, что ему сорок лет и брата не помнит.
 - А брат где?
- Вон стоит в конце коридора. Пошел проводить пострадавшую до палаты, а то она тоже по стенкам ходит.
- Так, Лев, да? врач еще раз окинул Долина взглядом. Все у тебя в порядке, ожоги средней тяжести, на молодых заживают быстро. Дайте ему кислород, это относилось уже к медсестре. Надышался дымом, вот и бредит.

Врач побежал дальше, а Лев уже завороженно смотрел в конец коридора. Длинный проход выходил в холл. Окна были закрыты наглухо, потому что на полную мощность работали кондиционеры, но сквозь прозрачное стекло было видно небо. Серо-фиолетовое, почти ночное, с красноватым свечением по кайме облаков.

У двери в дальнюю палату стоял кто-то в дождевом плаще с капюшоном. Человек откинул его на плечи, но стоял спиной к Долину, так что, летя к нему на всех парах, Лев видел только его коротко стриженный затылок.

Подбежав, схватил, развернул к себе лицом – и невольно оттолкнул от неожиданности. От его толчка молодой парень отлетел, ударившись лопатками о стену холла, а Лев замер. Ка-

залось, он забыл лицо брата, еще сегодня утром не помнил его черт. Но сейчас...

- Тихо, тихо, - произнес Матвей, поднимая руки. - Сдаюсь.

А Лев так и стоял. Собственное дыхание стало горячим, обожгло грудь.

– Ты кто? – выдохнул он.

Матвей улыбнулся. Такая знакомая улыбка, та самая улыбка младшего брата, которую не забыть.

- Лев. это я.
- Нет, тот помотал головой, нет. Я видел, как ты умер.
- Да, я умер...

Лев замер.

- ...на твоих глазах. Прости меня... хотя нет, улыбка сошла с лица Матвея. Такое не простить. Просто прими меня. Аралим сказал, что у тебя будет помощник. Это я. Я твой помощник.
 - Что происходит? прошептал Лев.

Дрожь так и мчалась по мышцам, а в душе просто дрались между собой понимание невозможности происходящего и еще совсем неуверенная радость.

- Пойдем, нам пора, произнес Матвей.
- Что? Лев сейчас ничего не соображал. Куда?
- К месту финального состязания, усмехнулся младший брат. Отборочный тур ты прошел с блеском. Пересилил страх, спас людей, доказал свою волю.

Он взял Льва за руку так быстро, что тот не успел ее отдернуть. Прикосновение оказалось реальным – не холодным призрачным, а горячим живым. Матвей отогнул бинты в разных местах, осмотрел, удовлетворенно кивнул.

– Правила игры честные, – сказал он. – Тебя уравняли в возможностях с противником. Даны молодость, сила, сверхоружие. Если хочешь ударить, как человек – бей кулаком; как сверхчеловек – бей ладонью, понял?

Лев с удивлением взглянул на свою руку. Было похоже, что кожа от пальцев до предплечья затвердела в золото. Но это не мешало двигаться, и ощущение силы было непомерным.

Матвей отпустил его, посмотрел в глаза:

– Слышишь меня? Это важно. У нас нет времени, учись сразу. Вокруг внезапно засуетились люди. Все побежали к окнам, начался шум. Небо за стеклом стало красным. Завеса дыма от сотен горящих городских зданий свернулась в черные облака, и сквозь них вспыхнули россыпи белых звезд.

- Видел такое? - спросил Матвей.

Страх и удивление застыли на лицах людей. Стихли голоса. Кто-то опустился на пол, кто-то неподвижно стоял.

– Видел, – кивнул Лев, глядя не только на кровавое небо, но и на свое отражение в стекле.

Медсестра не зря решила, что он не в себе. Собственно, тело показалось ему больше и легче, потому что он снова был молод и в отличной форме, как пятнадцать лет назад, когда занимался рукопашным боем. Ткань футболки натянулась на мышцах. И ожоги больше не болели, потому что исчезли с лица.

- Ты теперь не старший, усмехнулся Матвей, тоже разглядывая брата. При жизни бы так. А то гонял меня, как раба.
 - Не было такого, невольно улыбнулся Лев.
- Мелкий, подай, принеси, подвинься... подразнил его Матвей. Выруби музыку, метнись до магазина...
- Все, все, вспомнил, Лев взглянул на брата растерянно, но с улыбкой.

Радость заняла так много места в сознании – казалось, все, сколько его там было. Несмотря на то, что творилось вокруг.

Матвей кивнул на пейзаж за окном:

- Город вводят в игру.
- Зачем?
- Аралим ставит декорации, вновь усмехнулся младший брат. Часть его работы по организации игры. И еще это твой стимул выиграть финальный бой.

Окно вдруг накрыла тень, и огромная крылатая тварь с оглушающим грохотом вынесла стекло вместе с рамой и частью стены. Людей смело, как пух. Кого-то ударило о стены, большинство покатилось по полу. Ураганный ветер ворвался горячим потоком, перевернул больничные каталки, сорвал со стендов листки. Колкий песок закружился в холле.

Небо, видимое сквозь огромный проем, стало царством тысяч крыльев. В красном мареве над городом свободно реяло пламя, само по себе, питаясь лишь воздухом. Электрический свет погас, улицы заволокла тьма.

Черная тварь издала рев в сторону братьев, но нападать не стала. Резво выбралась из холла через проем и уползла по стене наверх.

- Биться с тобой они не будут, усмехнулся Матвей. Но, если не выиграешь финальный бой, они уничтожат город.
- Такого уговора не было! поразился Лев. Я играю на свою жизнь.
 - Ставишь не только ты, заметил младший брат.
 - И мой противник?
- Конечно. Раз легион здесь, значит, он ставит на эту схватку жизни всех, кто находится в границах декораций. Сколько жителей в городе?

– Тысяч триста, – ответил Лев. – Ты знаешь, с кем финальный бой?

Матвей покачал головой:

- Нет. Только Аралим знает.

Вокруг стало совсем тихо. Все, кто не потерял сознание при атаке крылатого монстра, опускались на пол и засыпали. Прошла минута, и в здании смолкли голоса, а горячий ветер с улицы принес лишь песок и ни единого звука. Город погрузился в полную тишину. Лишь шорох крыльев поднимался до небес.

Матвей огляделся, серьезно кивнул:

- Хорошо, они будут спать до конца игры. Больше никто не пострадает.
 - Так ты скажешь, кто это устроил? спросил Лев.

Брат усмехнулся, показал на проем:

- Пошли сюда. Расскажу по дороге.

Лев так и смотрел на него и не двинулся с места.

– Ты помнишь... ту ночь? – спросил он.

Матвей молчал мгновение, потом сказал:

- Когда я погиб? Конечно.

Лев сглотнул комок в горле, а брат покачал головой:

- Вот что тебя держит. Думаешь, ты мог меня спасти?

Лев ощутил дрожь. Каждое пьяное и трезвое мгновение своей пустой жизни он хотел взглянуть Матвею в глаза и сказать: прости. И мучился, зная, что никогда не сможет этого сделать. Но вот брат стоит перед ним, живой, и это тот единственный шанс.

- Я думал, что успею вернуться, прошептал Лев. Надо было чем-то убрать балку.
 - Я знаю, кивнул Матвей.

Его взгляд был добрым, ни следа обиды в блеске карих глаз, ни тени обвинения на чистом загорелом лице.

- Но я не успел, прости... прости меня.

Матвей улыбнулся, вздохнул:

– Ты не отстанешь, я тебя знаю.

Он вдруг шагнул к брату и обнял. А Лев замер, ощутив, как множество тонких нитей лопнули в голове. Отчаяние, вина, одиночество, боль. Целая сеть, опутавшая сознание и волю на столько лет, вдруг разорвалась в клочья. Он громко вздохнул. Казалось, впервые за долгое время. Будто выдернул трубку аппарата искусственного дыхания и попробовал снова дышать сам. И получилось.

Матвей отпустил его:

- Порядок?

Лев молча кивнул.

Младший брат смотрел на него еще несколько мгновений, потом шагнул к проему, встал лишь на полстопы на его краю, усмехнулся:

- Смотри.

И шагнул в пустоту за проемом. Лев подскочил следом, увидел, как Матвей легко скользнул по вихрям горячего ветра на землю. Он прыгнул в то же мгновение. Приземлился тяжелее брата, но удара не почувствовал, лишь слетели бинты. От стоп до коленей кожу покрыло мягкое золото, как и на руках.

Они побежали по проезжей части улицы, заставленной машинами. Люди спали за рулем, и у каждого столба догорали автомобили. Сегодня аварии не могли закончиться без пожара. Со всех зданий покрикивали крылатые создания, провожая братьев хищными взглядами.

- Так почему это происходит? - спросил Лев на бегу.

Говорить можно было свободно. Он едва чувствовал напряжение.

- Во что играют высшие силы, по-твоему? ответил Матвей вопросом на вопрос. Люди играют в войны, а во что играют бог и дьявол? Оглядись.
 - В апокалипсис, уверенно ответил Лев.
- Да, невозмутимо кивнул брат. В макро- и микромасштабах. Библейские сказания очень зрелищны, не замечал? Люди, превращенные в соляные столбы, пророк Иона, запертый в чреве кита на три дня, всемирный потоп. Просто убить толпу обнаглевшего народа не интересно. А вот превратить воду в кровь, наслать неутихающие громы и молнии или установить не проходящую тьму... Если бы не бесчисленное количество смертей, можно было бы назвать это высокобюджетными постановками. Режиссер всегда кто-то из ангелов, исполнители демоны, меняется лишь автор сценария, которым может быть кто угодно, и герои.
- Значит, это вселенский конкурс на лучшее развлечение для высших сил, сказал Лев. И как выбор пал на меня?
- А чем плох сценарий? вновь вопросом на вопрос ответил Матвей. Повергнуть город в пучину огня, наплодить тварей, обожающих пламя, и бросить против них героя с пирофобией и чувством вины за смерть брата. И подозреваю, что это не всё.
 - Не всё?
 - Мы еще не знаем, как связан с тобой твой противник.
 - А он связан?
- Он поставил триста тысяч жизней, чтобы сыграть с тобой.
 Думаю, не просто так.

Матвей остановился, и Лев тоже. Впереди дорога выходила на мост, и справа от него светились металлические конструкции

купола нового стадиона, окруженного подъемными кранами. Небо над этим местом было особенным. Красные вспышки озаряли тяжелый облачный покров, будто подавая сигнал кому-то во вселенную. Вместо воды в речном русле, идущем вдоль подножия сооружения, текла раскаленная лава, источая прозрачный жар. Но более всего поражало то, что высоко в воздухе над футбольным полем застыл стеклянный диск толщиной, наверное, несколько метров. Похоже, это была площадка финального состязания. И прямо с моста вела на нее над рекой лавы стеклянная лестница.

- Я не боюсь огня, произнес Лев. Но каждый раз, видя пламя, я видел, как ты сгораешь в нем.
 - Больше такого не будет, улыбнулся Матвей.
- Не будет, кивнул Лев. Аралим сказал, что можно выбрать жизнь за победу. Я выберу твою.
 - А мама или отец?
 - Нет, твою.

Матвей смотрел на него еще мгновение, глаза его блестели все больше, и он наконец кивнул:

– Я хочу домой. Даже передать тебе не могу, насколько сильно. Но ты не трать свое право на меня. Я этого не достоин.

Что-то в выражении лица брата на долю секунды смутило Льва, но он не обратил внимания на собственные ощущения.

– Я не передумаю, – сказал он. – Идем!

Пустота под ногами сбивала Льва с толку. Матвей шел впереди легко, а Льву потребовалась минута, чтобы привыкнуть ставить ногу просто на воздух. Позади остались стены, и вот они прошли уже над футбольным полем, заставленным строительной техникой и бетонными блоками с торчащими вверх металлическими стержнями. Под стеклом клубился у самой земли черный дым.

Над площадкой играло вспышками небо, но здесь никого не было. Никто не ждал своего противника. В пространстве собралась из воздуха человекообразная фигура, и спустя мгновение Аралим ступил на прозрачную поверхность. Вместо черной одежды его сильное тело оковали белые доспехи, едва сдерживающие мощь ангела.

- Он не готов, строго произнес распорядитель игры, и Лев понял, что слова адресованы Матвею. Ты не сказал ему.
 - О чем? Лев посмотрел на брата.

Небо над ареной внезапно дрогнуло. Свет озарил облака изнутри и сдвинул их навстречу друг другу, со всех сторон потекла тьма. Будто две неведомые силы вошли в атмосферу планеты и столкнулись над облачным покровом.

- Вот и они, вздохнул Матвей. Наши главные зрители.
- Матвей! зарычал Лев.

– Я тебе не врал, – помотал головой тот. – Лишь не сказал, с кем надо биться. – Он сделал шаг к брату. – Ты хочешь меня спасти?

- За этим и пришел.
- Ты должен меня убить.
- Что?!

Наступая на Льва медленными шагами, Матвей менялся.

– Аралим вернул меня на время игры, – говорил он, пока его плащ увлажнялся, и капли чего-то черного стекали по нему. – Но ты не знаешь, откуда. Я в аду, брат.

Одежда растворялась на нем, стекая по уже голым рукам и груди.

- Почему? пораженно прошептал Лев.
- Потому что я убил маму, отца... и себя.

Лев молчал, в ужасе глядя, как разрастается на теле Матвея та самая рана. Балка, проткнувшая сердце, оставила именно эту дыру в ребрах. Тогда он держал балку, стоя рядом с братом в огне, а она проседала под тяжестью крыши и медленно, медленно продавливала грудь Матвея.

- Ты не мог никого спасти, продолжал Матвей. В тот вечер я вернулся домой раньше тебя, пьяный, злой. Мы с отцом поссорились накануне. Было холодно, я включил котел... и уснул на полу...
 - Это была случайность, прошептал Лев.
- Нет, покачал головой Матвей, это не была случайность. Я был зол. Я хотел, чтобы дом сгорел к чертовой матери, я хотел погибнуть в нем всем назло, и я не знал, что мама и отец не уехали.
- Потому что не было машины, Лев замер. Потому что уехал я...

Одежда стекла с младшего брата, открыв тело, измазанное грязью и кровью. И Лев вздрогнул, увидев красное сияние в глазах Матвея.

- Нельзя выйти из ада, не взяв его с собой, – сказал Матвей.
- Я демон легиона... и все еще твой брат. И только ты можешь меня спасти.

Лев молчал. Аралим уже исчез.

- Видишь, какой сценарий? усмехнулся Матвей. Я знал, им понравится.
- Это ты?! пораженно воскликнул Лев. Ты предложил... нас?..
 - Да.
 - Почему?
- Потому что ты сильный. Всегда был сильнее всех. Человек с большим сердцем, которого хватило даже на непутевого брата. И потому что я не хочу возвращаться в ад. И есть лишь один спо-

соб: убей меня ради спасения этих людей, и я стану праведной жертвой. Мою душу отпустят.

- Нет, прошептал Лев. Нет.
- А так? засмеялся Матвей.

Его тело внезапно пропиталось чешуей изнутри, раздвинулись кости, за спиной раскрылись черные крылья, и огромная тварь взревела, сдвинув воздух горячей волной:

- Помнишь меня?!

Лев отступил лишь на мгновение. Гнев взорвал мысли, опустошив голову. Не забыть монстра, сталкивающего грузовик с топливом и троллейбус, полный людей. Не забыть, сколько телминовал, пока поднимал живых.

– Ты!.. – прорычал Лев. – Маленький ублюдок!

Он врезал ладонью в длинную челюсть крылатого монстра с такой силой, что кость треснула, и вместе с кровью из пасти вылетело с десяток острых зубов. Матвей круто развернулся, ударил брата под колено длинным крылом. Лев упал, но вскочил в то же мгновение:

Не туда целишься!

Левой рукой он ухватил монстра за плечо и дернул на себя, а ладонью правой руки ударил его в грудь, и еще раз, и еще, чтобы наверняка!

- Вот сюда! Где сердце! Если есть!

Хрип вырвался из горла Матвея вместе с кровью, ведь каждый удар ломал ему ребра. Он крутанулся всем телом, сбрасывая руку брата, ударил его зубастым клювом под подбородок. Лев отлетел на несколько метров и упал. По прозрачному полу зазмеились трещины. Монстр ринулся к нему, намереваясь добить. Лев вскочил на ноги и бросился навстречу. Обхватил брата и вместе с ним рухнул на пол, пропахал стекло его спиной, прижал длинную шею коленом.

– Стал демоном, демоном и останешься! – проревел Лев. – Ты всех нас уничтожил! Из-за чего?! – Он что есть силы грохнул монстра головой о площадку. – Из-за ссоры с отцом?! Твое сраное величество не поддержали?! Ах ты гад!

С каждым ударом стекло трещало и разлеталось блестящей пылью. И брызги крови проникали сквозь трещины, пропитывая прозрачную толщу. Тонкие красные линии опутывали площадку боя. А Лев не мог перестать, не хотел! Жизнь уничтожена! Потому что этот идиот обиделся! Убил маму! Отца! Убил себя! И разорвал в клочья жизнь брата просто так!

Чешуя сползла с тела монстра, опали и растеклись крылья, и в озере крови на стеклянном полу в руках Льва остался Матвей.

- Тебя любили, тебе доверяли! - закричал Лев. - Kak ты мог?!

Он замер, занеся ладонь над разбитым лицом брата. Красное пламя так и вспыхивало в глазах Матвея, стекая из них на щеки, будто слезы. В прозрачной толще тонко потрескивали разломы, продолжая наполняться вытекающей из тела Матвея кровью, и от площадки то и дело откалывались куски и падали на футбольное поле.

Стеклянный пол разрушался. Еще один удар – и демон низвергнется на металлическую арматуру, туда, где ему самое место, туда, где он истечет кровью до смерти...

 Я не могу просить прощения за то, чего нельзя простить, – прошептал Матвей.

Лев смотрел в его залитое пламенем лицо:

- А хочешь?

Матвей молчал.

- Ответь мне! Лев в бешенстве поднял брата и швырнул всем телом на стекло.
 - Каждый миг, прошептал Матвей.

Остановился ветер, гонящий облака, и купол красного неба застыл в предвкушении. Рядом с противниками едва ощутимо возник Аралим, молча ожидая исхода схватки. А из души Льва или из того, что осталось от нее, наконец истекла последняя капля боли.

- Каждый миг... Матвей сел перед ним, обхватив себя руками.
 Тишина залила мир погасшего города, и даже вездесущий шорох крыльев растворился в ней.
- Смотрите, да? Лев поднял глаза к облакам. Хотите увидеть, как брат убьет брата?

Матвей дрожал всем разбитым телом.

- Не насмотрелись еще?! - в ярости крикнул Лев.

Мрачные небеса наливались тьмой и озарялись светом, внимая его голосу, и каждая крылатая тварь ждала.

- Значит, не хочешь в ад? Лев взглянул на брата. Хочешь выйти из легиона демонов? И куда попадешь?
 - Туда, где больше не сделаю зла, прошептал Матвей.

Лев думал еще мгновение, потом покачал головой:

- Тогда у меня другой финал. Для вас для всех.
- Что ты задумал? к Матвею вернулся голос.

Лев ударил ладонью по полу и обрушил его облаком сверкающего стекла в огромную пропасть, затянутую черным дымом.

Матвей с трудом встал.

– Что ты задумал? – повторил он.

Лев стоял на самом краю.

– Я десять лет жил мыслью, что не смог тебя спасти, – произнес он, – а теперь ты предлагаешь мне жить мыслью, что я тебя

убил. Знаешь, Матвей, как ты был избалованным гадом, так и остался, так что... – Он посмотрел на брата. – Я тебя спасу, скотина, в последний раз. Все-таки я твой старший брат, но в этом аду... снова я не останусь.

Матвей протянул к нему руку:

Стой...

А Лев в тот же миг схватил его, оттолкнулся от края и бросился в пустоту, увлекая брата за собой. В падении он перехватил Матвея за лопатки, чтобы не дать вырасти крыльям за спиной. Лишь на мгновение горячий ветер удержал их, и жадная бездна поглотила обоих, растворив голоса. Сквозь мрачную пелену прошла вибрация от удара, посыпались камни, рассеялся в тишине звон металла.

Красное небо, затаившее дыхание на это мгновение, ожило. Снова заструился ветер, потянулись за ним облака. Везде, на всех зданиях, демоны издали прощальный рев и, распустив крылья, устремились прочь. Представление было окончено, гладиатор и воин их легиона погибли.

Какой финал, – покачал головой Аралим. – Красиво.

Силы, спрятанные за облачным покровом, ответили согласием.

- Что мне делать? спросил распорядитель.
- Верни декорации на места, прозвучало в небе.
- А с игроками?

Небо думало еще мгновение:

– Игра понравилась нам. Награди.

Дым, покрывавший бездну, развеялся под взглядом Аралима, обнажив кровь и тела. Удар о бетонные блоки разорвал объятия, но они лежали рядом, друг к другу лицом.

- На твое усмотрение, - растворилось в облаках.

* * *

Лев очнулся за рулем. Машина мчалась по дороге, тьму рассекал свет фар. Он мгновенно нажал на тормоза, и «уазик» с визгом колес остановился на пустом шоссе.

Лев сидел, осознавая, что происходит, пока не заметил впереди указатель: «с. Новогорское». Он был за рулем отцовской машины, на часах – одиннадцать ночи. Впереди небо над низкими крышами озарилось светом пламени. Еще мгновение – и Лев понял. Он не поверил, но уже рванул машину с места и дал полный газ.

Пожар было видно издалека. Летняя кухня, совмещенная с котельной, загорелась первой. Дым сочился из-под крыши, и на окнах горели мамины кружевные занавески. Подъезжая к во-

ротам, Лев утопил педаль в пол. Нет времени останавливаться! Тогда он потерял почти тридцать секунд, чтобы открыть замок. От удара засов разлетелся, и створки ворот распахнулись настежь. Лев выскочил из машины, но бросился не к горящему дому, а к сараю – за топором. В любом из сценариев, годами отработанных в мыслях, присутствовал этот инструмент.

С грохотом рухнула часть крыши, и Лев услышал крик Матвея. Он сорвал с себя футболку и макнул ее в бочку для полива. Потом прижал мокрую футболку к лицу и распахнул дверь в дом. Коридор был затянут дымом, но пламя в котельной освещало рухнувшую балку, прижавшую Матвея к полу. Он держал ее обеими руками, силясь убрать со своей груди. Лев подскочил к нему и одним мощным ударом топора разбил сухое дерево в щепки. Кровля рухнула, но за мгновение до того, как она раздавила бы Матвея, Лев молниеносно поднял его с пола и оттащил в сторону. Пламя рванулось к ним, но Лев уже тянул брата из котельной.

А тот почему-то упирался.

- Мама! - сквозь его кашель услышал Лев. - Мама...

Едва оказавшись на улице, Матвей побежал вокруг дома. Лев догнал его у окна. Даже не успел махнуть топором, как брат высадил стекло кулаком, распахнул раму и перепрыгнул через подоконник в родительскую спальню. Лев собрался было ринуться следом, но Матвей уже поднес маму на руках к окну. Глаза у нее были закрыты.

- Держи ее!

Лев долю секунды смотрел на ее отрешенное лицо, потом крепко схватил, быстро отнес от дома, бережно опустил на землю.

И тут во двор влетели Михаил Петрович с женой – соседи из дома напротив.

- Толя! Ольга! закричал Михаил Петрович, но, увидев братьев, махнул жене: Мальчишки дома! За медсестрой беги!
- За мамой посмотрите! крикнул ему Лев и вернулся к окну. В густом дыму Матвей уже дотащил отца, поднял на подоконник, но спустить на землю не мог, сам едва дышал. Лев перехватил отца под мышки, вытянул его из комнаты. Брат сполз следом, качаясь и держась за стену. Лев не смотрел на него, прощупывал пульс у отца. Слабое сердце могло не дать шансов.

В ворота вбежала медсестра Вера Васильевна с аптечкой в руках.

– Ой, господи, Анатолий! – она подскочила к нему, прижала стетоскоп к груди и крикнула соседке: – Тоня! Найди шприц мне!

Матвей подоспел первым. Нашел Вере Васильевне в аптечке шприц и ампулу, заодно взял пузырек нашатырного спирта и побежал к маме. Михаил Петрович подложил ей под голову

свернутую рубашку. А Лев стоял, как во сне. Не мог понять, что ему делать. Матвей опустился перед мамой на колени, поднес к ее лицу нашатырь, и едва она закашляла, прижал к себе.

- Все хорошо, мам, все хорошо...
- Толя... прошептала она, и в этот момент отец тоже открыл глаза.
- Так, молодец, Анатолий! Вера Васильевна тут же приподняла его. Ну-ка, вдохни!

Вдалеке завопили сирены пожарных машин. Лев вызвал их еще по дороге, так что пламя не успело уничтожить центральную часть дома, когда пожар начали тушить. Летняя кухня сгорела, с ней пристройка и крыльцо, но кирпичное здание осталось целым.

– Все снимать теперь, – сокрушался отец, держась за сердце и расхаживая вдоль стен. – Обои обдирать.

Мама стояла с Тоней и Верой, капала корвалол в чай, принесенный подругами, и плакала.

А Лев, наконец придя в себя, нашел взглядом Матвея. Тот сидел на земле, в крови и саже, живой. И это был не сон. Это был две тысячи седьмой год, и они только что спасли родителей. Лев вдруг вспомнил, что так и не сказал Аралиму, чью жизнь спасти. Распорядитель сделал этот выбор за него — спас его жизнь. Вернул утраченное время вместе с теми, кого он, Лев, любил. Приз, достойный победителя игры высших сил, приз, который невозможно было себе представить.

Лев сделал глубокий вдох, посмотрел в ночное небо. Темное, почти черное, полное застывших вихрей звезд.

– Спасибо, – прошептал он, искренне надеясь, что слово долетит до адресата, и громко позвал: – Матвей!

Тот вытер со щек серый пепел, смешанный со слезами, поднялся, но в глаза брату не посмотрел. Обхватил рукой бок. Наверно, чисто машинально. Ладонь легла на еще недавно сломанные ребра.

– Боишься, – понял Лев. – Что, крыльев больше нет?

Матвей взглянул на него, и было заметно, как сбилось дыхание при этом взгляде.

– Значит, из легиона выгнали, – сказал Лев.

Он ждал еще мгновение, потом не выдержал, шагнул к брату. Матвей замер, не зная чего ждать, глаза его блестели. А Лев наконец обнял его. Из десяти лет новой жизни он не собирался тратить ни минуты впустую.

– Порядок? – спросил он вместо долгих объяснений.

Матвей выдохнул с облегчением, улыбка вернулась на чумазое лицо.

- Мы дома, - прошептал он. - Порядок.

поэзия

Валерий Сорокин СЛИЯНИЕ

Я сливаюсь со Вселенной. Космос, звезды, мирозданье постигают силу мысли, что ласкают страхи поздних, кем-то выстраданных жизней. Чтобы стать ступенькой света – ничего не нужно. Стань ей, укрываясь небом звездным, чтоб сомнения не грызли.

Я сливаюсь со Вселенной.
Звезд лучи – фаланги пальцев, а Луна – всего лишь капля той слезы, что не упала, а зависла на ресницах...
Постигаю неудобство – веки требуют оваций, только этого им мало – проморгаться б и забыться...

Я врастаю в бездну – бездной. Я за гранью запределья, где змеей ползучий ужас искусал чужие вены беззащитного, как я. Чтобы слышать тех, кто рядом, – пью космическое зелье и дрожу, когда колени обвивает мне змея.

НЕРЕАЛ

Юлий Шанс ПТИЦА

Хищные птицы не поют. Немецкая пословица

Взгляд Антона скользнул по мусорному контейнеру, на котором сидела чайка размером со свинью. Что?! Антон вновь посмотрел туда – и замер... В его голове дрались два полушария. Правое восклицало, что такого просто не может быть, а левое настаивало, чтобы он верил глазам своим. Минуты две Антон таращился на гигантскую чайку, переступающую с лапы на лапу на кромке мусорного бака, который покачивался под ее весом. Затем осторожно вытащил смартфон и сфотографировал это диво. Продолжая разглядывать птицу, Антон подумал, что как человек с университетским образованием он наверняка должен был знать о существования таких суперчаек. Но он не знал.

Погрузившись в размышления, Антон наконец решил, что ему посчастливилось натолкнуться на невиданного доселе мутанта. Появление которого могло быть спровоцировано радиационным или генным загрязнением среды обитания. Например, в результате утечек при аварии на японской атомной станции Фукусима. Оттуда он мог перелететь сюда, в Сан-Франциско. Почему бы и нет? Такие соображения привели Антона в восторг, и он решил срочно привлечь внимание других людей к своему открытию, пока мутант не улетел за океан. Ведь другого такого могло и не быть! Он медленно, стараясь не спугнуть птицу, повернул голову из стороны в сторону – никого в столь ранний час! Какая досада! Антон замер, как манекен, и стал ждать.

Минут через десять в глубине парка показался кто-то, совершающий утреннюю пробежку. Бегун приближался, и вскоре стало понятно, что это мужчина средних лет в блеклой футболке и шортах. Антон улыбнулся в предвкушении того, как сейчас этот дядя споткнется на ровном месте, увидев такого «птеродактиля». Бегун поравнялся с мусорным баком и... не снижая темпа, пробежал мимо. Неужели не заметил? Антон хотел было крикнуть ему вслед, но воздержался и решил подождать еще кого-нибудь.

Вскоре появился парень студенческого вида, лет двадцати, в джинсах, жующий гамбургер из «Макдональдса». Он скомкал пакет и швырнул его в бак, чуть не попав в «научное открытие».

Чудо-юдо безбоязненно отклонило голову от летящего комка, а студент прошагал дальше... Но этот-то не мог не заметить!

– Извините, что это за птица? – крикнул ему вдогонку Антон, указывая на нее пальцем.

Парень удивленно обернулся:

- Это же альбатрос!

За час Антон по смартфону выудил из интернета об альбатросах почти всё: что это самая большая летающая птица в мире с размахом крыльев до трех с половиной и длиной тела до полутора метров; что как птица океанская, она питается рыбой и как птица хищная, она не поет, а кричит, притом крайне редко. Особое восхищение Антона как инженера вызвал тот факт, что она умеет ловить встречный ветер и восходящие потоки столь мастерски, что может парить над океаном сутками, не приводняясь и почти не махая крыльями. Разумеется, он и раньше слышал название этой птицы, а в детстве даже отдыхал в лагере с одноименным названием, но до сего дня не видел ее и не представлял, насколько же она огромна и прекрасна. Никогда прежде он не бывал в странах массового обитания альбатросов – родился и учился в России, работал в Австралии и посещал лишь Австрию. В Соединенных Штатах он был впервые.

Антон вызвал такси к ближайшему перекрестку, встал с лавки и зашагал по аллее.

Забравшись в автомобиль, он сказал:

- В яхт-клуб Святого Франциска.

Таксист через плечо с интересом осмотрел пассажира:

- Решили проветриться на регате?
- Друг по университету пригласил прокатиться до Аляски.
- На собственной яхте? не сдержал любопытства таксист.
- Вроде того.
- Здорово! Где бы мне найти такого друга?

Антон оставил вопрос без ответа. Болтовня таксиста мешала ему размышлять над тем, с чего бы это Виктор вдруг вспомнил о нем через двадцать лет.

У входа в клуб Антона уже ожидал смотритель. По правую сторону гавани виднелся остров со знаменитой тюрьмой Алькатрас, по левую нависал над водой не менее знаменитый мост Золотые Ворота. По пришвартованным яхтам было видно, что это элитный клуб. Смотритель проводил Антона к пирсу номер семь. Моторная яхта Виктора с необычным названием «Бесследный Герой» впечатляла. Более восемнадцати метров длиной, с закрытой рулевой рубкой, свежевыкрашенная в сине-белые тона, она была одной

из лучших яхт в гавани. Испытывая смешанное чувство зависти и гордости за друга, Антон взбежал по трапу. Загорелый Виктор расхаживал по палубе и давал указание кому-то в рубке. Антон узнал его сразу. Заметив Антона, Виктор распростер объятия и сделал шаг навстречу:

- Сколько лет, сколько зим! Хорошо сохранился!
- Спасибо за приглашение! И ты мало изменился!
 Они обнялись.

За кормой растаял в дымке Алькатрас, над головой проплыли оранжевые своды огромного моста, яхта вышла в открытый океан. Стоял штиль. Солнечные блики на волнах слепили глаза. Красотища. Кроме Антона и Виктора, на судне был лишь моторист Дэниэл. Он возился внизу, в моторном отделении. Виктор в рубке выверял маршрут по карте и навигационным приборам. Антон был на палубе один. О нем, казалось, вообще забыли. И он был рад этому. Антон ничего не понимал в яхтах и вникать не хотел. Его мозг, перегруженный сложностями последнего проекта для «Дойче банка», релаксировал и не желал напрягаться по поводу нюансов мореплавания. Антон в полудреме смотрел на серебрящийся поток воды за бортом и размышлял о жизни. Точнее, о том, что же является решающим условием для достижения успеха. В университете Антон превосходил Виктора и по успеваемости, и в спорте. Однако сейчас он плыл на яхте Виктора, а не Виктор на его, Антона, яхте. Его друг смог сколотить с нуля процветающую фирму, в то время как Антон работал программистом на других. Впрочем, он не завидовал, так как полагал, что мироздание устроено в высшей степени справедливо, и потому каждый получает по заслугам. Антон считал, что многие люди в этом сомневаются лишь потому, что им не видна вся картина полностью, панорамно – она видна только богам. Он пытался нащупать некие секретные пружины успеха путем сравнения себя со своим преуспевшим сокурсником. Им двигали одновременно и любопытство, и корысть. Если понять, что такое есть в Викторе, то, может быть, удастся самому стать мудрее и успешнее. Антон перебирал качество за качеством, черту за чертой, вспоминал свои и его поступки, хорошие и не очень. Но не мог нащупать никакой закономерности.

Виктор вышел из рубки, посмотрел на Антона и, словно прочитав его мысли, произнес:

- Харэ философствовать! Вот тебе ответ: цель образования это не знания, а действия! Кто сказал?
- Герберт Спенсер, ответил Антон, пораженный проницательностью Виктора. Его вдруг осенило: да, именно проницательностью Виктор превосходил его. Превосходил на целую голову, а

точнее, на десять! Превосходил не только его, а почти всех вокруг. Антон вспомнил сразу несколько эпизодов из студенческой жизни, подтверждающих эту догадку.

- Вот видишь, философ уже давно нам все сказал. Вселенная вознаграждает только действие! Ты слишком боишься совершить ошибку, но даже ошибочное действие полезно.
 - Чем?
- Устраняет неопределенность. Совершив ошибку, ты ясно увидишь, в чем был неправ и сможешь скорректировать свой курс. А нет зависнешь в неопределенности и упустишь шанс.
 - А если ошибка фатальная?
- A образование-то те на что? Как раз таки чтобы просчитать и минимизировать риск.
 - Убедил, ща произведу действо.

Антон вытащил смартфон, собираясь сделать селфи на фоне океанского пейзажа и отослать любовнице. Но не успел – в мгновение ока Виктор вырвал у него смартфон и выкинул за борт.

- Извини, забыл предупредить: никаких электронных коммуникаций во время плавания!
- Что за дурацкие выходки? возмутился Антон. Я мог бы его просто выключить!
 - Не мог бы! Они на самом деле полностью не отключаются.
 - Еще один такой фокус и ты полетишь вслед за ним! Виктор примирительно похлопал Антона по плечу:
- Ну, не кипятись! Я куплю те модель покруче. Скоро все поймешь.

Озадаченный Антон молча отвернулся.

Погода постепенно портилась. Нарастал ветерок. Антон заметил огромного альбатроса, парящего в вышине. Исполин величественно проскользил мимо и скрылся за горизонтом. Антон проводил его долгим взглядом. Ему показалось, что это тот же самый альбатрос, которого он видел в парке. Что-то особенное было в этой птице...

Шел второй день плавания. Штормило. Виктор пригласил Антона на палубу. Они устроились за столом на корме, но брызги доставали их и там. Виктор откупорил бутылку дорогущего бренди и протянул Антону. Сделав несколько глотков прямо из горлышка, Антон ощутил разливающееся по телу тепло и приятное опьянение. То божественное опьянение, которое бывает только при приеме алкоголя либо впервые, либо после очень долгого воздержания. Антон не выпивал уже несколько лет. Не до того было. Затем Виктор отпил из бутылки сам и приблизил лицо к другу:

- Хочу предложить тебе одно дельце.

– А я-то наивно подумал, что ты просто по дружбе предложил мне прокатиться, – пошутил Антон.

- Да конечно же, по дружбе! Но одно другому не мешает. Мы убъем двух зайцев одним выстрелом!
 - Это в твоем стиле. Ты, бывало, и трех за вечер.
- Скажи, ты ведь по-прежнему работаешь программистом? Виктор сделал вид, что не понял юмора.
- Да. Сейчас у меня контракт с сиднейским филиалом «Дойче банка». Но я собираюсь завязывать с программированием.
 - Чтой-то вдруг?
- Возраст. Начинают дискриминировать. Средний возраст программистов в «Гугле», например, тридцать лет. А доля тех, кому за сорок, там менее одного процента. А в «Фейсбуке» разработчики и того моложе. Мне сорок пять, так что пора подбирать для себя другой вид деятельности на старость. Ну, или в айти-менеджеры попробовать податься.
- Не знал, что у программистов карьера так же коротка, как и у боксеров, однако! Но ты все же повремени со старостью. Я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться. И сразу помолодеешь!
 - Говорят, бизнес убивает дружбу...
- Это не про нас. Я навел справки, твоя такса сто баксов в час, не так ли? Солидно. Но я готов платить тебе в пять раз больше.
- Пятьсот в час? не поверил своим ушам Антон. Может, спустимся в каюту? А то ветер слова заглушает.
- Не-не, я не уверен, что там нет прослушек. Я вызывал спецов, они всё проверили, но лучше перестраховаться. Все деловые разговоры будем вести только на палубе, негромко, под шум, так сказать, бьющихся волн и завывания ветра.
 - Что за работа?
- После разоблачений Сноудена о том, что ЦРУ всех прослушивает, у больших людей по всему миру возник спрос на абсолютно непрослушиваемые средства коммуникации. Заказчиками выступают не только отдельные бизнесмены, мафиози и политики, но и некоторые правительства. Многим не нравится быть на крючке у ЦРУ. Они готовы платить миллиарды.
- Ты просто не представляешь себе гигантский объем и сложность этой работы! Я восхищаюсь тобой как предпринимателем, но твоей небольшой фирме такое не по зубам, извини за прямоту. Тендер выиграет какой-нибудь международный телекоммуникационный гигант.
- Ошибаешься! Как раз таки у гигантов здесь нет шансов! Их даже не пригласят к столу. Дураку ясно, что планетарный масштаб прослушки не мог бы быть организован без сотрудничества веду-

щих производителей аппаратуры со спецслужбами США. Посуди сам: после того, как вскрылся факт прослушки Меркель, хоть на одного сотрудника хоть одной телекоммуникационной компании завели уголовное дело? Никого и с работы не выгнали! А корпорации и ЦРУ даже не считают себя в чем-либо виновными! Чем крупнее фирма, тем более вероятно, что она уже завербована спецслужбами. Поэтому наши заказчики ищут именно среди не особо крупных, зато гарантированно независимых компаний, типа моей, – Виктор замолчал и испытующе посмотрел на друга.

- Ты уже получил предложение? удивился Антон.
- Нет еще, но нас пригласили поучаствовать в тендере. Мы должны представить свой проект и, желательно, опытный образец устройства.
 - Не только проект, но уже и опытный образец?...
- Я понимаю твой скептицизм, но у Дэна родилась гениальная идея как это сделать.
 - А я тогда вам зачем?
- Сам Дэн не сможет это запрограммировать. Нельзя быть талантливым во всем. Он теоретик. Нам нужен суперпрограммист-практик, которому я мог бы доверять как самому себе. И это только ты.
 - Такое признание после двадцати-то лет разлуки?
- Да. На самом деле все это время я держал тебя в поле зрения.
 - В чем суть проекта?
 - Это тебе лучше расскажет Дэн.

Виктор громко позвал моториста. Дэниэл вышел из рубки и присел к столу.

– Он не только хороший моторист, – продолжил Виктор, – но и блестящий математик. Принстонский университет. Доктор философии в области кибернетики. Пообщайтесь как технарь с технарем, я же вас пока оставлю.

Виктор передал Дэниэлу бутылку бренди и ушел в рубку. Моторист отхлебнул чисто символически и отставил бутылку:

- Вы, пожалуй, лучше меня знаете, что первая проблема в том, что в компьютерах и смартфонах используются микрочипы с незадокументированными схемами, так называемыми «вставками», спроектированными специально для воровства информации спецслужбами. А вторая проблема в том, что и операционные системы имеют уязвимости. Часть этих дыр в безопасности допущены ненамеренно, по недосмотру, а часть тоже по сговору производителей со спецслужбами.
- Да, я в курсе. Эти два факта делают любую криптографическую защиту бессильной перед спецслужбами. Но раз средства

перехвата информации изначально заложены в сами аппараты, то как же вы собираетесь построить защиту от утечек и прослушек? На создание ныне существующих компьютеров и смартфонов ушло полвека усилий сразу нескольких гигантских международных корпораций. Разработать и произвести принципиально новые аппараты, да еще и операционные системы к ним в сжатые сроки маленькой фирмочке Виктора, увы, не под силу.

Мы не будем производить все новое, мы перехитрим существующее...

Договорить Дэниэл не успел – на палубе внезапно появился Виктор с ружьем в руках. Антон и Дэниэл недоуменно переглянулись. Виктор вскинул ружье и стал целиться. По небу скользил крупный альбатрос – тот самый.

- Пожалуйста, не делай этого! взмолился Дэниэл.
- Убийство альбатроса приносит несчастье! предупредил Антон.

Не слушая их, Виктор выстрелил. Не попал и принялся перезаряжать ружье. Птица развернулась навстречу яхте и, снижаясь, полетела прямо на нее. Виктор снова вскинул ружье, но выстрелить не успел – клюв птицы озарился серией вспышек и раздался звук пулеметной очереди. Недопитая бутылка бренди разлетелась вдребезги, несколько пуль прошили палубу, Виктор упал. Дрон пролетел в нескольких метрах над яхтой. Антон и Дэниэл бросились было на помощь Виктору, но тот решительно остановил их:

– Рассредоточились! Дэн, беги в рубку и разверни яхту к нейтральным водам! Антон, бери мое ружье, укройся в кубрике и лупи оттуда! Я – в трюм, спущусь без помощи. У меня там запасная аптечка и второй ствол!

Оставив ружье, Виктор энергично пополз на четвереньках к люку, который находился метрах в трех от него. Его левая нога волочилась по палубе, оставляя за собой алую полосу. Антон и Дэниэл бросились исполнять команды Виктора.

Дрон разворачивался для новой атаки. На него нацелились два ружья...

Люди против машины. Право на тайны личного общения против тотального контроля.

Анастасия Ребкавец ИЗГОЙ

Место на холме было самым лучшим.

Удачным.

Оттуда открывался отличный вид что на круглое, как чашка, озерцо, что на раскинувшийся вокруг него поселок.

А уж про поляну и говорить было нечего. Она была видна в мельчайших деталях.

Как и дети, которые играли на ней.

Крылатый тихо вздохнул, радуясь растущему на холме кусту, и продолжил свое занятие.

Весна подходила к концу, но все равно родители заплетали своим детенышам разноцветные ленты в косы. Ярко-голубые или зеленые – они постоянно привлекали внимание крылатого, и Старейшины лишь головами качали.

А несколько дней назад в высокой траве рядом с озером крылатый нашел шнурок с двумя закрепленными на концах бусинами.

И теперь, спрятавшись под кустом на холме, лир вплетал его себе в волосы, не отрывая взгляда от играющих детей.

Те носились по поляне, перебрасывали небольшой кожаный шарик, набитый крупой, и заливисто хохотали. Сверкали вплетенные в их волосы ленты, а сероватые крылышки, еще не потерявшие пушок, шевелились и двигались так, словно детеныши вот-вот поднимутся в воздух.

Остановившись на мгновение, крылатый потрогал наполовину заплетенную косу, привыкая к новым ощущениям. Шнурок – не лента, но теперь ему казалось, что на поляне его могли принять. Если забыть хоть на чуть-чуть о том, что говорили Старейшины изо дня в день, выбраться из-под куста и спуститься – может, и получится подружиться с детьми. Подхватить упавший мяч и перебросить его остальным, включаясь в игру.

Он будет очень осторожен и проконтролирует свои действия, чтобы никому не навредить... Он ведь уже достаточно тренировался, чтобы держать свою силу под контролем и не наделать глупостей.

Перехватив конец косы серым шнурком, крылатый погладил пальцами две бусины. Тихо вздохнул, понимая, что не решится спуститься к детям.

Порой ему хотелось странных, несбыточных вещей. Он понимал ответственность, возложенную на него, но все равно иногда казалось, что это несправедливо.

Он же не станет никого любить сильнее, если однажды сыграет с другими в мяч. Или заплетет в волосы ленту. Или...

Или пожелает узнать, кто его родители.

Вытащив из складок одежды осколок зеркальца, крылатый взглянул на собственное отражение. Шнурок был черным и резко выделялся на фоне светлых волос. А полупрозрачные бусины переливались оттенками оранжевого.

Он все же спускался на поляну, но поздно вечером, когда солнце пряталось за далекими горами. Кружился в примятой траве, представлял, что рядом с ним играют дети. Вскидывал руки, изображая, что бросает мяч. А потом падал на спину, растопырив крылья, и долго смотрел на темное небо, на котором одна за другой проступали бусины звезд.

Но что будет, если он спустится с холма не потом, а сейчас? Он... просто поздоровается и сядет чуть поодаль.

А если приходить каждый день, то однажды дети пригласят его в игру. Или мяч, выскользнув из чьих-то рук, подкатится к нему...

Завороженный мечтой, крылатый сжал в руке осколок зеркала, намереваясь прямо сейчас покинуть свое убежище, чтобы подружиться...

И вздрогнул.

– Опять ты занимаешься глупостями, Дарелин, – устало сказал Старейшина Вольтен, остановившись с другой стороны куста. – Лучше бы посвятил это время тренировкам, чем всякой чепухе.

Дети с поляны его еще не видели и продолжали играть.

Крылатый опустил голову, не зная, что ответить.

Да, тренировки были важны и необходимы, чтобы он смог правильно выполнять возложенную на него ответственность. Но ведь не будет вреда от того, что он просто смотрит на детей?

Однако, по словам Старейшин, выходило, что будет.

Сначала он, Дарелин, захочет общаться с детьми.

Потом пожелает выбрать себе «лучшего друга».

Или того, кого можно будет любить сильнее остальных.

А именно из-за этого все беды.

Боевой лир должен любить всех одинаково – лишь в этом случае он способен правильно реагировать и хорошо защищать.

И что это у тебя в волосах? – Старейшина вздохнул. – Расплетись. Это ужасно.

Дарелин провел пальцами по косе и, уткнувшись взглядом в траву, принялся выпутывать из прически шнурок. Бусины, стукаясь друг о друга, тонко позвякивали.

Красивые...

Старейшина протянул руку, и лир молча вложил в ладонь с длинными цепкими пальцами черный шнурок.

– Сколько тебе необходимо повторять, чтобы ты не потворствовал своим сиюминутным желаниям? – мягко спросил Старейшина Вольтен, не рассчитывая услышать ответ. – Ты уже достаточно взрослый, чтобы выбросить из головы детские забавы... Встань.

Боевой лир выбрался из-под куста, поплотнее прижимая к спине крылья. Левое чуть отставало в росте, и полет его все еще был куцым и лишенным изящества, присущего всем Старейшинам.

– Если у тебя так много свободного времени, то не лучше ли потратить его на дополнительные занятия? Навыки пригодятся тебе, чтобы защищать всех. В том числе – и этих детей.

Дарелин кивнул, соглашаясь. Но когда они начали спускаться с холма в противоположную от поляны сторону, не удержался и быстро оглянулся.

Дети, не заметив ни Старейшину, ни его, продолжали беззаботно смеяться и перебрасывать друг другу мяч.

Крошечная, почти оформившаяся мечта присоединиться к ним истончалась, как утренний туман.

– Пойми, тебе лучше к ним не приближаться, – движение Дарелина не укрылось от взора Старейшины Вольтена. – Ты выше их, тяжелее, во много раз сильнее... Бросив мяч в чьи-то руки, ты можешь случайно убить чьего-то ребенка. Но если ты будешь соблюдать дистанцию, то никто и не пострадает.

Он продолжал говорить, но Дарелин его не слушал.

Да, лир был высоким, лишь на полголовы ниже Старейшин. С кинжалом он управлялся хорошо, как и с боевым копьем, шестом, мечом и палицей. А крылом Дарелину удавалось перешибить ствол молодого дерева, которое только-только разменяло первый десяток лет жизни...

Но ему все равно хотелось прикоснуться хоть к кому-то. Подержать в руках мяч.

Да и родители...

Конечно, он знал, что где-то у него есть родители, которые горды тем, что у них появился боевой лир...

Но почему ему нельзя узнать хотя бы их имена? Если будет надо, он, Дарелин, поклянется, что не станет их любить сильнее прочих и искать...

– Ты опять меня не слушаешь... – вздохнул Старейшина, остановившись и повернувшись к нему. – Дарелин, сосредоточься. Ты уже не маленький. Тебе уже пять лет. Выбрось из головы всю эту чепуху, если не хочешь подставить под удар всех нас.

Лир понурился. Подставлять под удар других не хотелось. Дети же на поляне не виноваты, что он уродился таким.

Мечтательным.

– Хорошо. Извините, Старейшина Вольтен, я... Это случайно произошло. Больше не повторится, – тихо пообещал лир.

Спокойное лицо Старейшины не изменилось. Он не слишком верил собственному ученику, и Дарелин это ощущал.

Мечта поиграть с другими детьми – несбыточная, абсолютно глупая и неправильная – все равно манила.

Но в чем-то Дарелин мог быть уверен. К детям на поляне он не приблизится.

Даже если очень-очень захочет.

Боевому лиру нельзя ни к кому привязываться.

Чтобы не случилось беды.

2017

Владимир Торин СТРАННАЯ МАМБА

Это был Тремпл-Толл, иначе называемый Саквояжным районом, одно из самых захудалых квартальных скоплений Габена. Тремпл-Толл был не так убог, как Фли, разумеется, но тем не менее. Здесь – невзрачные дома и непримечательные улочки. Здесь – ничем не выделяющиеся жители. Ну, есть такой район, и все тут. Живет здесь кто-то, и на том спасибо. Здесь жил когда-то и я. Да если начистоту, я вообще не помню, чтобы жил хоть где-нибудь еще, когда был ребенком.

Если вы пройдете по Бремроук, самой широкой улице Тремпл-Толл, и свернете у покосившегося фонаря направо, то окажетесь на Фонарной улочке. Почти сразу же вы внезапно вспомните, что вам не сюда и поспешите вернуться на Бремроук, где на станции сядете на паротрамвай и уедете подальше, избежав не столько даже бед и несчастий, сколько смертельной скуки и предопределенного разочарования. Но если же вы не в ладах с головой и с внезапными прозрениями, не верите собственным мрачным предчувствиям и вам плевать на инстинкт морального самосохранения, то добро пожаловать. Только не говорите, что вас не предупреждали.

Как бы то ни было, Фонарная улочка к вашим услугам. Два ряда нависающих над нешироким проездом двух- и трехэтажных домов, ржавые трубы, прохудившиеся крыши да слепые круглые окна чердаков. Мостовая оставляет желать лучшего — на ней больше выбоин, чем, собственно, брусчатки. Тесно, узко, как-то криво. Места нет даже для фонарных столбов — фонари здесь угрюмо нависают над дверями.

В одном из таких домов я и жил. Наша квартирка представляла собой прихожую, кухню и спальню – на первом этаже, неказистую лестницу и сырую, больше походящую на чулан, комнатушку на втором. Угадайте, где обретался я.

Ваш покорный слуга – в те времена худощавый мальчишка, похожий на девчонку. Здоровенные глаза в пол-лица, нечесаные лохмы то ли рыжих, то ли красных волос, ну и кожа, бледная настолько, что на фоне стены, если бы не лохмы, я мог бы сойти за невидимку. Тот еще красавчик. Тогда я полагал, что всегда буду таким вот странным. Думал: из уродливых детей вырастают уродливые взрослые. Оказалось, это не совсем так. В любом случае, в те годы сомневаться мне не приходилось, а все благодаря вот таким ежедневным заверениям: «Глаза б мои тебя не видели,

маленький тупица!», «Я все вижу, мерзкая личинка!», «Если бы можно было смыть это отвратное лицо, я, так и быть, дала бы тебе кусок мыла!»

Да уж, не слишком веселое времечко. Но что я мог тогда поделать – детям не дают ни права голоса, ни права выбора. В лучшем случае детям дают право просто быть детьми, в худшем – право мести полы на обоих этажах, драить лестницу, мыть окна, полировать котлы на кухне, менять масло в фонарях, процеживать керосин, выбивать пыль из перин и тому подобное. И все это молча, безропотно и еще: «Пошевеливайся!»

Если вы потеряли меня, то вот он, я: в темной квартире, скрючился на площадке тесной лестницы, выметаю щеткой пылинку из зазора между досками и никак не могу ее вымести. Черные круги под моими глазами – оттого что я очень мало сплю: всего пару часов, ведь ночью нужно следить за часами и вовремя подтягивать цепи и гири. Кости и ребра торчат, потому что я почти ничего не ем. До того, как я покинул этот дом, я и вовсе думал, что луковица и сухарь – это обычная нормальная еда для ребенка. «Еще хлеб на тебя изводить, маленький грызун!», «Сыр не про таких, как ты, вонючий головастик!» и: «Тебя хлебом не корми, только дай повыть: "Хочу есть!"». А бледный я потому, что на улицу не выхожу. «Тебе только дай волю, все улизнуть пытаешься!», «Нечего шляться где попало! Ковер сам себя не выбьет!» и: «Ничего там нет такого интересного, чтобы по улочкам ошиваться!»

Это сейчас я рассказываю все это с долей иронии, и что-то из того, о чем я говорю, вероятно, может даже показаться смешным и забавным. Но на деле все обстояло не так иронично-саркастично. Когда я плохо (недостаточно хорошо, по кое-чьим меркам) подметал пол, меня возили лицом по этому самому полу, сдирая кожу, загоняя занозы и обивая череп о доски. Когда я плохо (недостаточно хорошо, по все тем же меркам) чистил лампы или проливал керосин, заполняя их, меня заставляли выпивать все пролитое топливо. Когда я плохо (вы и так уже поняли) выбивал ковер или перины, то меня заставляли делать это, пока пылинки не прекратят и вовсе лететь, а всю собранную пыль сгружали мне в кровать, и я должен был спать в этом ужасном сером ковре, пока не «пойму свою ошибку», «исправлюсь», «серьезно задумаюсь над своим поведением». Ничего даже отдаленно веселого.

Почти каждый день я думал, что завтра уже умру. Но, к сожалению, у меня было слишком много обязанностей по дому, и я никак не мог вклинить смерть в свое расписание. Был, правда, один раз, когда между чисткой печи и поливанием плотоядных росянок в горшках у меня образовалось свободное время, но начался дождь, и мне пришлось лезть на крышу – заколачивать

щели в черепице досками. Так что и в тот раз спокойно умереть не вышло.

Зато удалось немного посидеть на крыше. Упершись ногами в водосток, я просто сидел около четверти часа наедине с дождем, слушая звуки Тремпл-Толл. Целую четверть часа я не слышал хрипов, тяжелых шагов на лестнице, ворчания и ругани. Я молча глядел на крыши домов, на проплывающий вдалеке дирижабль, на мигающие семафорные бакены среди туч. В окнах дома напротив ярко горел свет. Оттуда доносилась музыка; тени мелькали на фоне оконных проемов. Танцевали... Я знал, что это за место. На вывеске было написано: «Салон мистера Боггарта», но я слышал о нем лишь: «Гнилой притон!», «Бездельничья свалка!» и: «Шумотопталка!»

По вечерам в «Салоне мистера Боггарта» устраивали танцы. Вальс и танго... Кто-то пел, люди шутили и смеялись. Отзвуки, долетавшие оттуда, рисовали в моей голове причудливую картину, на которой было изображено что-то непонятное, но яркое, и я называл ее: «Чудачество, запертое в бутылку». Я тогда не слишком понимал значение слова «кабаре».

Я сидел у водостока, пока из чердачного люка не раздались крики: «Надеюсь, ты свалился с крыши! Хватит торчать у трубы! Даже драные коты столько не торчат у труб!», а напоследок: «Немедленно спускайся, паршивец!» И так я вернулся в свое обычное существование.

Все было очень плохо. Я ненавидел свою жизнь, вечно вжимал голову в плечи, ожидая очередного удара, я прозябал хуже тех плотоядных росянок в горшках – их, по крайней мере, кормили завтраком, вторым завтраком, обедом и ужином, состоящими из мух, которых я лично отлавливал с утра и до вечера. И все же, вскоре, в один из обычных серых габенских дней, все изменилось. Настоящую боль я пережил, когда в моей жизни появилось то, что у меня можно было забрать. До этого мне просто не с чем было сравнивать. У меня ничего не было: никаких игрушек, из одежды только старая рубаха и мешковатые штаны на одной подтяжке. Я просто не умел терять, так как я ничем не владел, но...

Однажды в городе появилась она. Вышла из облака пара под аккомпанемент гудка колесного парохода «Злая Вивьен». Ее звали мадам Эсперанза, и, очевидно, она сошла на берег на пристани в районе Набережных, хоть никто из пассажиров не смог бы вспомнить ее общества. И это странно, ведь забыть, как и не заметить ее, было в принципе невозможно. В руках мадам Эсперанза держала чемодан, обтянутый кожей ящерицы, и диковинную зеленую трость. На плечах у нее величественно возлежало пышное боа, а в волосы были вплетены пестрые перья. Мадам

Эсперанза была красивой, у нее были большие черные глаза и смуглая кожа. Она была чем-то невероятным. Чудом. И каждый, кто глядел на нее, думал: «Что же она делает в такой дыре, как Габен?»

Местная публика не знала, как реагировать на появление мадам Эсперанзы. Эта женщина была настолько невероятной, что нельзя было не отдать ей честь, будь ты служивым, или не приподнять цилиндр в почтении, будь ты джентльменом. Но в то же время она была исключительно... чужой. В ней – в ее позе, в грации движений, во взгляде – было больше звериного, чем человеческого. Габенские дамы были испуганы – о, они были просто в ужасе! Как одна они решили, что мадам Эсперанза явилась в Габен, чтобы похитить их мужей. Они зря переживали – местные мужчины были мадам Эсперанзе совершенно без надобности. По крайней мере, одних мужчин ей точно было мало.

Проигнорировав склонившегося в почтении вальяжного смотрителя причала, мадам Эсперанза поставила чемодан на дощатый настил и извлекла на свет походящий на спицу мундштук с невероятно тонкой папиреткой. Удачно оказавшийся поблизости мальчишка из породы уличных детей поспешил поднести ей зажженную спичку.

 Благодарю, дорогой, – сказала мадам Эсперанза низким глубоким голосом, взяла чемодан и пошагала в город.

Неизвестно, понравился ей Габен, или нет – вряд ли, конечно, но она, в любом случае, не подала виду. Просто шла себе по улочкам района Тремпл-Толл, курила папиретку и вводила в оторопь прохожих. Она почти не глядела по сторонам. Просто шла и даже не думала спрашивать дорогу. Видимо, она прекрасно знала, куда ей нужно.

Мадам Эсперанза прошла и мимо нашего дома. Я как раз тер тряпкой круглое окошко над лестницей. Она появилась из-за угла, обогнула афишную тумбу и вошла в высокие двери здания напротив.

С ее исчезновением весь мир мгновенно будто утратил краски и посерел. Существовала ли она вообще, прекрасная мадам Эсперанза, или же я ее выдумал? Как будто она была всего лишь сном, и вот растворилась в скучной бессмысленной яви. Но она не привиделась мне, о нет.

– Вульгарная двусмысленная женщина! – воскликнула моя мачеха. Она тоже заметила мадам Эсперанзу. – Черная, как будто в угле извалялась! Мерзкая одежонка, мерзкая трость, мерзкий чемодан! Надеюсь, констебль арестует ее и посадит в клетку, где таким отвратительным женщинам самое место!

Моя мачеха кого угодно посадила бы в клетку. Она ненавидела буквально всех: и булочника, и соседей, и даже упомянутого констебля. Но сильнее всех она ненавидела меня. Огромная, как воздушный шар мистера Баллуни, продавца воздушных шаров из парка Элмз, она презирала все. «Меня тошнит от окружающего!» – часто заявляла она и шла на перекресток Бромвью и Харт в «Аптеку Медоуза» за пилюлями от тошноты. Но даже рекомые пилюли не помогали ей сдерживать неприятные позывы в желудке при виде меня. Казалось, ее и без того землистого цвета лицо серело еще больше, когда я попадался ей на глаза. Мачеха любила жаловаться на свет керосиновых ламп, который «почти довел ее до слепоты», но на самом деле ее зрению мог бы позавидовать и офицерский бинокль. Замерев в своем кресле или у печи на кухне, она не сводила с меня взгляд, где бы я ни был, будто приклеивала его к моему затылку перченой смолой.

Несмотря на желание этой женщины запереть всех кругом, частично воплотить в жизнь это желание ей удалось применительно лишь к одному человеку.

Мои родители умерли, когда мне было четыре года. Я так и не узнал, как это произошло. Она и не думала рассказывать. Вместо этого она любила посмеяться над ними, мол, какие они бестолковые тупицы, раз взяли и умерли. В понимании моей мачехи, умирали только бестолковые тупицы. Смерть она тоже презирала. Я полагал, что зря. Всякий раз, как она давилась едой, из жадности отправляя себе в рот кусок побольше, спотыкалась на лестнице, волоча свое грузное тело, или хрипела во сне, я думал, что вот-вот ее настигнет участь бестолковых тупиц. Но Джаз-смерть, очевидно, был слишком занят: играл, наверное, на рояле в каком-нибудь кабаре или осваивал очередной пассаж на трубе; в любом случае до моей мачехи ему было столько же дела, сколько и до меня.

Что касается моих родителей, то я их совсем не помнил, кроме, разве что, того, что они были добрыми. Они были... ну, родителями.

– Вульгарная двусмысленная женщина! – повторила моя мачеха и отправилась жаловаться на сам факт существования мадам Эсперанзы констеблю Грюмзу с угла Бремроук и Харт.

Но мадам Эсперанзе не было дела до злопыхателей. И хоть она скрылась за дверью «Салона мистера Боггарта», она не исчезла полностью, и вскоре жизнь всего района изменилась.

Все началось с чего-то тягучего и мягкого, такого теплого... Казалось, на мадам Эсперанзу работает сам ветер, ходит у нее в услужении. А еще дождь. Ведь как иначе объяснить то, что в их голосах стали отчетливо слышаться чужеземные музыкальные

гармоники, без сомнения, оказавшиеся в Габене лишь в тот миг, как защелки на чемодане, обшитом кожей ящерицы, открылись. Да. Вероятно, так и было. Скорее всего, эта женщина просто привезла свои ветер и дождь с собой, в багаже, в ручной клади.

Габенские женщины зря боялись мадам Эсперанзу. Они переживали, что ей нужны их мужчины, но на самом деле ей нужны были и женщины. Мадам Эксперанза извлекла из чемодана, обшитого кожей ящерицы, граммофонные пластинки. Она поставила одну из них на граммофон, а на нее – иглу. И заиграла музыка. А она начала танцевать. Быстро-быстро – медленно. Быстро-быстро – медленно. Она танцевала с невероятной грацией, она походила на дерево, иву на скале, изгибаемую ветром. И она начала учить мужчин и женщин в «Салоне мистера Боггарта».

Мадам Эсперанза привезла больше, чем чемодан, обтянутый кожей ящерицы. Она привезла с собой мамбу. Я слышал обрывки разговоров, слышал шепот, принесенный ветром в мое окно. «Мамба, – шептал ветер. – Мамба...» Что-то было в этом слове – такое далекое, чужестранное. Живущий в соседней квартирке Дрю, «Малыш Дрю» Мобб, семидесятилетний престарелый юнга с пакетбота «Долговязый Хрюк» почти все, что не понимал, называл своим, видимо, морским термином «экзотичное». Он звал так все, что откуда-то привезено, а еще то, при описании чего его словарный запас «садился на мель».

Экзотичное... Это слово подходило и для самой мадам Эсперанзы, и для ее танца.

Слава о мамбе разлетелась по Тремпл-Толл быстрее поветрия. И к «Салону мистера Боггарта» начали сходиться люди из прочих районов. Фонарная улочка, не слишком до того людная, наполнилась шумом, гамом и экипажами. Новомодный танец стал популярным. Так вышло, что по душе пришелся он всем, и даже те, кто не мог его танцевать, просто любовались танцем других – для габенцев это было словно открытое настежь окно в душной и пыльной комнате.

А если уж говорить о дегте, бочках и неких столовых приборах, то все же нужно признать, что был, по крайней мере, один человек, которого все связанное с новым танцем буквально выводило из себя.

– Отвратительные танцульки, – говорила моя мачеха. – Мерзкие вульгарные дрыганья-дерганья. Как будто кто-то стал им на ногу, а они пытаются его стряхнуть! Во времена моей молодости такого позора не было. Тогдашние констебли уже давно всех этих дрыгалок по клеткам порассаживали бы да в канале утопили. И туда им и дорога, этим бестолочам, которые только и знают, что заводить свои граммофоны и обивать паркет. Была б моя воля,

я бы заколотила все окна, двери, граммофонные рога этого рассадника пошлости и тупиц, «Салона мистера Боггарта»...

Я не слушал мачеху. Я слушал мамбу... Это было больше, чем звуком, больше, чем танцем. Мамба была чужеземной душой, привезенной в чемодане из кожи ящерицы. Она была так далеко и вместе с тем буквально в двух шагах, почти что здесь! Она походила на далекие отзвуки приближающегося дождя. И тебя охватывает дрожь, а пальцы трясутся, нельзя усидеть на одном месте, нельзя заставить себя думать о чем-то другом. Впервые в жизни мне чего-то захотелось; вернее, я осознал сам факт собственного желания чего-нибудь. И этим «что-нибудь» стало просто «слышать»...

Я слышал эту музыку, которая пытается встряхнуть тебя, которая грохочет в груди барабанами, которая волочит за шкирку. Эта музыка вонзалась в меня, как игла, протягивающая нить по всем внутренностям и вырывающаяся наружу. Я ничего не мог с этим поделать. Я видел огни в окнах и тени в огнях. Я видел усталые, но просветленные лица людей, мужчин и женщин, выходивших поздним вечером из дверей «Салона мистера Боггарта». Это было просто небывалое дело для Габена! Расходясь по своим домам, они выглядели так, будто хотят жить, будто им не все равно, проснутся они завтра или нет. Просто невероятное дело для Габена.

И я захотел. Захотел научиться танцевать этот необычный, диковинный танец. Танец, от которого людям просто хочется жить. Но как научиться делать что-то, не имея ни малейшего представления, что это такое?! Как, спрашивается, повторить то, что ты даже не знаешь, как выглядит?! И я начал топать. Гулко топать в такт этой музыке. Мне казалось, что я делаю все верно. По крайней мере, когда я топал, мне становилось легче, усталость и дурные мысли как рукой снимало...

Что касается моей мачехи, то она просто рассвирепела. Я никогда не видел ее в такой ярости. И пусть до того, как в Габене появилась мадам Эсперанза, она презирала всех кругом, сейчас ее ненависть стала совершенно невыносимой. Ненависть стала ощутимой, как пыль, поднятая в воздух при ударе ладонью по старому дивану. Ненависть стала прятаться по темным углам, она забила собой дымоход, караулила за дверями.

Однажды мачеха привела мистера Доэрти, плотника с соседней улицы.

Я сидел на краешке своей старой кровати и в отчаянии глядел, как плотник заколачивает мое крошечное полукруглое окно. И с каждым ударом молотка, с каждой наложенной доской моя мамба умирала. Словно она была маленькой девочкой, смуглой маленькой девочкой с огромными глазами, а молоток бил ее по

голове, доски выстраивались вокруг нее, как крошечный глухой гроб. От каждого удара я непроизвольно дергался. А моя мачеха стояла и хохотала, глядя на меня. Все ее платье и уродливый фартук, расшитый серыми цветами, покрылись слюной, которую она разбрасывала с губ во время смеха.

– Никаких уродливых танцев в моем доме! – закричала она так, что гвозди сами едва не вбились в доски от ее голоса.

Но я топал... Стоило ей заснуть или уйти куда-нибудь, как я тут же пытался танцевать мамбу. До меня долетали лишь приглушенные отзвуки музыки. Они, словно грызуны, просачивались из щелей «Салона мистера Боггарта», ползли ко мне. И я топал им в такт. Тук-стук. Стук-тук-топ. Тук-стук. Стук-тук-топ.

– Хватит топать, ты, мерзкая пиявка! – кричала мачеха, стоило мне зазеваться, и стучала в потолок своей палкой. – Хватит топать, мелкий уродец!

И тогда я затихал. И сидел в страхе и ожидании, что она вот-вот поднимется и начнет кричать или ударит меня палкой.

Но она все не поднималась. А я выжидал, когда она отправится на рынок, в аптеку или к булочнику мистеру Буллю. И тогда я продолжал учиться. Я топал, перекатывался с носка на пятку, пытался делать это в ритм с теми отголосками, которые долетали с другой стороны улицы.

Чтобы хоть как-то учиться, когда мачеха была дома, я, выполняя свои многочисленные поручения, не просто ходил, бессмысленно переставляя ноги, как все прочие люди. Я ступал на носки или на пятки, пытался шагать в ритме неслышного барабана, как игрушечный солдатик.

Иногда мачеха подмечала, что с моими ногами что-то не так.

– Хватит топать, ты, мерзкая пиявка! – снова кричала она. – Или я запру тебя в чулане на всю неделю!

Но я продолжал. Мое сердце больше не могло поддаваться. Ну, вы знаете, сиротские сердца, они такие. Что-то с ними не так. Что-то отличает их от всех прочих сердец. С определенного момента в них посеяно зерно – зерно бунта и противоречий. И даже у самых покладистых сирот это зерно однажды прорастает... Мое одиночество слишком долго не давало ему прорасти.

У меня не было друзей. «Какие еще друзья? Друзья мешают выполнять обязанности по дому, маленький тупица!», «Друзья – это совершенно лишние и ненужные предметы!» и: «Твои лучшие друзья – это метла и щетка!»

Но незаметно для мачехи у меня появился новый друг. И пусть я его выдумал – для меня он был очень реальным. Этого друга звали Эхо. Он был пронырлив, как ищейка. Он был нагл, как коммивояжер. Он был уперт, как самовлюбленный эгоист. Эхо музыки из

«Салона мистера Боггарта» проникало сквозь щели, пробиралось между досками. Оно не могло потеряться даже в грохоте ревущих механизмов и средств передвижения с Бремроук. Напротив: трамвайные звонки, клаксоны часовых экипажей и шум лопастей дирижабельных винтов словно лишь добавляли ему гармоник...

И вот так я учился танцевать мою мамбу. Я не мог увидеть, как она танцуется, делаю ли я правильно или же ни одно из моих движений не имеет с мамбой мадам Эсперанзы ничего общего. Я просто перешагивал, скользил носком и притопывал пяткой. Держал ритм, иногда усложнял его, иногда следовал ему, будто чертежам.

Я слышал отзвуки и дорисовывал себе картину. Я представлял, что мадам Эсперанза стоит рядом, глядит на меня своим прекрасным строгим взглядом. Я считал, что в этот момент она должна ритмично щелкать пальцами, и я почему-то щелкал вместе с ней. «Быстро-быстро – медленно, – говорила она в моем воображении. – Быстро-быстро – медленно!»

У меня не было партнера для танца. Лишь недоброжелательная тень, которая корчилась и дергалась на стене, видимо, от смеха, глядя на мои неловкие попытки вогнать себя в ритмический рисунок доносящейся издалека прекрасной иноземной музыки. Но при любой возможности я пытался танцевать в своей комнате. Я пытался танцевать мою странную мамбу. Шаг за шагом. Буквально! Я учился танцевать мамбу. И так продолжалось, пока эта музыка не стала частью меня.

Но однажды все изменилось. За стенкой кто-то поставил пластинку. Граммофон был так близко. Я различил даже стук каблуков и шелест платья. Они танцевали! Танцевали мамбу! Прямо за моей стенкой!

Дива пела. Или, вернее, она дышала... Под музыку. И ее дыхание чудесным образом складывалось в слова. Они были такими... плотными, как будто эта женщина стояла рядом. Так могла бы петь сама мадам Эсперанза.

Милая девочка, ты вернулась в Неалли, Потому что так соскучилась по здешним пейзажам, По местным танцам и очаровательным песням. Но, минутку, что-то не так! Потому что теперь это...

Дверь внезапно распахнулась. Я так... затанцевался, что сначала даже не обратил внимания. Мачеха стояла на пороге моей комнаты. В руке она сжимала свою палку. Ее толстое уродливое лицо было так сильно искажено от ярости, что я от ужаса застыл на месте.

– Я говорила тебе, не топай! – заревела она. – Говорила или нет?!

Она подошла ко мне. Подняла палку и ударила.

Я закричал и упал на пол. А она продолжила бить. От невероятной боли я кричал и дергался. Пытался прикрыться руками, но после второго удара палки по запястью моя рука повисла плетью. Сквозь боль и отчаяние, сквозь пелену наполнивших мои глаза слез я понял, что она бьет меня по ногам. И в какой-то момент она просто сломала их. Обе мои ноги. Чтобы я больше не мог топать. Чтобы я не мог сделать и шага.

– Я видела этот их уродливый вульгарный танец, – отвратительно рассмеялась она, плюясь пеной. – Все равно ты пытался танцевать не то! Ха-ха! Не то! Все было зря! Напрасно! Понял? Жалкий! Никчемный! Тупица!

Это было последнее, что я услышал. Меня просто не стало. Как будто кто-то задернул штору или прикрутил вентиль керосиновой горелки. Я исчез.

...А появился я в отражении грязного супа в оловянной миске. Я жадно ел его немытой ложкой, и суп стекал по моим губам, щекам и подбородку. И внезапно я вновь стал собой. Просто проснулся от яви, которая не была явью.

Оказалось, что прошло много времени с того момента, как она зашла в мою комнату с палкой. Просто все это время я ничего не понимал. Не осознавал из-за боли. Я потерял вчера, сегодня, не знал, что существует завтра. Помню, что тень меня вернулась из небытия от ужасного приступа. Все тело ломало и крючило. Пол подо мной был липок от крови. Окровавленные кости торчали из ног. Каждое движение было полно муки. Она сломала мои ноги! Лицо жгло от впитавшихся в кожу слез, глаза и вовсе горели. Я был хуже, чем убит. Она отняла мои ноги...

Я не помню, как зажили мои раны и что со мной было все то время, пока я «бодрствовал». Я поглядел на свои ноги. Из кожи торчали обломки костей – зрелище уродливее и отвратительнее нужно было еще поискать. Раны, тем не менее, давно зажили. Никакой боли. Но и никаких ног...

И тут я услышал отзвук. Кто бы мог подумать, что какое-то далекое эхо сможет сделать мне еще больнее? Это была мамба. Музыка мадам Эсперанзы. Я сразу же узнал эти ноты. Как будто ничего и не случилось. Я отшвырнул тарелку и подполз к заколоченному окну. От бессилия, отчаяния и безысходности я стал царапать стену ногтями.

Я больше никогда не смогу танцевать мамбу! Лучше бы я не приходил в себя. Лучше бы она меня убила... убила... Кажется,

у меня как раз появилось свободное время для того, что я так долго откладывал...

Я упер руки в пол и пополз к чулану. Я знал, что она там, нужная мне вещь. Я сам ее туда положил. Преодолевая фут за футом, я полз к дощатой двери в углу моей комнатушки. С невероятным трудом я схватился за ручку и потянул на себя.

На одной из полок рядком стояли склянки. Я выбрал темно-зеленую, с черной лентой вокруг горлышка. На этикетке красовалась витиеватая надпись: «Мистер Кот. Крысиный яд». Это должно помочь, должно подействовать. Я знаю. Я помню... Они пили это, а потом их находили под кроватью брюшком кверху, с торчащими в стороны лапками. Я просто выпью это, и меня найдут валяющимся кверху брюхом, с раскинутыми руками и изуродованными ногами. Но это буду уже не я. Меня здесь не будет. Мне не нужны ноги, чтобы сбежать из этого ужасного места. Я выпью и сбегу отсюда. Я выпью и попаду туда, где живы мои мама и папа, где мои ноги целы...

Так я думал, не замечая, что единственный стул в моей комнате занят. Занят кем-то. Кто-то, судя по всему, обладал недюжинным слухом, чтобы подслушать мои обреченные мысли.

– Эй, парень! Что ты там делаешь, на полу? – спросил он. Его голос напоминал невероятно громкий шепот.

Я так испугался, что едва не выронил склянку с ядом. Вот было бы упущение.

– К-кто вы? – спросил я.

Незнакомец на стуле покачал головой. Он сидел так, словно это был самый удобный на свете стул, даже закинул ногу на ногу. В темноте комнаты его никак не удавалось разглядеть полностью. Я понял лишь, что на нем черный костюм-тройка. Угольные сюртук, жилет и штаны. На голове мужчины был высокий смоляной цилиндр.

- И что... что тут делаете? добавил я.
- Бедный слабый сиротка, прошептал он без доли сожаления или сочувствия.

Ничего доброго от взрослых я не видел, и поэтому сразу же решил, что незнакомец хочет забрать у меня мое последнее достояние – крысиный яд. Я прижал склянку к груди с твердым намерением сражаться за нее до последнего.

– Бедный слабый сиротка за запертой дверью... – прошептал он. – И кажется, что конец близок. Но что это за звуки звучат в твоей голове?

Я хотел было возразить этому пугающему странному взрослому, что никаких звуков нет! Я собрал всю свою волю и злость и открыл было рот, как вдруг действительно что-то услышал...

Милая девочка, ты вернулась в Неалли, Потому что так соскучилась по здешним пейзажам, По местным танцам и очаровательным песням.

Этого просто не могло быть... Мамба... Эта песня. Эти звуки... Это...

Незнакомец поднялся на ноги. Он оказался очень высок. По правде, я никогда не видел таких высоких людей. Ему даже пришлось пригнуть голову, чтобы не стукнуться верхушкой цилиндра о потолок. И все равно его плечи уперлись в этот самый потолок. Его лицо по-прежнему представляло собой черную тень. Незнакомец подошел к окну и стукнул по доскам костяшками пальцев, будто в дверь постучался. Его руки в тонких белых перчатках словно светились в темноте.

В тот же миг – я просто не поверил своим глазам – гвозди с отвратительным скрежетом поползли из своих отверстий и посыпались на пол, как капли какого-то уродливого дождя. Доски рухнули следом за ними. Даже со своего места я почувствовал прикосновение ветра, ворвавшегося в комнату через мое старое полукруглое окно. И даже из чулана я увидел свет в окнах «Салона мистера Боггарта».

- Кто вы такой? спросил я, глядя, как незнакомец снова усаживается на стул.
- Сейчас я должен спросить тебя в ответ: «А ты как думаешь?» со вздохом вселенской утомленности ответил незнакомец. Ну, для создания пущего драматического эффекта, парень. Он покачал головой и проворчал: Люди и их мелодрамы...
 - Я не понимаю…
- Шутка в том, что все так говорят. А еще добавляют эти строки из никогда не теряющей модности песни: «Почему я? Почему сейчас?»
- Вы тот, кто я думаю? затаив дыхание, спросил я, вжавшись в дверь чулана. Я уже понял, кто такой этот незнакомец в угольном костюме и белых перчатках. Вы сам...
- О, не стоит этих церемоний, парень! усмехнулся он. Я всего лишь скромный фокусник, идеально освоивший трюк с исчезновением.
 - Джаз-смерть...
 - Джаз-смерть.

Он кивнул на склянку с крысиным ядом в моих руках.

- Не отдам, сжав зубы, процедил я. Это мое...
- Фу-ты, ну-ты! махнул рукой Джаз-смерть. Жадина!
- Или нет, вдруг понял я. Я уже... уже выпил? Я уже умер?

- Сейчас я должен спросить: «А ты как думаешь?» - проворчал он. - Я, знаешь ли, просто терпеть не могу знакомства. Одно и то же из раза в раз. Лучше бы вместо этого очевидного знакомства, к которому мистер Обыватель готовился всю свою жизнь, он просто кивнул, пододвинул мне рояльный стульчик и позволил сыграть ему что-то из «Леденящей душу тревоги в ля-миноре». Хоть какое-то разнообразие...

- У меня нет рояля, только и смог сказать я. Я был совершенно сбит с толку. Я не задумывался о том, что умер. Я думал о том, какая это честь. Какую персону мне довелось увидеть. Это как встретиться с королем! Или королевой!
- Или с пешкой, прокомментировал мои мысли Джаз-смерть. Я не люблю шахматы, парень. Советую тебе прекратить думать о том, в чем ты не смыслишь. Я имею в виду встречи с важными лицами и не столь уж важными затылками. Лучше иди сюда и покажи мне, в чем ты разбираешься.
 - Вы... я...
- Мы. Они, усмехнулся Джаз-смерть. Подойди сюда, парень. Тебе не надоело сидеть в чулане? Не бойся, я ничего тебе не сделаю.

Странно было слышать подобное от Джаз-смерти.

– Если ты не знаешь, что сейчас делаешь, – добавил Джазсмерть, – то я тебе подскажу: в данную минуту ты заставляешь меня ждать.

Я опустил глаза на свои ноги. И не увидел торчащих костей. Не увидел вообще никаких признаков того, что они хоть как-то были повреждены. Я даже рот раскрыл от удивления. Никакой боли, никакого недомогания. Все было целым.

- Вы срастили мои кости? спросил я, не веря своим глазам и осторожно поднимаясь на ноги. Но почему?
- Чтобы ты прекратил тратить мое время, подошел и показал мне свой танец.
 - Мой танец?

Джаз-смерть устало потер пальцами мнимую переносицу, но, тем не менее, пояснил:

- Я слышал, что мальчик, который здесь живет, превосходно танцует... м-м-м... как это называется?
- Мамба, подсказал я, в тот миг даже не задумываясь над тем, что, разумеется, Джаз-смерть и так все прекрасно знает.
 - Пусть, не стал спорить Джаз-смерть. Ты покажешь мне?
- Я боюсь, сказал я. Подумать только, я больше боялся, что у меня не выйдет, чем сидящего напротив Джаз-смерть с черной тенью вместо лица.
 - Боишься?

- Стесняюсь.
- Парень, ты что, пытаешься рассмешить меня? Или ты забыл, кто я? Тебе не стоит меня стесняться.
 - Никто никогда не видел мою мамбу. Вдруг я делаю все не так?
 - Это неважно
 - Вдруг я ничего не вспомню? Она сломала мои ноги, и я...
 - Ты все помнишь.
 - Ho...
- Постой! вдруг перебил меня Джаз-смерть и закрыл глаза ладонью. Кто это там? А, это ведь ты. И что ты там делаешь? Прижимаешься ухом к стене? Да я и так вижу, что ты прижимаешься ухом к стене. Но зачем? Что ты говоришь? Музыка? Ты слышишь это? Какие странные, необычные звуки... Ты видишь в щелочку между досками, как проносятся тени. Как мадам Эсперанза танцует на другой стороне улицы. Тут ведь рукой подать! Я все это вижу с закрытыми глазами. А ты? Ты помнишь? он оборвал себя. Нет другое. Ты слышишь?

И я услышал. Услышал громко и отчетливо. Снова этот ветер. Снова это эхо. Из «Салона мистера Боггарта» раздавалась музыка. Игла выцарапывала звуки мамбы.

«Мне нечего терять, – подумал я. – Было бы жалко умереть, так и не станцевав больше мамбу. Мою. Странную. Мамбу... в последний раз...»

Я еще додумывал мысль, но мои ноги уже стучали. Тук-стук. Стук-тук-топ. Тук-стук. Стук-тук-топ. Быстро-быстро – медленно. Быстро-быстро – медленно.

Джаз-смерть сидел на стуле и глядел на то, как я стучу возле окна. И я не знал, что на меня глядят еще два чьих-то черных глаза через это самое окно. В какой-то момент мне почему-то показалось, что я перестал танцевать. Нет, я по-прежнему стучал, но вдруг понял, что это больше не танец. Я стал будто еще одним музыкальным инструментом. Я не знаю, сколько это продолжалось. Я закрыл глаза. Впервые я не думал ни о чем, кроме пола под ногами, музыки, которая долетала до меня с другой стороны Фонарной улочки, и того, как это соединяется. Я не думал о боли. Не думал о мачехе. Почему-то я был уверен, что она не ворвется сейчас в комнату со своей палкой. Да и мне было абсолютно все равно. Я ведь умер. Что она мне сделает?

Джаз-смерть зааплодировал, и я открыл глаза. Я просто прекратил двигаться. Музыка уже давно стихла, и я замер на месте. Эхо от последнего удара еще висело в воздухе.

– Это лучшая странная мамба, которую я когда-либо видел, – сказал он. И сейчас он был совершенно серьезен. – Действительно – лучшая странная мамба.

Он поднялся со стула, не забыв пригнуть голову, будто бы ободряюще или одобряюще положил свою тяжеленную ладонь мне на плечо, убрал руку, кивнул и направился к двери.

Я побрел следом.

Он обернулся.

- А ты это куда?
- Ну, с вами…
- Нет. Тебе со мной нельзя, сказал он.
- Но я же умер...
- Почему ты так решил? удивился Джаз-смерть.

Я был совершенно сбит с толку.

- Но вы ведь... Вы сказали: «А ты как думаешь?» Вернее, не сказали... Вернее... я окончательно запутался. Ну и, к тому же, вы ведь здесь!
 - Верно, здесь, кивнул он. Но я пришел не за тобой.

Джаз-смерть многозначительно поглядел сквозь пол.

- Она... начал было я.
- Да, и от собственной злобы, случается, можно умереть. Вот ведь... бестолковая тупица.

И он просто вышел за дверь.

Я не слышал его шагов по лестнице.

Я так и не узнал, что он сказал моей мачехе. Вероятно: «Сейчас я должен спросить тебя в ответ: "А ты как думаешь?"»

Я по-прежнему сжимал в руке склянку с крысиным ядом. В голове все было просто вперемешку. Я подошел к кровати, сел на нее и задумался. Я попытался разобраться в том, что только что произошло, и не смог. Мои ноги... их не было, а теперь они были целы. А еще мистер... господин... Джаз-смерть. Он сидел здесь, на стуле! Он говорил со мной! Ему понравилась моя мамба... моя мамба...

Я сидел на кровати и думал, что все это был сон. Мне просто все приснилось. Она не ломала мои ноги, не била меня палкой (в тот раз). Я просто так устал, что уснул, и мне приснился кошмар... кошмар, но не совсем. В нем было что-то горячее, что-то непонятное, может, это то, что старый юнга Малыш Дрю, который живет в соседней квартире, называл еще менее понятным и более чужеземным словом, чем «экзотичный»? Может, это и было оно? «Счастье»? И все приснилось... Ну конечно! Джаз-смерть ни за что не стал бы со мной говорить. Я ведь никто – просто я. Это был всего лишь сон...

И вот именно тогда случилось самое важное событие в моей жизни. Тогда произошло то, что кое-кто мог бы назвать «скомканной концовкой», но я бы назвал это «лучшим началом».

Я просто поглядел в окно.

Из открытого настежь окна здания напротив на меня глядели большие черные глаза, окутанные папиретным дымом.

– Это было просто невероятно, дорогой! – воскликнула мадам Эсперанза, когда наши взгляды встретились. – Это был лучший степ, который я когда-либо видела и слышала! Где ты так научился топать?

Я раскрыл рот. Кажется, у меня это входило в привычку.

– Закрой рот, дорогой! – рассмеялась моя будущая новая мачеха. – Тебе пора избавляться от этой вредной привычки! Топай сюда! Нам с тобой есть что обсудить. А еще, знаешь ли, у меня тут ванильный шоколад и лучший в мире кофе!

Леанна Росси ДЕТАЛИ ДВУХ ПОХОДОВ

С насмешкой ходики тикают – Вечной сущности наперекор.

Февраль 2050 года

Мне и Стасу повезло – горы совсем рядом. Полчаса на машине, и сразу окунаешься в мир деревьев, разбитых каменистых тропинок, маршрутов разной сложности.

Со Стасом меня познакомил муж. Вернее сказать, сначала я услышала про него от мужа, причем массу негатива: «Такой-сякой раздолбай, ничего не умеет, все у него из рук валится, двигается, как во сне. Ни одной фразы нормально сказать не может. Язык какой-то книжный и заученный».

Универ он закончил одним из лучших на курсе.

Так получилось, что я стала вытаскивать Стаса в горы, на самые простые маршруты. Он был в плохой физической форме, и мне хотелось ему помочь.

- Стас, привет, я за тобой заеду через десять минут.
- Утро доброе, спасибо. Буду ждать.
- Сегодня пойдем по усложненному маршруту. Хорошо?

Совсем это не усложненный маршрут. Один из самых легких. Без Стаса я пройду его за два часа. Со Стасом часов пять понадобится. Но ему это нужно, и важна нагрузка на сердце, тогда начнут укрепляться мышцы.

– M-м... да... я думаю, что на данном отрезке времени я уже готов совершить этот маршрут.

«Совершить этот маршрут на отрезке времени...» – господи, и где только он таких слов набрался?

Приехали в горы. Я дома забыла посмотреть на термометр. Резко потеплело, а мы одеты по сезону, зимнему. Три слоя: футболка, кофта, штормовка. Снимаю штормовку, складываю в рюкзак.

- Похоже, денек сегодня будет жаркий.

Стас наблюдает за моими попытками соответствовать погоде безо всякой реакции. В темных глазах ничего не разглядеть. Умная голова прячет мысли. Я уже привыкла, что их нужно вытягивать из него. И тяну, когда очень надо или что-то советую. Но не в этот раз – важно, чтобы он сам догадался снять теплый свитер. Маршрут я знаю: после километрового пологого спуска пойдет резкое восхождение. Мое сердце там забьет в набат.

- Пошли?
- Да, я думаю, что можно трогаться, вежливо соглашается Стас.

Вокруг оживает природа. А воздух какой – пахнет весной! Но это обман. Стоит появиться молоденькой травке, набухнуть цветочным почкам, проклюнуться первым листочкам, как тут же ударит мороз. Загубит все первые признаки жизни. Рано еще – зима свое не упустит.

Как легко загубить то, что в самом начале. И тех, кто в самом начале.

Я обычно иду первой, время от времени оглядываюсь и подстраиваюсь – Стас идет тяжелее и медленней. Осторожно выбирает, куда поставить ногу. Боится упасть. Отвлекаю его разговорами, вернее, ищу темы, где может состояться нормальный интересный диалог. Про фильмы и компьютерные игры Стас может говорить до скончания веков. Но лучше все-таки поговорить о более важных для жизни вещах.

- Как насчет той проблемы по проекту? Помнишь, ты мне говорил?
 - Да вроде все уладилось.

Стас рассказывает все подробно, книжным языком. И не замечает, как началось восхождение. Я замечаю – сердце забило-таки в набат, начинаю дышать глубже. Стаса не слышно. Оглядываюсь – он отстал шагов на двадцать. Тяжело дышит. Пот струится по лицу.

Стасу за тридцать. Он младше меня и в значительно худшей форме. Килограммов двадцать бы ему скинуть. Ну, десять, по крайней мере. Личной жизни у него никакой, да и социальная похожа на клетку. С последней работы его уволили, и теперь он сидит дома почти безвылазно.

Перед нами открывается сверкающая белоснежная долина, огромные глыбы льда по устью скованной, словно навечно, реки. Гордые зеленые кедры и ели устремлены к невозможно яркому синему небу. Впереди видны высокие горные хребты. Стас бежит очень легко и быстро по заснеженной едва заметной тропинке. Я следую за ним по пятам, стараюсь не отставать. Время от времени он останавливается, оглядывается по сторонам. Справа что-то мелькнуло. Заяц. Почти выскочил на нас – обалдуй, – но вовремя увидел и скакнул в сторону. Слева треснула ветка. Стас замер, рука автоматически легла на пояс, нащупала оружие – длинный охотничий нож.

Я останавливаюсь. Сердце стучит... потом уже спокойнее... и вот почти неслышно. Подходит Стас, пыхтит, как паровоз и заливается потом.

«Парень, ты должен сам догадаться снять свитер, сам, – думаю я. – Это такая маленькая деталь, но если я подскажу, ты это не запомнишь».

Недалеко хрустнула ветка. Быстро оглядываемся – внизу, в долине, мелькнули бурые тени. Здесь иногда можно встретить оленей. Почти одновременно раздался собачий лай. Стас напрягся. Мы на маршруте не одни. Из-за деревьев показалась девушка с большой черной собакой. Собака в наморднике.

Спрашиваю, как зовут пса и уже ласково, по-доброму обращаюсь к нему:

– Дизель, Дизель. Хоро-о-ший Дизель. Хороший.

Пес успокаивается, крутит хвостом. Девушка одета по погоде, на ней спортивные штаны и футболка. Уж ей-то точно не жарко! Но она заблудилась. Я подробно объясняю ей, по какому маршруту мы идем, его сложность и сколько еще до вершины. Пересечения с другими маршрутами.

К Стасу недоверчиво подходит Дизель, обнюхивает. Стас замирает.

У меня есть собака, очень крупная и добродушная. Когда Стас в первый раз ее увидел, то испугался так, что просто окаменел. Со временем он привык. Правда, обмолвился, что собаки его почему-то не любят.

Выглядываю из-за спины моего проводника. Внизу по ущелью промчалась группа оленей. Шорох совсем близко. И вдруг с большого валуна на нас прыгает огромный темный волчище. Реакция Стаса мгновенна. Хищник с распоротым брюхом падает к нашим ногам. Смотрю на неимоверно крупные белые клыки.

- Ничего себе зверюга. И откуда только выпрыгнул?
- Да, здесь нужно держать ухо востро. Меня уже один раз покусали, сообщает Стас с гордой ухмылкой.

Улыбаться он не умеет, как и смеяться. И я вдруг понимаю, что еще никогда не видела его таким счастливым. И дело не в том, что он расправился с волком, дело в том, что он выполнил то, на что не каждый способен, чего-то добился. И почувствовал себя сильным. А в реальной жизни для Стаса не осталось места, в котором он чувствовал бы себя сильным. «Месты все заняты», – вспомнилось заявление беззубой старухи, забирающей последний билетик на карусель. Месты все заняты... Возможно ли, что для некоторых людей нет места в реальной жизни?

Девушка решила идти с нами. Мы не против и даже познакомились. Только вот Дизель уж больно горячий, так и рвется вперед, тянет хозяйку за поводок. Идем, разговариваем. Минут через пять я оглянулась. Стас совсем обессилел, уселся прямо на тропинку и остервенело стаскивает с себя теплый свитер.

Штормовка валяется рядом. Футболка вся пропитана потом. Встал, покачнулся... и опять сел. Схватился за голову.

- Похоже, ему плохо, заметила наша спутница.
- Ничего, я здесь останусь и с ним посижу. Он гордый и никогда не жалуется, даже если ему плохо. Просто надо немного отдохнуть. А вы идите вперед. Вверху будет избушка, если потеряете тропу, ждите нас там.

Девушка еще раз внимательно посмотрела на Стаса. По-мо-ему, он ей нравится. Это хорошо.

Мы оставляем мертвого волка на дороге и продолжаем наш путь в ущелье между заснеженных вершин. Стас доволен, я вижу это по лицу. Он рассказывает о том, какие еще возможные препятствия нас ожидают, что надо остерегаться не только зверей лесных, но и всяческих разбойников. И хорошо бы подстрелить оленя, выскочившего впереди на тропу. Чтобы его догнать, нужно поторопиться и следить за волками. Их в этой местности довольно много, и могут напасть всей стаей.

Он сидит на тропинке. Весь мокрый. Я сижу рядом, надо его отвлечь. Пытаюсь вспомнить имя девушки.

- Стас, ты помнишь, как ее зовут? Она ведь нам сказала свое имя.
- Нет, почему-то на имена людей у меня память не очень.
 Собаку зовут Дизель.
 - Вот Дизеля я тоже запомнила. Как же ее зовут?

Встаем, идем дальше. Болтаю всякую чепуху. Вернее, пытаюсь заболтать неловкую ситуацию. Я вижу, что ему очень тяжело физически, и знаю, что он сильно переживает – не выдержал ведь, не смог идти вместе с нами. Но он должен через это пройти, а слова ничего не значат.

Впереди показался ручеек, прозрачной лентой пересекающий нашу тропу. Набираю в пластиковую бутылку холодную воду, даю Стасу.

– Намочи голову, тебе будет легче.

Послушался. Вылил всю воду на голову.

– Да, действительно легче, – произнес удивленно.

Он таки нагнал того оленя и подстрелил. Шкуру брать не стал. А вот самую мясистую часть ноги с удовольствием положил в сумку.

– В дороге пригодится. Найдем картошки, морковки, лука – отличный ужин будет. В программе еще заложены всякие кулинарные рецепты. Некоторые из них очень даже неплохие, – с усмешкой говорит Стас.

Я знаю, что готовить он не умеет. Не то что на костре, на самой удобной плите мира! Питается чем попало. В основном,

булками, лапшой и полуфабрикатами. А в его маленькой однокомнатной квартирке... Хм, сказать, что грязно – значит, неправильно сказать. В комнате все довольно организованно. Повсюду возвышаются громадные пирамиды книг, старых видеокассет и всевозможных видеодисков. Но слои пыли такие, как на чердаках или в подвалах. На кухню и особенно в ванную просто страшно заходить. Страшно. И у меня не эмоции чистюли. Я видела жилье разной степени чистоты. Но даже пьяницы иногда выходят из этаноловых темниц и чистят место своего обитания. А здесь абсолютный трезвенник. Нельзя так! Ну нельзя так жить!!! Если депрессия, лень, привычка настолько сильны, что переходят в патологию, надо себя заставлять. Надо жестоко выпинывать себя из усыпляющего кокона ничегонеделания.

Девушку с собакой мы опять увидели, когда взобрались на вершину. Мне кажется, она нас ждала. Помахала нам рукой. Пес тоже обрадовался и, приветливо виляя хвостом, буксиром подтащил хозяйку к нам. Я показала девушке тропинку, которая извилистой змейкой тянулась с горы прямо к парковке. Она уже собралась уходить и с силой оттягивала упирающегося Дизеля, когда Стас вдруг встал, протянул руку и, стоя как памятник, обратился к ней:

- Минуточку, уважаемая...

Трудно достоверно описать эту сцену, поскольку нужно ухватить много тончайших деталей. Но если говорить обобщенно, то на моих глазах Стас провалил возможную дружбу с человеком из не его социальной группы. Как двоечник вглухую заваливает важный экзамен, так и мой партнер по туризму показал полное отсутствие способностей общения с противоположным полом. Ну разве можно обращаться к девушке: «уважаемая»? Вот сказать пожилой женщине «девушка» можно, но не наоборот. Зачем надо было вставать (на дворе же не девятнадцатый век!) и стоять так демонстративно, и таким официальным голосом сообщать, что мы забыли, как ее зовут? Что мы хорошо запомнили, как зовут ее пса, хохотнув при этом? Ведь в совокупности с прямостоящей позой это выглядело чисто как насмешка.

Мне стало не по себе от такого выступления. Помочь ему исправить неловкую ситуацию было уже невозможно. А девушка... вдруг напряглась, ее взгляд стал тверже. Не улыбнувшись и ничего не сказав, она повернулась и пошла вниз по тропинке.

Впереди, среди заснеженных деревьев, мелькнул огонек. Подойдя ближе, мы увидели, что костер горит возле пещеры.

– Обычно, если горит такой большой костер, значит, там будут великаны.

Мы свернули налево, к развалинам старого дома. Не успели толком оглядеться, как со стены на нас спрыгнула женщина. Стас

вытянул руку – и из его ладони полыхнул огонь. Обгорающая фемина продолжала атаковать, но огонь из руки Стаса все больше охватывал нападающую. В конце концов она вся воспламенилась и упала на землю, дымя и догорая. Тем же способом Стас прикончил и ее спутника.

– Здесь очень много разбойников. Нужно все время быть начеку. Кто-то постоянно пытается тебя убить, – хохотнул Стас.

Опять впереди показался большой костер, и мы направились к нему. Вдруг из пещеры на Стаса пошел громадный детина и сильно двинул его кулаком по голове. Стас упал и сразу же умер. Я застыла, не зная, что делать. Великан молча направился в мою сторону.

Стас нажал кнопку «стоп». Изображение гиганта замерло с поднятой ногой и злобным выражением глаз, устремленных на меня.

– Вот черт, хотел показать вам, как в прошлый раз этот великан меня подкинул. Хорошо, что я предварительно сохранил уровень. Сейчас перезагружусь и начну опять с этого момента.

Опять я в игре и следую за Стасом по пятам, мы подходим к пещере. Опять на него пошел великан, ударил кулаком. И вдруг мой проводник взмыл высоко-высоко, аккуратненько, как птичка. Умирая.

Стоп.

Стас довольно рассмеялся, а потом посмотрел на нас. Мы с мужем тихо сидели в креслах в его квартире, пришибленные виртуалом.

– На сегодня хватит, – он выключил компьютер, положил пульт игровой приставки на столик. Спросил, обращаясь ко мне: – Ну как? Понравился «Скайрим»*?

* * *

Я никогда не видела человека с такой зависимостью. Человека, который не умеет жить в реале. Дороги скайримов красивы, опасны, непредсказуемы. Великое множество разнообразных вариантов, стремящихся к бесконечности. Маршруты увлекательны, затягивают непредвиденностью и легкостью бытия. Идеальны для гордых одиночек. Ты сам держишь все под контролем. Сам выбираешь друзей. Не надо добиваться их благосклонности, не надо располагать их к себе никакими поступками. Господин скайрима – сам себе господин.

^{* «}Скайрим» – компьютерная игра с открытым миром для одного игрока. (Прим. авт.)

^{**} Скайрим – любой несуществующий мир. (Прим. авт.)

Муж посмеивается надо мной, типа, если Стас берет тебя с собой в «Скайрим», у него к тебе чувства. Я так не думаю. Скорее, я старшая сестра, которой у него никогда не было. И, наверно, единственная женщина-друг на данный момент жизни, которая не мешает ему быть самим собой. Я знаю, что у Стаса в детстве произошла трагедия, унесшая жизнь его матери. Подробности мне неизвестны, спросить я не смогу – не умею влезать в душу. Вот рядом постоять – это да. А он, если захочет, то расскажет мне когда-нибудь. Или не расскажет...

Порой я с болью в сердце думаю, как важно иметь просто (ну ведь это так просто!) хороших, умных родителей. Как важно видеть их нормальное и уважительное отношение друг к другу. Без этого мы все разбредемся по заманчивым и волшебным маршрутам скайримов. И неизвестно, сможем ли вернуться назад.

Стас уходит все дальше. Но пока он будет жить по соседству, я пригляжу за ним. Важно, чтобы он возвращался.

2017

АВТОРЫ О СЕБЕ

Екатерина Белоусова. Родилась в 1981 году в поселке Менделеево Московской области. В 2004 году окончила юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Жила в Москве, работала юристом. В 2009 году переехала с семьей в деревню в Тверской области. Теперь я домохозяйка.

Прозу пишу с 2013 года. Постоянный автор газеты «Ржевские новости». Публиковалась в газете «Ржевская правда», журналах «Космопорт» и «Уральский следопыт», литературном приложении к журналу «Мир фантастики».

Рассказ «Киборг Ромка» вошел в топ-100 конкурса «СССР-2061» и занял третье место в номинации «Законы Вселенной» конкурса «Просто фантастика» журнала «Уральский следопыт». Рассказ «Прах» победил в номинации «Координаты чудес» премии «Произведение года» журнала «Уральский следопыт» (2015). Рассказ «Шаман пионерской дружины» занял первое место в номинации «Координаты чудес» конкурса «Просто фантастика».

Валерия Василевская. Живу рядом с Нижним Новгородом, получила образование, вырастила двоих детей. А потом захотелось писать. Удивительная тяга души, заставляющая дни и ночи осмысливать и воплощать в литературные строчки приходящие образы. И дочь свою, Галину Соловьеву, той же манией заразила.

Для разбега мы написали четыре женских детектива. Но с годами стали понимать, что наше – это фантастика.

По результатам конкурсов в литагентстве «Новые писатели» в сборниках «Звездная пыль» и «Дыхание» опубликованы четыре наших рассказа. В этом году наши рассказы вошли в сборник от «Новых писателей» и в онлайн-журнал «Фантаскоп».

Наш сайт: http://vasilevskay.ru/

Юлия Давыдова. Родилась в 1982 году в с. Старое Шайгово Республики Мордовия. В 2004 году окончила юридический факультет Российского университета кооперации. Живу и работаю в родной Мордовии. Пишу в жанре боевой фантастики и фэнтези. Первая фантастическая повесть была опубликована в 2010 году.

С 2013 по 2016 год – дипломант международного конкурса «Новые писатели». Рассказы опубликованы в четырех ежегодных сборниках издательства «Дикси Пресс» (Москва), в литературном журнале издательства «Союз писателей» и хрестоматии «По ту сторону реальности» серии «Писатели XXI века».

Дмитрий Калюжный. Живу в Люберцах.

Алексей Корепанов. Родился в Калинине (ныне Тверь, Россия). Окончил исторический факультет Калининского государственного университета. Работал редактором всеукраинского научно-популярного и литературно-художественного журнала «Порог» (Кировоград). С 2008 года – издатель и редактор альманаха «Порог-АК».

Мой сайт: http://www.korepanow.narod.ru/

Многие мои фантастические произведения можно прочитать на сайте «ЛитРес»: http://www.litres.ru/aleksey-korepanov/

Владислав Кукреш. Ударился в писательство и ушел на вольные хлеба в начале 2016 года в возрасте тридцати лет. До этого работал чиновником в

госкорпорации, а еще раньше – журналистом. Объездил и облетал в командировках всю Россию.

Теперь необходимые для жизни средства приносит «всемирная паутина», а жизнь проходит в путешествиях, чтении и литературном труде. Более подробная биография, а также образцы творчества выложены на моем сайте по адресу: interproza.ru

Владимир Мальмаков. Живу в Элисте. По профессии инженер-архитектор, вторая профессия – копирайтер (пишу статьи по заказу для размещения в Сети, в основном – технические). Пробую писать художественную прозу.

Рассказ «Песни о дожде» был опубликован в сборнике «Восторг души» (Новокузнецк, 2013). Мои статьи и художественные произведения можно почитать на сайте «Проза.ру», страница «Владимир Мальмаков».

Сергей Мякин. Родился в 1971 году. Окончил Санкт-Петербургский государственный технологический институт, там же и работаю. Кандидат химических наук, преподаватель и исследователь.

С начала 1990-х пишу рассказы в жанрах научной фантастики, мистики и хоррора. Большинство рассказов опубликовано по адресу: http://samlib.ru/m/mjakin_s w/

Увлекаюсь спортом (шахматы, теннис, футбол), рыбалкой, туризмом.

Анна Проценко. Родилась в 1999 году в Киеве. Студентка факультета психологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

Каратистка. Черный пояс. Чемпионка Украины.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Анастасия Ребкавец. Живу в Италии. Рассказ «Изгой» – это предыстория одного из персонажей моего романа «Под Крылом».

Людмила Рогочая. Родилась в Грозном. По специальности – лингвист. Пишу стихи и прозу. Член Союза российских писателей. Автор 11 книг.

К жанру фантастики обратилась недавно, хотя люблю с детства. Боялась, что не справлюсь.

Леанна Росси. Окончила факультет естественных наук Новосибирского государственного университета. По профессии молекулярный биолог – вирусолог.

Публикую произведения, в основном, на литературных интернет-сайтах.

Дарья Рубцова. Родилась, выросла и живу в Воронеже. Окончила математический факультет ВГУ, работаю инженером-программистом.

Рассказы и миниатюры пишу еще со студенческих лет, но довольно редко. Раньше относилась к этому хобби не очень серьезно, но в последнее время жизнь подбрасывает интересные темы, и хочется писать больше.

Считаю, что сейчас нужно особенно внимательно относиться к слову – все сказанное, написанное остается в информационном пространстве надолго,

и стоит задумываться о том, какой отклик будет иметь любой созданный тобой текст.

Валерий Сорокин. Родился в Кировограде. В 1979 году окончил факультет факультет физвоспитания Кировоградского педагогического института им. А. С. Пушкина. Был учителем, тренером, геологом. Сейчас на пенсии.

Автор двух поэтических книг: «Сныявь» и «Ваятель снов».

Татьяна Терновская. Живу в Москве. Еще в детстве у меня появилась тяга к литературе и созданию художественных текстов, и с тех пор я стараюсь учиться и совершенствовать свое мастерство. Не ограничиваю себя рамками, пробую силы в разных жанрах и формах. Меня вдохновляют путешествия и созерцание природы. Надеюсь стать профессиональным писателем.

Владимир Торин. Раннее детство провел в Одессе. Работал мальчи-ком-газетчиком на Приморском бульваре и манекеном в ателье господина Меера. Подобрал кота с колесиками вместо задних лап, назвал его «Моня». Сбежал с Моней из сиротского приюта мадам Коган и попал к контрабандистам из Карантинной гавани. Около года плавал на их шлюпе «Мышь». Сбежал в ящике из-под фиников, спустив его на воду в открытом море. Пока плавал в ящике, начал писать заметки – это были мои первые литературные пробы.

Екатерина Филиппова. Живу в Москве. Журналист-международник. Работала в журнале «Международная жизнь», затем в посольствах России в Африке и в США. Последние годы – в международном туризме.

Пишу фэнтези, в основном – о параллельных мирах и путешествиях во времени.

Юлий Шанс (псевдоним). Родился в 1966 году. В 1989 году окончил Московский институт электронной техники в Зеленограде. Живу в Новотроицке, работаю начальником информационного отдела городской больницы.

Мой рассказ «Григорий» был опубликован в предыщем выпуске альманаха «Порог-АК».

E-mail: julius-chance@mail.ru

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу: porog-anturage@yandex.ru

Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте: в информационном листке украинской фантастики «OldNews»

rusf.ru/oldnews/
на библиографическом сайте «Архив фантастики»
archivsf.narod.ru/
на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/
на сайте «Миров двух между – на пороге»
korepanow.narod.ru/

Підп. до друку __.07.2017. Формат 60х84 1/16. Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3. Замовлення № 699.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД» Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000. 25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29 тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05 E-mail: design@imex.kr.ua